Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Качин Николай Андреевич

АРХИВ И КОЛЛЕКЦИИ В. М. ФЛОРИНСКОГО: ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент
Дутчак Елена Ерофеевна

Томск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
1 ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОСТАВЕ АРХИВА В. М. ФЛОРИНСКОГО 38
1.1 Исторический контекст мемуаров В. М. Флоринского: подготовка медицинских кадров в Российской империи 40
1.2 «Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени»: сын священника и профессор медицины 49
1.3 «Дневник заграничного путешествия» как источник по истории становления системы академической мобильности 71
2 КОЛЛЕКЦИОННОЕ И КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ В. М. ФЛОРИНСКОГО: ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ 93
2.1 Документальные материалы о «Казанской находке» 1938 г. как источник информации о коллекциях В. М. Флоринского 94
2.2 Библиотека Флоринских: анализ состава и целевого назначения 117
3 РАБОЧАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ И ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА В. М. ФЛОРИНСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 147
3.1 Проект по организации университетского пространства: опыт анализа заказов императорских портретов и православных икон 150
3.2 Корпус документов В. М. Флоринского по истории формирования университетской библиотеки 169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 190
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 195
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 197
ПРИЛОЖЕНИЕ А Бронзовые древнекитайские монеты из коллекции В. М. Флоринского 236
ПРИЛОЖЕНИЕ Б Предметы декоративно-прикладного искусства из коллекции В. М. Флоринского 237

ПРИЛОЖЕНИЕ В Интерьер квартиры В. М. Флоринского
в главном корпусе Томского университета 241
ПРИЛОЖЕНИЕ Г Набросок расположения будущих университетских зданий
Сибирского университета, сделанный В. М. Флоринским, 1875 г. 242
ПРИЛОЖЕНИЕ Д Тематический состав книг и рукописей,
переданных В.М. Флоринским в дар Томскому университету 243
ПРИЛОЖЕНИЕ Е Счет Товарищества метахромотипии Ракочий,
Сидорский и К° с записями В. М. Флоринского, 14 апреля 1884 г. 244
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж Пригласительный билет на празднование
в честь открытия Императорского Томского университета 22 июля 1888 г 245
ПРИЛОЖЕНИЕ И «Проект предложения к пожертвователям для собрания
библиотеки Сибирского университета», составленный
В. М. Флоринским в 1877 г. 246
ПРИЛОЖЕНИЕ К Пометы В. М. Флоринского на рукописях
библиотеки В.А. Жуковского..... 247
ПРИЛОЖЕНИЕ Л Реестр грузов, полученных в г. Томске,
составленный В.М. Флоринским, 1879–1884 гг. 248

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Социокультурные трансформации последней трети XX – начала XXI в., визуальный и вещественный «повороты» в гуманитарном знании позволили исследователям обратить внимание на неписьменные источники исторической информации. Их способность дополнять вербальные данные сегодня рассматривается на самых разных материалах. Особое значение в этом случае приобретают личные архивы и коллекции, изначально включавшие в себя типологически несхожие группы источников – тексты и предметы. Такие комплексы, даже разделенные по фондам государственных учреждений, не перестают быть единым по своему происхождению хранилищем информации.

В центре данного исследования находятся архив и коллекции В.М. Флоринского (1834–1899) – разностороннего ученого и государственного деятеля второй половины XIX в., чье имя неразрывно связано с историей создания и открытия Императорского Томского университета и руководством Западносибирским учебным округом.

Энциклопедизм В.М. Флоринского в совокупности с четкой гражданской позицией позволял ему делать масштабные историко-философские обобщения, до сих пор вызывающие интерес исследователей. Как имеющие гносеологическую значимость сегодня оцениваются отдельные положения неоднократно переиздаваемых работ ученого в области славяноведения и евгеники, а его размышления о путях развития российской университетской науки актуализированы самой социальной реальностью.

В настоящее время части архива и коллекций В.М. Флоринского хранятся в фондах различных учреждений образования и культуры: в Национальном музее Республики Татарстан, Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета, Научной библиотеке Томского государственного университета и Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан.

Этот массив источников включает в себя 15 текстов мемуарного и дневникового характера (оригиналов и копий), около 2 700 служебных и личных писем, 150 делопроизводственных и актовых документов (приказы, распоряжения, автобиография и т.д.), 42 рукописных черновика его проектов и научных трудов, 25 газетных вырезок, около 12 тыс. экземпляров книг, периодических изданий, атласов и нотных альбомов, 179 археологических артефактов, 148 предметов декоративно-прикладного искусства, в том числе коллекцию восточных вееров и ваз, 711 предметов живописи, графики и миниатюры, 7 икон, 40 рукописей XVI–XIX вв., в том числе рукописные карты и планы, и другие предметы антиквариата.

Поливидовой характер этого корпуса материалов задает рамки исследования. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что подобные информационные комплексы являются результатом деятельности их владельца, поэтому входящие в них тексты и артефакты следует рассматривать как внутренне связанную систему исторических данных. Искусственное разделение «собранного» и «созданного» может привести к искажению представлений об изучаемой личности. Этот подход определил, с одной стороны, использование термина «поливидовой архив» для обозначения единства текстуального и коллекционного наследия В.М. Флоринского, с другой – структуру и содержание диссертационного исследования, призванного показать возможности разных типов источников исторической информации при реконструкции биографии и основных сторон деятельности ученого.

Степень изученности темы. Исследования, позволяющие охарактеризовать и раскрыть информационный потенциал письменных и вещественных источников, созданных и собранных В.М. Флоринским, можно разделить на несколько групп: 1) работы, непосредственно посвященные жизни и научному творчеству ученого; 2) отражающие контекст его профессиональной и административной деятельности, прежде всего особенности складывания медицинской корпорации в XIX в., типичные и нетипичные модели профессиональной карьеры, причины формирования интереса медиков к участию в общественно-политической, научной и культурной жизни империи; 3) рассматривающие информационный потенциал и методику изучения схожих комплексов исторических источников – архивов и коллекций ученых XIX столетия.

Уже в дореволюционный период сведения *о научной и административной деятельности Флоринского* были частично представлены на страницах специализированных биографических и биобиблиографических словарей и справочников[1].

Начало изучению в таком ключе жизни и интеллектуального наследия В.М. Флоринского положено историком медицины В.С. Груздевым. В работе «Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней императорской Военно-медицинской академии» (СПб., 1898) он использовал воспоминания, присланные ему самим В.М. Флоринским[2]. В архиве ученого сохранилось письмо В.С. Груздева от 12 марта 1897 г., в котором он сообщал о подготовке в честь 100-летнего юбилея Петербургской Медико-хирургической академии «обширной работы» и просил В.М. Флоринского как «свидетеля и участника реформы акушерской науки» помочь ему воссоздать события прошлых лет[3].

Со ссылкой на эти автобиографические заметки В.С. Груздев приводит сведения о времени учебы и службы ученого в Петербургской медико-хирургической академии (1853–1875). Примечательно, что причину оставления научной карьеры в академии и последующего перехода на службу в Министерство народного просвещения историк связывает с нереализованными научными и карьерными амбициями ученого. По его мнению, конкуренция «немецкой» и «русской» партий не дала В.М. Флоринскому как представителю последней занять кафедру ординарного профессора акушерства и гинекологии, что в перспективе затруднило реализацию его «любимой мечты» – возглавить акушерско-гинекологическую клинику[4].

Историк медицины также включил в монографию некоторые выдержки из писем ученого президенту академии П.А. Дубовицкому, найденных им в

---

[1] Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели. СПб., 1886. Вып. 1, тетр. 2. С. 139–140; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) : в 2 ч. / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2. С. 353–362.

[2] Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней Императорской Военно-медицинской академии и соединенной с ней академической акушерско-гинекологической клиники / сост. В.С. Груздев. СПб., 1898. 459 с.

[3] Письмо В.С. Груздева – В.М. Флоринскому, 12 марта 1897 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/476. Л. 1–2.

[4] Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 227–228.

академическом архиве[5], и список его опубликованных работ[6], указав, что научная деятельность В.М. Флоринского «не осталась бесследно в истории русской акушерско-гинекологической науке»[7].

Кроме того, В.С. Груздев стал автором статьи об ученом, опубликованной в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904)» (Казань, 1904). В ней он отмечал, что, перейдя на службу в Казанский университет[8], В.М. Флоринский не преуспел там в преподавательской и научной деятельности, поскольку уже с 1875 г. был «поглощен заботами об устройстве» Сибирского университета: «…это избрание явилось для Ф[лоринского] слишком запоздалым: он уже не мог отдать всего себя профессуре и отрешиться от учебно-административной деятельности, тем более что на последнем поприще ему предстояла крупная задача – устройство Томского университета»[9].

В издании «Первый университет в Сибири» (Томск, 1889), не только приведена биография ученого, но и впервые обращено внимание на письменное наследие В.М. Флоринского-администратора: «Сотни писем и деловых бумаг, хранящихся в портфеле Василия Марковича, могут послужить со временем богатым материалом для истории первого десятилетия возникавшего университета и могут в свое время уяснить ту роль, какую Василий Маркович играл в этом государственном вопросе»[10].

В 1906 г. в журнале «Русская старина» были опубликованы воспоминания ученого, охватывавшие период от «зарождения» идеи Сибирского университета в 1875 г. «до закладки университетских зданий»[11]. Критически отреагировал на эту публикацию один из идеологов сибирского областничества Г.Н. Потанин, обвинив

---

[5] Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 220–223.

[6] В.С. Груздев разделил работы В.М. Флоринского на две группы: «труды, посвященные различным вопросам акушерства и гинекологии» и «произведения, не имеющие отношения к этим наукам». К первой группе трудов историк приводит небольшие комментарии.

[7] Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 230, 232–241.

[8] 17 октября 1877 г. В.М. Флоринский был избран ординарным профессором Казанского университета.

[9] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета... Ч. 2. С. 357–359.

[10] Первый университет в Сибири. Томск, 1889. С. 62.

[11] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. Янв. С. 75–109; Фев. С. 288–311; Март. 564–596; Апр. С. 109–156; Май. С. 280–323; Июнь. С. 596–621.

В.М. Флоринского в присвоении заслуг Н.М. Ядринцева – «самого неутомимого популяризатора в литературе и обществе» идеи открытия университета в Сибири[12]: «…производят впечатление, как будто они писаны не для справедливого потомства, а для канцелярии министра… На всем протяжении своих записок Флоринский усиленно старается доказать мысль, что Сибирь обязана университетом правительству, а не местному обществу»[13].

Таким образом, в дореволюционный период были представлены основные биографические сведения о В.М. Флоринском, в основном базирующиеся на его собственных воспоминаниях, а также введена в научный оборот часть мемуаров ученого, касающаяся истории Томского университета. В целом исследователи отмечали, что труды В.М. Флоринского оказали существенное влияние на развитие медицинской науки, и подчеркивали его вклад в открытие Сибирского университета.

В советский период имя ученого было вскользь упомянуто в изданиях по истории Томского университета в связи с его особыми государственными полномочиями как представителя Министерства народного просвещения[14]. В целом советские исследователи считали, что попечитель Западно-Сибирского учебного округа отрицательно повлиял на общий ход развития местного образования и науки. К примеру, в негативных коннотациях деятельность В.М. Флоринского представляется в работе П.А. Зайченко: он описывал медика как «реакционера-монархиста», «покровителя семинаристов» и «душителя либеральной свободы», который сыграл явно «не положительную роль в жизни Томского университета», в частности превратив археолого-этнографический музей в «учреждение религиозно-монархического типа»[15].

Исключительным явлением стала монография М.Р. Филимонова, где автор ставил перед собой задачу осветить основные этапы развития Научной библиотеки

---

[12] Некрылов С.А. Областники и первый Сибирский университет // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 295. С. 141–148.

[13] Потанин Г.Н. Заметки и воспоминания В.М. Флоринского // Сибирская жизнь. 1906. 29 окт.; 1 нояб.; 2 нояб.

[14] Краткий исторический очерк Императорского Томского университета: за первые 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1917. 544 с.; Манассеин В.С. Возникновение и развитие идеи Сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX столетия. Иркутск, 1924. 30 с.; Томский университет, 1880–1980 : [очерк истории и деятельности]. Томск, 1980. 432 с.

[15] Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева : очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. С. 49, 53–54, 56, 85–86, 139, 148.

Томского университета за все годы ее существования. В исследовании помимо прочего были использованы опубликованные мемуары В.М. Флоринского. В частности, М.Р. Филимонов, подчеркивая роль ученого в формировании книжного фонда Научной библиотеки Томского университета, писал: «Он стремился приобрести для университета наиболее ценные книжные собрания, отбирал из дублетов книгохранилищ и книжных складов России нужные издания. Так, только благодаря стараниям профессора В.М. Флоринского университет стал обладателем таких книжных коллекций, как родовая библиотека Строгановых, личная библиотека академика А.В. Никитенко, редчайших книг из дублетов Публичной библиотеки в Петербурге и др.»[16]

В 1938 г. в Казани были случайно обнаружены личный архив и имущество В.М. Флоринского – документы разных лет, книги и коллекции. Сведения о результатах научной обработки этой находки были представлены в издании «Личные фонды в государственных хранилищах СССР» (1963)[17]. Однако интерес исследователей она привлекла только в 1976 г., когда в Казань приехал праправнучатый племянник ученого Е.В. Ястребов, первоначальной целью которого стал поиск документов, связанных с историей его семьи – «всего, так или иначе имеющего отношение к… генеалогии»[18].

Таким образом, в советском историографическом поле имя В.М. Флоринского в основном замалчивалось или упоминалось преимущественно в отрицательном значении как «монархиста-реакционера», что во многом было связано с существующими в тот период государственными общественно-политическими и идейными установками. Неоднозначное отношение к деятельности попечителя учебного округа также базировалось на воспоминаниях представителей сибирской либеральной общественности, в особенности одного из идеологов областничества Г.Н. Потанина.

---

[16] Филимонов М.Р. Книжная сокровищница Сибири : к 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета. Томск, 1988. С. 4.

[17] Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР : указатель : в 2 т. / сост. Э.В. Колосова. М., 1963. Т. 2: Н–Я. С. 263.

[18] Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск, 1996. С. 14.

Изменение эпистемологической ситуации в постсоветский период обусловило стремление пересмотреть сложившуюся оценку роли В.М. Флоринского. Прежде всего это было связано с появлением в 1994 г. монографии Е.В. Ястребова. На основе неизвестного ранее архивного материала исследователь реконструировал основные вехи биографии ученого. Е.В. Ястребов отмечал, что его работа в первую очередь направлена на восстановление исторической справедливости и «реабилитацию» имени В.М. Флоринского: «Василий Маркович принадлежит к числу тех людей, чьи имена при советской власти были преданы забвению и незаслуженно вычеркнуты из истории русской науки и образования. Достаточно сказать, что в 1980 г., во время празднования 100-летнего юбилея со дня основания Томского университета, его фамилия ни разу не прозвучала из уст выступавших. Собранные архивные и литературные материалы позволили, как мне кажется, объективно оценить заслуги и недостатки этого человека. Флоринский – сложная личность, а потому и интересная для анализа»[19].

Е.В. Ястребов опубликовал еще несколько работ, посвященных В.М. Флоринскому[20]. К примеру, он издал библиографический указатель трудов и опубликованных писем устроителя Томского университета, где разделил все его сочинения на четыре тематических раздела: медицина, археология и этнография, Томский университет и публицистика[21]. В дальнейшем исследовательская деятельность Е.В. Ястребова была связана с подготовкой к публикации переписки В.М. Флоринского с известными отечественными учеными и государственными деятелями второй половины XIX в.[22]

Согласно наблюдением Н.М. Мальцевой, разные представители рода Флоринских–Кокосовых, среди которых были священники, врачи и писатели, на протяжении XIX в. неоднократно проявляли интерес к фольклору и этнографии зауральского региона. Так, в их семье сформировалась традиция записи

---

[19] Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский. Томск, 1994. С. 7–8.

[20] Ястребов Е.В. В.М. Флоринский и Томский университет // Alma Mater. 1992. 23 окт.; 30 окт.; Его же. Победил Томск // Красное знамя. 1993. 28 июля; Его же. Василий Маркович Флоринский в Петербургской медико-хирургической академии. М., 1999. 98 с.

[21] Ястребов Е.В. Библиография опубликованных трудов Василия Марковича Флоринского. М., 1992. 63 с.

[22] Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем… 221 с.

фольклорного материала, где большое внимание уделялось описанию образа зауральского крестьянина, его нуждам и потребностям, особенностям мышления[23].

За период с 1992 по 1999 г. о попечителе учебного округа было написано несколько небольших статей биографического характера, строящихся на публикациях прежних лет, сначала в региональных и университетских периодических изданиях («Красное знамя», «Alma mater»), а затем в научной медицинской периодике – «Сибирский медицинский журнал», «Журнал акушерских и женских болезней»[24].

В этот период исследователи стали чаще обращаться к материалам личного архива В.М. Флоринского. Так, Л.А. Бушуева в монографии о повседневной жизни казанской профессуры использовала семейную переписку В.М. Флоринского с ближайшими родственниками (женой, дочерью и зятем). Исследовательница отмечает, что подобные источники дают возможность выявить различные неформальные практики в университетской среде, которые нельзя проследить по делопроизводственной документации. Кроме того, Л.А. Бушуева обращает внимание на особенность «выстраивания» и описания повседневности в так называемых «мужских» и «женских» письмах: «Неслучайно главные сюжеты писем профессора С.В. Левашова к В.М. Флоринскому связаны с событиями в Казанском университете: студенческими волнениями 1880-х гг., переменами администрации, конфликтами в среде профессоров, учебным процессом… [тогда как] в письмах женской половины… отражены бытовые, хозяйственные заботы, проведение досуга, воспитание детей и т.п.»[25].

Исследовательский коллектив Томского государственного университета под руководством профессоров С.Ф. Фоминых и С.А. Некрылова опубликовал целый ряд статей, в которых деятельность В.М. Флоринского рассматривалась в контексте

---

[23] Мальцева Н.М. Зауральская фольклористика XIX века : автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 23 с.

[24] Роготень Т. Первый Сибирский университет: история возникновения // Alma Mater. 1992. 5 июня; Воробьев О. Возвращение Флоринского // Красное знамя. 1996. 21 марта; Пузырев В. Устроитель Сибирского университета: 165 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти В.М. Флоринского // Красное знамя. 1999. 20 февр.; Его же. В.М. Флоринский и Томское общество естествоиспытателей // Сибирский медицинский журнал. Томск, 1999. Т. 14. № 1–2. С. 87–91; Цвелев Ю.В. Жизнь и научная деятельность Василия Марковича Флоринского (1834–1899) // Журнал акушерских и женских болезней. 1999. Т. 48, вып. 1. С. 77 –81.

[25] Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань, 2012. С. 30–31.

истории становления и развития Томского университета[26]. Особо подчеркнем, что научным коллективом в рамках заявленной темы впервые было обращено внимание на информационный потенциал мемуаров ученого[27], переизданы уже ставшие библиографической редкостью опубликованные воспоминания В.М. Флоринского[28] и введены в научный оборот материалы из фондов Государственного архива Томской области, посвященные истории комплектования музейных университетских коллекций[29].

Археологическая коллекция В.М. Флоринского, хранящаяся в Национальном музее Республики Татарстан, впервые становится объектом исследования в статье Е.М. Макаровой[30]. Автор разделяет все предметы коллекции на четыре группы (орудия труда, оружие, конское снаряжение и украшения одежды), а также отмечает, что они не связаны между собой общими погребениями или памятниками: «Это могут быть как случайные находки, вымытые из курганов и берегов рек во время весеннего половодья… так и предметы, выкопанные «бугровщиками» из погребений или найденные при раскопках местными исследователями»[31].

Несомненную ценность представляют работы Г.И. Колосовой и О.А. Жеравиной, в которых на основании архивных документов НБ ТГУ и

---

[26] Ректоры Томского университета : биографический словарь (1888–2003) / С.Ф. Фоминых [и др.]. Томск, 2003. Т. 5. С. 20–27; Д.И. Менделеев и В.М. Флоринский у истоков Томского университета / сост. С.Ф. Фоминых [и др.]. Томск, 2009. С. 76–85; Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) : в 2 т. Томск, 2010. Т. 1. 512 с.; Его же [и др.]. Начало формирования музейных и ботанических коллекций первого в азиатской России Сибирского (Томского) университета (конец 1870-х–1880 г.) // Томские музеи : сб. докл. и ст. Томск, 2010. С. 3–41; Дунбинский И.А., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. К вопросу о дате основания Ботанического сада при Императорском Томском университете // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 409. С. 55–60; Д.И. Менделеев и В.М. Флоринский в истории Томска / сост.: Э.В. Галажинский [и др.]. Томск, 2016. 92 с.; Томский государственный университет – дело всей России : дайджест по истории возникновения первого Императорского университета в Сибири / сост.: С.Ф. Фоминых, И.А. Дунбинский. Томск, 2018. 130 с.; Дунбинский И.А., Некрылов С.А. Василий Маркович Флоринский и первый сибирский университет в городе Томске // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2018. № 54. С. 38–44.

[27] Иванов С.Б. Воспоминания В.М. Флоринского как источник по истории открытия Императорского Томского университета // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 25–26 октября 2007 г. Томск, 2008. С. 239–243; Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Дневники В.М. Флоринского как источник по истории императорского Томского университета // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 29–30 октября 2009 г. Томск, 2010. С. 540–546.

[28] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания. 1875–1880 гг. // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост.: С. Ф. Фоминых [и др.]. Томск, 2014. С. 13–229.

[29] История комплектования музейных коллекций Сибирского (Томского) университета в документах // Томские музеи : сб. докл. и ст. / под ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняка. Томск, 2010. С. 41–180.

[30] Макарова Е.М. Атрибуция археологических предметов из коллекции В.М. Флоринского в НМ РТ // Материалы Лихачевский чтений, 5–7 апреля 2006 г. Казань, 2007. С. 253–260.

[31] Там же. С. 254.

воспоминаний В.М. Флоринского анализируется его деятельность по созданию библиотеки Томского университета и подготовке к изданию каталогов, отражающих состав ее первоначального фонда[32].

Современные исследователи, обращаясь к личности устроителя университета, видят в нем прежде всего высокопоставленного чиновника империи, сыгравшего положительную роль в развитии науки и образования на территории Сибири[33]. Необходимо отметить еще одну тенденцию современной историографии – интерес к его научным изысканиям. Так, в последние годы опубликованы работы, рассматривающие вклад В.М. Флоринского в развитие таких научных дисциплин, как медицина, археология, история и этнография[34].

Таким образом, современными исследователями был введен в научный оборот обширный корпус источников, а также в целом сформирован фокус изучения личности и творчества В.М. Флоринского. Однако большинство работ представляет собой пересказ фактов биографии ученого, изложенных им самим в разных текстах (дневниках, мемуарах, письмах) или представленных в монографии Е.В. Ястребова. Остаются неясными многие детали жизненного пути, в том числе особенности профессионального и карьерного роста, становление научных и общественно-просветительских взглядов, роль религиозных представлений в мировоззрении ученого, истоки формирования интереса к научной и административной деятельности. Не получил полновесной оценки в историографии

---

[32] Жеравина О.А., Колосова Г.И. Формирование первоначального фонда научной библиотеки Томского государственного университета сквозь призму концепции «университетская исследовательская библиотека» // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 64–69; Колосова Г.И. Василий Маркович Флоринский – основатель библиотеки Томского университета. Томск, 2018. 128 с.

[33] Дегальцева Е.А. В.М. Флоринский в Сибири: сатрап и патриот // Актуальные вопросы Сибири : 6-е науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 5–6 окт. 2007. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 221–227; Сеченова А.А. Василий Маркович Флоринский – первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2009. № 12 (90). С. 139–141; Бубнов В.А. Василий Маркович Флоринский – организатор и создатель науки в Сибири // Вестник Курганского гос. ун-та. Сер. Физиология, психология, медицина. 2014. № 6. С. 3–15.

[34] Пузырев В.П. Евгенические взгляды В.М. Флоринского на «усовершенствование и вырождение человеческого рода» (к 160-летию со дня рождения) // Флоринский В.М. Усовершенствование и вырождение человеческого рода. Томск, 1995. С. 120–126; Меркулов С.А., Дунбинский И.А. Славянский мир в работе В.М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» // Русин. 2015. № 4 (46). С. 44–55; Жук А.В. Василий Маркович Флоринский, его место и значение в отечественной археологии // Вестник Омского гос. ун-та. Сер. Исторические науки. 2015. № 1 (5). С. 100–115; Дмитриенко Н.М. Профессор В.М. Флоринский – основоположник сибирского музееведения // Музеи университетов Евразийской ассоциации и их роль в сохранении культурного наследия. Томск, 2016. С. 29–36; Дунбинский И.А., Меркулов С.А. Анализ идеи славянской идентичности в работе В.М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» // Русин. 2017. № 4. С. 61–72.

и концептуальный подход В.М. Флоринского к созданию информационной базы Сибирского университета, в частности его идеи и конкретные шаги по формированию университетской библиотеки и организации университетского пространства.

Не стал также объектом комплексного изучения информационный ресурс архива и коллекций В.М. Флоринского в целом. Вместе с тем представляется, что именно они, включившие в себя разные виды исторических источников и складывавшиеся на протяжении нескольких десятилетий, способны стать основой не только реконструкции творческой лаборатории устроителя Сибирского университета, но и выявления логики построения интеллектуального пространства отечественной науки второй половины XIX века.

Вторая группа исследований, привлеченных в диссертационном сочинении *для воссоздания исторического контекста профессиональной и административной деятельности В.М. Флоринского*, их авторами представлена в рамках истории медицинского образования и врачебной корпорации в XIX в. На основе этих исследований определены социокультурные факторы, влиявшие на подготовку и работу ученых-медиков, типичные и нетипичные модели профессиональной врачебной карьеры.

В конце XIX в. историки медицины, отстаивая самобытность отечественной медицинской школы, прежде всего стремились удревнить ее традицию, настаивая на естественном и исконном происхождении врачебного сословия в России[35]. Приоритетной в этот период стала институциональная версия, рассматривавшая развитие медицины в корреляции с историей возникновения и функционирования государственных институтов (Аптекарский указ, Медицинский совет и Медицинская коллегия) или образовательных учреждений (медицинские академии и университеты)[36].

Советские исследователи напрямую связывали успехи развития медицины с внутренними экономическими процессами второй половины XIX в. и постепенно

---

[35] Рихтер В.М. История медицины в России : в 3 ч. М., 1820; Ковнер С. История медицины : в 2 ч. Киев, 1878. Ч. 1, вып. 1. 184 с.; Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. 662 с.; Змеев Л.Ф. Врачебные сочинения русских людей не-врачей // Русский архив. 1984. II, № 8. С. 592–598.

[36] Пашутин В.В. Краткий очерк Императорской Военно-Медицинской академии за сто лет ее существования. СПб., 1898. 38 с.

отходили от систематического и энциклопедического характера повествования. Изменения стали возможны, с одной стороны, в силу деления по идеологическому принципу всей истории медицины на «западную» и «отечественную», с другой – благодаря тематической дифференциации предмета изучения на общие и частные вопросы[37].

Большинство историков брали за точку отсчета середину XIX в., связав расцвет отечественной медицины с научной деятельностью С.П. Боткина, И.П. Павлова и Н.П. Пирогова; все, что происходило ранее, относилось ими к периоду подражания западной науке[38].

В частности, историк медицины М.П. Мультановский разделял всех ученых-медиков империи на две группы: сторонников материалистического понимания человеческой природы («передовые») и приверженцев идеализма, т.е. тех, кто отстаивал принципы метафизики и витализма. Он отмечал: «[Передовые] отечественные естествоиспытатели и врачи… восставая против отвлеченных идеалистических систем… по мере накопления данных опытного естествознания быстро восприняли необходимость серьезного теоретического обобщения, что и составило отличительную черту нового периода в развитии русской науки во второй половине XIX в.»[39]

Современные исследования отличают междисциплинарный подход и возросший интерес к разным аспектам социальной истории отечественной медицины. Отдельно отметим работы, посвященные истории медицинских сообществ, правовому и социальному статусу медиков[40]. Кроме того, в

---

[37] История медицины : (материалы к курсу истории медицины) / под ред. Б.Д. Петрова. М., 1954. Т. 1. 281 с.; Мультановский М.П. История медицины [Электронный ресурс] : учебник для студентов медицинских институтов. М., 1961. Электрон. дан. URL: http://www.historymed.ru/training_aids/textbook/ (дата обращения: 16.05.2018).

[38] Скороходов Л.Я. Краткий очерк истории русской медицины / под ред. М.В. Супотницкого. М., 2010. 430 с.

[39] Мультановский М.П. История медицины…

[40] Булгакова Л.А. Медицина и политика: съезды врачей в контексте русской политической жизни // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов : материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 2003. С. 213–235; Ее же. Служебные права врачей в царствование Николая I // Из истории русской интеллигенции : сб. материалов и ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 349–374; Ее же. Материальное положение врачей в дореформенной России // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России : сб. ст. памяти М.М. Шумилова. СПб., 2004. С. 163–178; Смирнова Е.М. «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII – середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 2 (28). С. 6–19; Печникова О.Г. Правовая регламентация медицинской деятельности в России (первая половина XIX века) // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. Экономика и право. 2013. Вып. 4. С. 161–168; Вишленкова Е.А. Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века: от представительства во власти к самоорганизации // История и историческая память / ред. А.В. Гладышев. Саратов, 2015. Вып. 10. С. 182–200; Ее же. Медицинские советы и врачебные общества в Петербурге первой половины XIX века // История медицины. 2016. Т. 3, № 2. С. 186–201.

постсоветский период появились труды, отражающие историю становления медицинских образовательных учреждений, которые позволяют понять, каким образом была организована повседневная жизнь студентов и профессоров[41].

А.М. Сточик и С.Н. Затравкин в своих работах анализируют историю появления общеимперского стандарта подготовки медицинских кадров в XVIII – второй половине XIX в. Они показывают интересы разных общественных групп, причастных к «производству» ученых-медиков, и выявляют, как их взаимодействие отражалось на статусе профессии и учебном процессе. Авторы пришли к выводу, что крупномасштабная реформа медицинского образования 40–60-х гг. XIX в. стала логичным продолжением всех предыдущих усовершенствований в этой сфере. Она изменила уровень подготовки ученых-медиков, которые теперь «могли решать любые государственные задачи по обеспечению населения квалифицированной медицинской помощью»[42].

Вопросам формирования врачебного сообщества посвящены работы Е.А. Вишленковой и З.С. Гатиной[43]. По их мнению, к середине XIX в. в России сложилось экспертное медицинское сословие, говорившее на языке западной науки, но при этом включенное в решение задач по модернизации империи: «Движимые интеллектуальной любознательностью и пафосом служения просвещенному государству, они поставляли правительству необходимые знания о российских регионах – местах своей службы; о физиологической и культурной специфике своих пациентов – разнообразных российских подданных»[44]. Важную в роль в приобретении медиками статуса экспертов сыграло их образование, которое

---

[41] Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. М., 1998. 336 с.; Их же. Московский университет в реформах высшего медицинского образования 40–60-х годов XIX века [Электронный ресурс]. М., 2004. Электрон. дан. URL: http://www.historymed.ru/encyclopedia/articles/?ELEMENT_ID=5071 (дата обращения: 16.05.2018); Их же. 250 лет Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. М., 2008. 160 с.; Будко А.А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. СПб., 2010. 399 с.

[42] Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н., Московский университет в реформах высшего медицинского образования…

[43] Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 47–79; Вишленкова Е.А., Гатина З.С. «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // Российская история. 2015. № 3. С. 154–169; Вишленкова Е.А. Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России (1830–1840-е гг.) // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 172–200; Гатина З.С. Врачебная экспертиза в системе управления Российской империи первой половины XIX века : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2017. 28 с.

[44] Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»… С. 52–53.

сформировало в них ощущение собственной избранности («элитарной солидарности») и привело к складыванию независимого профессионального и элитарного сословия «с особой миссией и квалификацией».

Впервые эта мысль была озвучена в 1965 г. в монографии Р. Мак-Грю о первой холерной эпидемии в России (1823–1832), в которой подчеркивалась связь между образованием медиков, их общественной активностью и способностью отстаивать корпоративные интересы[45]. Не менее показателен еще один вывод американского историка об университетском и академическом медицинском образовании как факторе генезиса русской интеллигенции в целом.

Эти наблюдения дали основание для привлечения, во-первых, исследований, в которых рассматриваются социальные группы, «профессионально занимавшиеся умственным трудом, обладавшие необходимым для такого труда образовательным уровнем, обычно жившие за счет такого труда»[46]. Во-вторых, он позволил обратить внимание на работы, посвященные ценностным ориентациям и социально-психологическим установкам российской профессуры второй половины XIX в., в частности на исследование Н.Н. Никс, охарактеризовавшей их по мемуарам московской профессуры[47], и классификацию основных типов академической карьеры в российских университетах, предложенную Т. Маурер[48].

Таким образом, в настоящее время исследователями определены отличительные особенности отечественного врачебного сообщества XIX в.: низкое социальное происхождение медиков; стремление к публицистической деятельности и участию в решении острых общественно-политические вопросов; слабое развитие частной врачебной практики и одновременно заинтересованность в сотрудничестве с государством, обеспечивающем развитие медицинских школ и гарантирующем привилегии представителям медицинского сословия. Уже во второй половине XIX в. медики описывали себя как единое профессиональное сообщество, находящееся на

---

[45] McGrew R.E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Winsconsin, 1965. 299 p.

[46] Думный В. Люди будущего или люди без будущего? Социал-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2003. С. 28.

[47] Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. М., 2008. 304 с.

[48] Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования российских университетов. М., 2009. С. 14.

стыке общественных и государственных интересов, чья деятельность по описанию и изучению империи отражала широкий спектр взаимоотношений общества и власти. Закономерно поэтому, что сотрудничество медиков и государственных структур стало в дальнейшем частью программы по освоению окраин империи.

Завершая анализ историографии, помогающей охарактеризовать исторический контекст деятельности В.М. Флоринского, отметим также несколько важных в источниковедческом плане работ.

Антропологически ориентированный подход к социуму изменил исследовательские подходы к историческим источникам. Неслучайно, в работах 2000–2010-х гг. отмечается необходимость дополнить реконструкцию обстоятельств их создания изучением принятых в ту или иную эпоху практик «самоописания»[49].

Авторы коллективной монографии «Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани» (Казань, 2005), впервые в российской историографии исследовавшие повседневные университетские практики XIX–XX вв., проследили, каким образом функционировало «университетское пространство»[50], как происходило его «обогащение жизненными сценариями» членов академической корпорации, как расшатывались и перераспределились в результате этих процессов формальные рамки и правила. Для настоящего исследования важно отметить, что монография строится не только на документальной базе, традиционно используемой для написания институциональной истории, но и вводит в круг источников по истории университета визуальные материалы («параллельные тексты»).

---

[49] Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. 498 с.; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006. 336 с.; Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012. 656 с.; Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863 гг. : дис. … канд. ист. наук. Казань, 2007. 226 с.; Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань, 2012. 288 с.

[50] Понятие «университетское пространство» определено в монографии И.П. Кулаковой. Под ним исследовательница подразумевала «сферу одновременно протекающих материальных и интеллектуальных процессов», «систему связей и культурных событий», которые связывали университет с городом. См.: Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели… С. 6.

Исследование К.А. Ильиной, посвященное анализу университетского делопроизводства первой половины XIX в.[51], заставило задуматься о двойственном положении В.М. Флоринского: с одной стороны, как профессора и члена университетской корпорации, а с другой – министерского чиновника, призванного создать управляемую из центра сибирскую науку.

Авторов фундаментального издания «Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов» (М., 2013) прежде всего интересовало, «как понимали себя университетские люди, каким языком себя описывали, как и на чем создавали свою общность»[52]. В связи с этим исследователи обратили внимание на особенности «производства» и «наделения смыслами» университетских текстов и поставили вопрос об их «дешифровке».

Эта линия исследования представлена, в частности, в совместной статье А.Е. Иванова и И.П. Кулаковой. Историки констатировали, что в условиях модернизации второй половины XIX в. член ученой корпорации из «распространителя наук» объективно превращался в «эксперта, политика, советника, предпринимателя, общественного деятеля». Поскольку эти интеллектуальные трансформации не фиксируются университетской документацией, то их изучение, по мнению авторов, становится возможным лишь с привлечением «широкого спектра исторических документов эпохи и прежде всего анализа “архива идентичности”, т.е. коллекций личных архивов профессоров»[53].

Вывод исследователей о том, что в этом случае необходимы «явно иные аналитические процедуры», обусловил обращение к третьей группе исследований. Она посвящена *изучению личных архивов и коллекций ученых XIX столетия*, в том числе определению их информационных возможностей и методов анализа.

---

[51] Ильина К.А. Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века : дис. … канд. ист. наук. Казань, 2011. 208 с.

[52] Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. 386 с.

[53] Иванов А.Е., Кулакова И.П. Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв. // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов… С. 114–134.

В числе источниковедческих исследований выделим фундаментальные монографии А.Г. Тарковского о развитии мемуарного жанра в России[54]. Он характеризует этот вид источников как «повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти мемуариста» и отмечает, что в них «с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется историческое самосознание личности – в этом и состоит специфическая социальная функция мемуаров как вида источников»[55]. В целом ученый отмечает особенности данного комплекса информации как важного компонента духовной жизни общества, отразившего ведущие тенденции национального и исторического самосознания. Таким образом, предложенный им подход позволяет изучать мемуарное наследие в более широком источниковедческом и социальном ракурсе.

Стоит выделить некоторые важные теоретические замечания, связанные с вовлечением в научный оборот разных видов исторических источников в ситуации постмодерна. Так, Н.Г. Георгиева указывает на полифункциональность всех исторических источников, заданную как самой природой текстов («они отражают прошлое и воплощают отдельные его части»), так и их общественной ролью, способностью реализовать не только «свою» основную социальную функцию, но и «какую-либо другую, вторичную (чаще – публицистическую)». Кроме того, исторические источники в настоящее время выполняют еще и гносеологическую функцию, являясь основой исторического познания[56].

М.Ф. Румянцева приходит к выводу, что в условиях визуального и вещного / вещественного поворота в историческом знании конца XX – начала XXI в. стоит обратить внимание на проблемы археографии музейного предметов, т.е. методы их введения в научный оборот: «Археография музейного предмета – это фактическое место встречи вещественных и изобразительных источников с исторической наукой,

---

[54] Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика : опыт источниковедческого изучения. М., 1980. 312 с.; Его же. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991. 288 с.; Его же. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. 357 с.

[55] Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... С. 24.

[56] Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН. Сер. История России. 2016. Т. 15, № 1. С. 16.

это способ включения музейных предметов в комплекс исторических ресурсов исторического познания»[57].

Отдельно следует выделить архивоведческие диссертационные работы, посвященные теоретическим и методическим вопросам реконструкции истории фондов и архивов личного происхождения[58]. Исследователи в указанных работах ставили перед собой задачи выявления и систематизации «архивного наследия», исходя из установленных биографических сведений о фондообразователе.

К вопросам формирования и организации личных книжных собраний известных общественных деятелей и ученых XIX в. неоднократно обращались историки, культурологи, философы и филологи[59]. Однако стоит согласиться с мнением О.Н. Ильиной, что «огромный фактический материал о личных библиотеках, накопленный в результате книговедческих исследований, не использовался в полной мере в гуманитарных исследованиях, а личные библиотеки до сих пор не заняли должного места в источниковедческом спектре историко-культурных исследований»[60].

Уникальность этого вида источников постепенно осознается в научной среде. Так, например, по мнению Б.С. Илизарова, «источников, непосредственно отражающих скрытую интеллектуальную и духовную жизнь человека, почти нет. Лишь прерывающимся пунктиром обозначают некоторые внутренние процессы черновые и подготовительные материалы людей, привыкших излагать свои мысли на письме, сюда же примыкают зафиксированные спонтанные комментарии и высказывания… именно они дают возможность историку заглянуть в душу своего

---

[57] Румянцева М.Ф. Музейный предмет и музейная экспозиция в структуре актуального исторического знания // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. М., 2015. С. 73.

[58] Плютто П.А. История и опыт реконструкции архива А.А. Богданова (Малиновского (1873–1928)). Документы А.А. Богданова и документы о его жизни и деятельности в российских и зарубежных архивах : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1994. 28 с.

[59] Библиотека В.А. Жуковского в Томске : [в 3 ч.] / сост.: Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич, Н.Б. Реморова [и др.]; отв. ред. Ф.З. Канунова. Томск, 1978–1988; Колосова Г.И. Собрание книг А.В. Никитенко в фондах Научной библиотеки Томского университета // Книга в России XVII – начала XIX в.: проблема создания и распространения : сб. науч. тр. Л., 1989. С. 124–131; Лобанов В.В. Круг чтения Г.С. Батенькова (опыт реконструкции) // Русская книга в дореволюционной Сибири: рукописная и печатная книга на востоке страны. Новосибирск, 1992. С. 63–100; Шавыркина Н.А. Личная библиотека : культурно-исторический анализ. М., 2000. 199 с.; Балыкова Л.А. Мемориальная библиотека И.С. Тургенева как источник для изучения биографии и творчества писателя : автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2003. 22 с.

[60] Ильина О.Н. Личные библиотеки как источник по истории культуры // Вестник СПбГУКИ. 2003. № 1. С. 63.

героя»[61]. К «спонтанным комментариям и высказываниям» он относит, прежде всего, владельческие маргиналии на книгах.

Стоит отметить, что исследователи в последнее время обращают внимание на источниковедческий потенциал владельческих и дарственных записей. Этот вид источников анализируется в специальной литературе: разработана классификация записей и показаны их информационные возможности в гуманитарных исследованиях[62]. Таким образом, маргиналии на книгах позволяют по-новому осмыслить личность их владельца, установить не всегда уловимую логику его поступков, интеллектуальных запросов, в том числе коллекционных интересов.

Исследования по истории частного коллекционирования в России впервые появляются только в середине XX в. Первой подобной работой стала статья С.А. Овсянниковой, в которой на основе архивного материала и публикаций периодической печати выделены его особенности применительно ко второй половине XIX – началу XX в. Исследовательница обстоятельно характеризует два вида личных коллекций – исторические (нумизматические, этнографические, археологические, книжные и др.) и художественные (собрания древнерусской и западноевропейской живописи, гравюр и рисунков и др.)[63].

Со второй половины 80-х гг. XX в. начинается новый этап в исследованиях по истории частного собирательства, оцениваемого теперь как неотъемлемая часть общественной жизни России. Например, А.Н. Боханов предлагает не разделять явления коллекционирования и меценатства и рассматривать их в совокупности. При этом важным для настоящей работы является предложенный им подход к

---

[61] Илизаров Б.С. Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 184.

[62] Бакланова Н.А. Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источника для истории русской культуры // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 197–205; Поздеева И.В. Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга : сб. науч. тр. М., 1978. С. 8–21; Будагова Л.Н. Дарственные надписи на книгах как источник культурно-исторической информации // Книга в пространстве культуры : тез. науч. конф. М., 1995. С. 10–13; Голева О.П. Некоторые аспекты изучения надписей на книгах // Букинистическая торговля и история книги : межвед. сб. науч. тр. М., 1990. Вып. 1. С. 157–161; Семенова Г.Ю. Об интересах читателей XVII века по материалам записей в книгах: опыт применения корреляционного анализа // Отечественная история. 1994. № 1. С. 169–178; Пушкарев Л.Н. Записи на книгах как источник по истории культуры (на материале книг Симеона Полоцкого) // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 115–128.

[63] Овсянникова С.А. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. С. 66–144.

изучению деятельности собирателей в контексте «той социальной среды и конкретных исторических условий, в которых она протекала»[64].

Возросший интерес к частному коллекционированию выразился в увеличении числа диссертационных работ, где коллекция представлена как особый вид источника по истории русской культуры[65]. Наибольший интерес для нас представляет работа М.Л. Хрипко, в которой не только предложена классификация коллекционирования – профессиональное собирательство, собирательство в сочетании с торговлей антиквариатом и условное собирательство (наследники «мемориальных» собраний и случайные лица, самостоятельно не занимавшиеся коллекционированием), но и сделан вывод о необходимости отнесения коллекционеров-ученых к первому из выделенных типов[66].

В последние годы исследователи чаще стали обращаться к творческому наследию ученых-дилетантов и коллекционеров древностей XIX в.[67] Многие из них, даже не будучи профессиональными учеными, смогли создать оригинальные исследовательские программы, определившие пути развития историко-филологической науки на многие десятилетия вперед[68]. Причина подобного парадокса, по мнению И.В. Тункиной, объяснена еще Н.Г. Чернышевским: «…человек, приступающий к глубокому исследованию, с запасом знаний, чуждых другим ученым, легче замечает в новом предмете стороны, ускользающие от их внимания»[69].

---

[64] Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 4.

[65] Савинская Л.Ю. Коллекционирование французской живописи в России второй половины XVIII – первой трети XIX веков: (на материале частных коллекций) : автореф. дис. … канд. искусств. наук. М., 1991. 23 с.; Калиничева И.Б. Частное коллекционирование западноевропейской живописи в Санкт-Петербурге в середине XVIII – начале XX веков : автореф. дис. … канд. искусств. наук. М., 1995. 22 с.; Шлаева И.В. Частное коллекционирование предметов русской старины как фактор сохранения культурного наследия: конец XIX – начало XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2000. 26 с.

[66] Хрипко М.Л. Роль частного собирательства в формировании дореволюционной коллекции исторической музея (третья четверть XIX – 1918 год) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1991. С. 11.

[67] Тункина И.В. Новые материалы о коллекции древностей И.П. Бларамберга // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья : тез. докл. науч. конф. Белгород-Днестровский, 1995. С. 66–67; Её же. Иван Алексеевич Стемпковский: материалы к биографии // ΕΥΕΧΙΤΙΑ: памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 357–379; Её же. О судьбе рукописного наследия И.П. Бларамберга // Херсонесский сборник. Севастополь, 2004. Вып. 13. С. 233–249; Назипова Г.Р., Измайлова С.Ю. «Казанский антикварium». Казань, 2006. 200 с.

[68] Тункина И.В. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII – середина XIX в.) // Проблемы античной истории : сб. науч. ст. : к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 359–375.

[69] Цит. по: Там же. С. 375.

Результатом философско-культурного и социологического анализа явления собирательства стала монография А.Н. Малинкина «Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры»[70]. Исследователь приходит к выводу, что оно есть «форма самореализации человеческой индивидуальности, способ самоутверждения личности в свободное время». Он отмечает, что коллекция, созданная посредством «осмысленного выбора на основе ценностных представлений», способна показать значимые черты личности собирателя, поскольку «удачно подобранная коллекция – это всегда совершенное произведение, в котором гармонично отражаются душа, вкус и ум самого “человека собирающего”»[71]. Таким образом, коллекционерская деятельность, по мнению А.Н. Малинкина, как культурный феномен отражает две фундаментальные потребности человека – упорядочить свое существование в окружающем пространстве и наделить его смыслом.

Таким образом, на основании указанных работ можно говорить о растущем интересе к проблемам истории и организации личных коллекций и фондов со стороны различных гуманитарных дисциплин. Однако в историческом источниковедении до сих пор сохраняется приоритет исследований письменных источников.

Анализ историографических направлений позволяет предложить авторский вариант преодоления существующего дисбаланса и следующим образом сформулировать объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования.

Объектом исследования являются архив и коллекции В.М. Флоринского, **предметом исследования** – системные связи «созданного» и «собранного» В.М. Флоринским, позволяющие реконструировать научную, административную и общественно-просветительскую деятельность их автора и владельца.

Цель диссертационного исследования – выявить и охарактеризовать информационный потенциал архива и коллекций В.М. Флоринского как комплексного источника по изучению основных аспектов его деятельности.

---

[70] Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М., 2011. 191 с.
[71] Там же. С. 20–22.

Задачи исследования направлены на выявление информационного потенциала разных видов исторических источников:

- раскрыть информационные возможности мемуаров и эпистолярного наследия В.М. Флоринского для определения этапов его профессионального становления как ученого-медика;
- показать пути использования информации о библиотеке и коллекциях В.М. Флоринского при характеристике связи между его собирательскими и библиофильскими интересами, исследовательской и общественно-просветительской деятельностью;
- определить роль рабочей документации и деловой переписки В.М. Флоринского при реконструкции его замысла по организации пространства Сибирского университета и стратегии комплектования книжного фонда университетской библиотеки;
- оценить информационные возможности поливидового архива В.М. Флоринского как исторического источника, комплексно представляющего его деятельность как ученого, коллекционера и администратора.

Хронологические рамки исследования определяются годами жизни В.М. Флоринского (1834–1899). Однако некоторые задачи исследования заставляют делать экскурсы как в предшествующий (первая половина XIX в.), так и в последующий (XX – начало XXI в.) периоды.

Методологическая и методическая основа диссертационного исследования. Базовыми теоретико-методологическими принципами исследования архива и коллекций В.М. Флоринского являются историзм и научная объективность. Историзм определил необходимость раскрытия истории происхождения, формирования и эволюции изучаемого комплекса источников как информационной системы, элементы и части которой воспринимались создателем как единое целое. Принцип научной объективности позволил критически проанализировать достоверность, полноту и информативную ценность коллекционного и текстуального наследия В.М. Флоринского.

Методологическим основанием исследования стала «когнитивная история» с использованием отдельных положений из исторической феноменологии (например, постулата о том, что историк изучает источник, а не прошлое)[72].

«Когнитивная история» используется в данном исследовании как теория, в рамках которой функцией источниковедения названо формирование строгих эпистемологических рамок ретроспективного изучения эмпирической реальности[73]. Данный подход изложен в монографии О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории»[74]. Особенно важным для диссертационной работы является ее ключевое положение о «текстах» и «вещах» как средствах коммуникации во времени и пространстве, фундированное феноменологическим пониманием исторических источников, представленным в работах А.С. Лаппо-Данилевского. Он первым в отечественной науке предложил рассматривать исторический источник как объективированный результат творческой деятельности человека и одновременно продукт человеческой психики, созданный в рамках определенной культуры[75].

Наряду с общенаучными методами (анализ, синтез, сравнение, классификация и типология) и специфическими историческими и источниковедческими методами (историко-генетический, проблемно-хронологический, информативно-целевой и дискурсивный анализа текстов) в диссертационном сочинении использовались исследовательские модели, разработанные в рамках социологии управления, literacy studies и восходящих к ним отечественных опытов изучения внутренних и внешних, иерархических и структурных связей личных, семейных и коллективных книжных собраний.

Концепция «идеальных типов» М. Вебера позволила соотнести деятельность В.М. Флоринского с «идеальным типом» бюрократии. Согласно ей «рациональная бюрократия» представляет собой идеальный тип управления имперским пространством, осуществляемый подготовленными специалистами, способными эффективно решать разные государственные задачи. Стоит отметить, что полная

---

[72] Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: труд путь к очевидности. М., 2003. 385 с.; Их же. Регион Докса. Источниковедение культуры. М., 2005. 210 с.

[73] Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков [и др.]; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015. С. 12.

[74] Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 361 с.

[75] Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории : [в 2 т.]. М., 2010. Т. 2. С. 38.

самоотдача в этом случае возможна только в условиях «служения» определенным идеалам, в том числе создаваемым самим государством[76]. Эти выводы представляются чрезвычайно важными как для реконструкции концепции исследовательского университета В.М. Флоринского, так и для интерпретации его практических действий по созданию Сибирского университета.

Подходы literacy studies, направленные на изучение книжных собраний как самостоятельных информационных комплексов[77], так и в их отношениях с «вещественными мирами» и поведенческими стратегиями владельцев[78] дали возможность рассматривать текстуальное наследие В.М. Флоринского в контексте формирования, с одной стороны, его интеллектуальных, читательских и коллекционных интересов, с другой – его понимания собственной общественной, научной и административной деятельности.

Актуальным для нас стало обращение к исследовательским моделям «новой имперской истории»[79], в частности подходу А.М. Эткинда к изучению внутренней колонизации России и инструментов, используемых государством для расширения и укрепления собственных границ[80]. В этой логике Сибирский университет как самостоятельный институт колонизации должен был «отвечать» за воспроизводство

---

[76] Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия: Критика социологии М. Вебера. Ростов н/Д., 1988. С. 216–242; Пушкарева Г.В. Государственная бюрократия как объект исследования // Общественные науки и современность. 1997. № 5. 77–86; Битэм Д. Бюрократия. Социология политики: классические и современные теории : учеб. пособие / пер. с англ. М.В. Масловского. М., 2004. С. 120–128; Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / отв. ред. В.Н. Шевченко. М., 2008. 195 с.; Clifford I.N. Bureaucracy, Technical Expertise and Professionals: a Weberian Approach // Sociological Theory. 1986. Vol. 4, № 1. P. 61–70.

[77] Поздеева И.В. Поливидовой территориальный архив Верхокамья: история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова 1972–1988 гг.) // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 24–35; Дутчак Е.Е. Конфессиональная книжность как память культуры: опыт изучения старообрядческих скитских собраний конца XIX – начала XXI в. // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2013. № 4 (25). С. 156–163; Базаров А.А., Доржиева Д.Л., Найданова С.М. «Запазушные библиотеки» буддистов Забайкалья и культура малоформатных изданий: медицинские и астрологические трактаты // Библиосфера. 2017. № 2. С. 33–36.

[78] На путях из Земли Пермской в Сибирь : очерки этнографии североуральского крестьянства конца XIX – начала XX в. М., 1989. 352 с.; Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006. 272 с.; Мельникова Е.А. «Воображаемая книга» : очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб., 2011. 182 с.; Полежаева Т.В. «Сей старец дорог нам…»: к вопросу о политическом поведении А.С. Шишкова // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2014. № 3 (29). С. 116–122; Dutchak E.E., Vasilyev A.V. Breathing Life into Rare Book Collections: the Digitization of the Taiga Skit Old Believers Library // Libri. 2016. Vol. 66, № 4. P. 313–326.

[79] Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001. 501 с.; Российская империя в сравнительной перспективе / отв. ред. А. Миллер. М., 2004. 383 с.; Миллер А. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. 286 с.; Герасимов И. [и др.]. Новая имперская история и вызовы империи // Ab Imperio. 2010. № 1. С. 19–52;

[80] Эткинд А. Бремя бритого человека или внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 265–299; Его же. Русская литература. XIX век: роман внутренней колонизации // НЛО. 2003. № 1 (59). С. 103–124; Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Куклина. М., 2012. 960 с.; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 2-е изд. М., 2014. 448 с.

ключевых для империи идей и символов. Теоретически значимым для нашего исследования стал вывод автора о том, что культурная и ментальная колонизация Сибири была способом самопознания и инструментом формирования идентичностей отечественных интеллектуалов.

Источниковая база исследования. Для решения задач, поставленных в диссертации, автором была привлечена обширная база *письменных источников*, состоящая из документов как ранее опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот. По видовому принципу они разделены на законодательные и нормативные акты, делопроизводственную и хозяйственно-финансовую документацию, источники личного происхождения (переписку и мемуары), художественные и философские труды, владельческие маргиналии. Группа *вещественных источников* в соответствии с целью и задачами работы представлена как описаниями самих предметов, так и раскрывающей их особенности информацией каталогов.

1. Письменные источники

Законодательные и нормативные акты. В работе привлечены университетские уставы 1863 и 1884 гг. и законодательные и правовые акты, вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗРИ) и «Сборники постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения»[81]. Их содержание позволяет определить правовые рамки жизни ученого и администратора второй половины XIX в., возможности его карьерного роста и условия службы.

Тексты законодательных актов дают возможность проследить, как в зависимости от государственных требований формировались и изменялись рамки медицинского образования в Российской империи. При фронтальном прочтении данного вида источников нас главным образом интересовали

[81] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года [Электронный ресурс]. СПб., 1830. Собр. 1-е. Электрон. дан. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1 (дата обращения: 16.05.2018); 1830–1900. Собр. 2-е. Электрон. дан. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=263 (дата обращения: 16.05.2018); Сборник постановлений по Министерству народного просвещения : [в 2 т.]. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 1. 1864 стб., 43 с., 44 стб.; 1875. Т. 2, отд. 1. 1576 стб., 69 с., 53 стб.; 1876. Т. 2, отд. 2. 1668 стб., 60 с., 58 стб.; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения : [в 16 т.]. СПб., 1866. Т. 1. 988 стб., 43 с., 32 стб.; Т. 2. 1104 стб., 74 с., 58 стб.; Т. 3. 1118 стб., 130 с., разд. паг.

постановления и распоряжения, касающиеся условий обучения будущих докторов медицины в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

Стоит отметить некоторые особенности нормативных актов по медицинской части второй половины XIX в. Прежде всего для них свойственно обращение к историческому опыту. Постоянная отсылка к предыдущим нормативным актам легитимировала появление новых распоряжений. Медицинское законодательство постоянно корректировалось и обновлялось, его несовершенство фиксировалось в соответствующих нормативных актах.

Делопроизводственная и хозяйственно-финансовая документация В.М. Флоринского позволила реконструировать общие и частные обстоятельства его профессионального и карьерного роста, выявить роль ученого в формировании «сибирского» имперского дискурса и обстоятельства формирования его оценки Томского университета как «духовного орудия в деле покорения Сибири».

Кроме того, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) был исследован фонд Военно-медицинской академии (Ф. 316), содержащий документацию о периоде учебы и службы В.М. Флоринского в Петербургской медико-хирургической академии. Особенно интересны материалы личного дела В.М. Флоринского, где представлены документы, связанные с принятием решений о присвоении ему ученого звания и его автобиография[82].

В Государственном архиве Томской области (ГАТО) были изучены материалы трех фондов: «Томский государственный университет Министерства народного просвещения» (Ф. 102); «Комитет по постройке зданий Сибирского университета в Томске» (Ф. 103); «Управление Западно-Сибирского учебного округа» (Ф. 126). В них содержится информация об административной деятельности В.М. Флоринского на посту члена Строительного комитета по возведению зданий

[82] Свидетельство В.М. Флоринского об окончании Пермской духовной семинарии // РГВИА. Ф. 316. Оп. 63. Д. 6257. Л. 1–1 об.; Список выпускников Медико-хирургической академии 1858 г. // Там же. Оп. 69. Д. 193. Л. 122; Диплом выпускника Медико-хирургической академии, 22 июня 1858 г. // Там же. Оп. 69. Д. 23. Л. 128; Экзаменационная ведомость на степень доктора медицины В.М. Флоринского // Там же. Оп. 30. Д. 129. Л. 3–4 об.; Постановление конференции Медико-хирургической академии об отправлении В.М. Флоринского за границу для специального изучения избранных им предметов от 15 февр. 1861 г. // Там же. Оп. 60. Д. 256. Л. 21; Должностная инструкция по поводу заграничной командировки В.М. Флоринского, сост. А.Я. Крассовским // Там же. Оп. 30. Д. 19. Л. 7–8; Прошения о продлении заграничной командировки от 24 янв. 1863 г. // Там же. Оп. 30. Д. 19. Л. 34; Краткий отчет о занятиях за границей доктора В.М. Флоринского от 5 сент. 1863 г. // Там же. Оп. 32. Д. 28. Л. 10–11 об.; Рапорт А.Я. Красовского об определении В.М. Флоринского адъюнкт-профессором кафедры акушерства, женских и детских болезней от 23 сент. 1863 г. // Там же. Оп. 32. Д. 28. Л. 24–24 об.

Сибирского университета от Министерства народного просвещения (1880–1891) и попечителя Западно-Сибирского учебного округа (1885–1898).

Особый интерес представляют делопроизводственные материалы личного фонда В.М. Флоринского, хранящиеся в Национальном музее Республики Татарстан (НМРТ). В его состав входят свидетельства и дипломы о награждениях и избрании его почетным членом различных обществ и комиссий (1859–1899), документы, касающиеся служебной деятельности в Санкт-Петербурге и Томске (1870–1898), материалы, отражающие финансовое благосостояние и имущественные дела семьи Флоринских (1875–1905)[83].

Наибольшую ценность для диссертационного исследования имеют источники *личного происхождения*. В работе использованы мемуары и дневники В.М. Флоринского[84]. Воспоминания как субъективный исторический источник прежде всего отражают историческое самосознание личности. Так, по мнению А.Г. Тартаковского, написание мемуаров позволяло авторам «запечатлеть для современников и потомков опыт личного участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в историческом процессе»[85].

Помимо воспоминаний ученого в диссертационном исследовании задействована личная и деловая переписка В.М. Флоринского с родственниками, государственными и общественными деятелями и учеными, насчитывающая более 2 700 писем (1853–1898). В частности, деловая переписка В.М. Флоринского с

---

[83] Книга для записей семейных расходов 1865 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/113; Книга для записей семейных расходов 1867–1871 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113; Книга для записей семейных расходов 1871–1875 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113; Книга для записей семейных расходов 1876–1879 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113; Книга для записей семейных расходов 1879–1883 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113; Книга для записей семейных расходов 1884–1888 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113; Книга для записей семейных расходов 1892–1893 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113; Документы В.М. Флоринского, связанные с его служебной деятельностью // Там же. Ед. хр. КППи-117959/264; Дипломы В.М. Флоринского об избрании почетным членом различных обществ // Там же. Ед. хр. КППи-117959/267–268; Личные документы В.М. Флоринского // Там же. Ед. хр. КППи-117959/270; Счета // Там же. Ед. хр. КППи-117959/273.

[84] Дневник заграничного путешествия, 1861 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/100; Путевые заметки и дневные записки 1880 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/102; Дневные записки 1881 г.: «От Екатеринбурга до Томска» // Там же. Ед. хр. КППи-117959/103; Дневные записки 1887 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/106; Записная книжка 1878–1889 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/114; Записная книжка 1880–1883 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/114; Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени. Казань, 1882 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/205. 98 л.; Эмбриональное состояние Томского университета от первого высочайшего повеления 25 апреля 1875 г. до закладки университетских зданий 1875–1880-е гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/224. 72 л.; Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. Янв. С. 75–109; Фев. С. 288–311; Март. С. 564–596; Апр. С. 109–156; Май. С. 280–323; Июнь. С. 596–621.

[85] Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... С. 20.

дарителями музейных коллекций и книг позволяет представить концепцию ученого по созданию Сибирского университета[86].

В исследовании также использованы воспоминания его современников. Мемуарные записи А.И. Дмитриева-Мамонова, Д.А. Милютина, П.И. Макушина, Ж. Легре и других воссоздают исторический контекст деятельности В.М. Флоринского, описывая отдельные факты и события, не нашедшие отражения в других источниках[87].

Базовыми источниками для изучения исследовательской деятельности В.М. Флоринского являются его научные и публицистические работы (статьи, монографии, публичные выступления)[88]. Наряду с ними большой интерес представляют черновые записки, проекты и планы, в том числе неопубликованных или незавершенных трудов ученого[89]. Разнообразные по форме и содержанию черновые наброски из личного архива В.М. Флоринского дают возможность рассматривать его идеи как отражение процессов развития научного знания второй половины XIX столетия.

---

[86] Переписка В.М. Флоринского, 1853–1898 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/378–912.

[87] Станевич Ц.К. Воспоминания. 1856–1861. Времена студенчества в Медико-хирургической академии. Вильно, 1898. 68 с.; Дмитриев-Мамонов А.И. К истории первого сибирского университета в Сибири (1875–1899): памяти В.М. Флоринского // Всемирный вестник. 1905. № 10. С. 28–67; Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность во время царизма // Северная Азия. 1928. Кн. 2. С. 91–100; Сеченов И.М. Автобиографические записки М., 1952. 292 с.; Дневник Д.А. Милютина : [в 4 т.] / под ред. П.А. Зайончковского. М., 1947. Т. 1. 256 с.; Легра Ж. Томск / пер. с франц. О.В. Крупцевой // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2000. Т. 10. С. 10–34.

[88] Докторский экзамен // МВ. 1861. № 21. С. 189–192; № 22. С. 197–201; № 23. С. 205–208; № 24. С. 213–216; Мнение русского иностранца о нашем медицинском быте // МВ. 1862. № 3. С. 17–21; Башкирия и башкиры: Путевые заметки // ВЕ. 1874. № 12. С. 722–176; Проект публичного историко-этнографического музея при Казанском обществе археологии, истории и этнографии // ИУЗКУ. 1879. Т. 46. С. 424–438; Русские простонародные травники и лечебники : собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетий. Казань, 1879. 229 с.; Воспоминание о деятельности Н.И. Пирогова в Медико-хирургической академии // ИУЗКУ. 1881. Т. 3. С. 8–21; Соображения по вопросу существующих границах России с Китаем // Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год: составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792–1803 г. Казань, 1882. С. 535–544; Предисловие издателя // Там же. С. III–XII; Речь по поводу открытия Императорского томского университета, произнесенная 22 июля 1888 г. // Первый университет в Сибири. Томск, 1889. С. 3–8; Вступительная речь на первом заседании Томского общества естествоиспытателей и врачей, произнесенная 29 октября 1889 г. // ИТУ. 1889. Кн. 1, отд. 3. С. 21–26; Предисловие // Каталог главной библиотеки Императорского Томского университета : [в 3 т.]. Томск, 1889. Т. 1. С. I–VIII; Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни: опыт славянской археологии : [в 2 ч.]. Томск, 1894–1896. Ч. 1, 2.

[89] Заметка по вопросу выбора места для Сибирского университета, 1877 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/173. 11 л.; По Новгородско-Сибирским наречиям словарь, заметки. Сибирские пословицы и загадки // Там же. Ед. хр. КППи-117959/196. 123 л.; Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета, 1877 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/822. Л. 72–74. Правила для управления и пользования библиотекой Томского университета // Там же. Ед. хр. КППи-117959/580. 10 л.

Для воссоздания идейного контекста складывания творческой лаборатории В.М. Флоринского как исследователя были привлечены *философские и художественные произведения*[90], повлиявшие на его научное и эстетическое мировоззрение. Указанные работы были представлены в книжном собрании ученого.

Особым видом источников являются *владельческие записи* на книгах. Именно они безоговорочно позволяют отнести конкретное издание к личной библиотеке В.М. Флоринского и тем самым аргументированно судить о его научных и коллекционных интересах. В ходе исследования фондов библиотек КФУ и ТГУ было выявлено 287 принадлежавших ему книг, из них 45 имеют автографы ученого. Основанием для вывода о принадлежности их ученому стали: экслибрисы с надписями «В. Флоринский» или «Florinsky»; штемпели и наклейки «Библиотека В.М. Флоринского»; переплеты с инициалами «В.Ф.»; штемпель конгревного тиснения «Dr. Guillame Florinsky».

2. Вещественные источники

В настоящее время предметы из стекла, металла, кости и камня, произведения живописи и графики, *собранные В.М. Флоринским «для себя»* рассредоточены в разных фондовых отделах НМРТ и ГМИИРТ, что в значительной степени затрудняет характеристику этой части коллекционного наследия. В первоначальном виде (т.е. в том виде, как ее создал и хранил сам В.М. Флоринский) до нас дошла только коллекция археологический предметов, хранящаяся в отделе вещественных источников НМРТ. Она атрибутирована сотрудниками музея и включает в себя 179 изделий[91]. В учетных документах НМРТ нам также удалось найти информацию о 10 предметах декоративно-прикладного искусства, принадлежавших В.М. Флоринскому[92]. В фондах ГМИИРТ находится только один образец

[90] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в кратком очерке : [в 3 ч.]. М., 1861–1868. Ч. 1–3; Вундт В.М. Душа человека и животных : [в 2 т.] / пер. с нем. Е.К. Кемница. СПб., 1865–1868. Т. 1, 2; Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. СПб., 1865. 247 с.; Кант И. Критика чистого разума / пер. М. Владиславцева. СПб., 1867. 627 с.; Льюис Д.Г. Огюст Конт и положительная философия / под ред. Н. Неклюдова, Н. Тиблена. СПб., 1867. 581 с.; Кэри Г. Руководство к социально науке / пер. с англ. Л. Н. Шаховской. СПб., 1869. 704 с.; Толстой Л.Н. Исповедь графа Л.Н. Толстого. Вступление к ненапечатанному сочинению. Genève, 1884. 83 с.; Rousseau J.J. Oeuvres complètes de J.J. Rousseau. [Paris], 1793. T. 25: [Les confessions. T. 3]. 414 p.

[91] Макарова Е.М. Атрибуция археологических предметов из коллекции В.М. Флоринского… С. 253–260.

[92] НМРТ. КП-2990/а, 2099/б, 3044/1, 3044/2, 3045/а, 3045/б, 3046/а, 3046/б, 3116, 3115.

православного искусства конца XIX в. из коллекции ученого – икона Василия-исповедника и Марии Магдалины с дарственной надписью «Благоверным боярину Василию Марковичу и боярыне Марии Леонидовне Флоренским – молитвенная память и любовь епископа Макария. 30 августа 1898 г.»[93]

Таким образом, основная часть предметов из коллекции В.М. Флоринского (за исключением предметов археологии) не имела владельческого знака, не была внесена в специальные каталоги и со временем растворилась в фондах НМРТ и ГМИИРТ, утратив информацию об источнике поступления. Тем не менее на основании выявленных нами документов – описи вещей В.М. Флоринского, обнаруженных в Казани в 1938 г. по адресу Карла Маркса 39, финансовой документации ученого (счетов, хозяйственных записей) и описи имущества 1881 г.[94] – можно частично восстановить первоначальный состав личной коллекции В.М. Флоринского.

Гораздо больше информации имеется о *коллекциях, собранных В.М. Флоринским специально для Томского университета*. В каталоге археологического музея самим ученым были описаны коллекция «древностей Семиреченской области» и собрание русские бытовых предметов XIX в.[95]. Кроме того, в третий том печатного каталога «Главной библиотеки Императорского Томского университета» были занесены 3 290 изданий и рукописей, переданных В.М. Флоринским университету в период 1882–1889 гг.[96]

К этой же группе нами отнесены источники, непосредственно *содержащие визуальную информацию*, прежде всего альбом с литографиями интерьеров Главного

---

[93] ГМИИРТ. КП-3110.

[94] Документы (протокол, акты, описи) по разбору вещей профессора Флоринского Василия Марковича, обнаруженных замурованными в доме № 39 по улице Карла Маркса за 1938 г. // НМРТ. Ф. Р-2021. Оп. 2Ф. Д. 55. 135 л.; Опись имущества Флоринских 1881 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/273. Л. 76–77, 133–135; Книжные счета // Там же. Ед. хр. КППи-117959/273. Л. 1–9, 11–25, 29, 31, 85–92.

[95] МАЭС. № 513–530, 571–573, 575, 595–596, 761–794, 1072–1073, 1080, 1093–1100, 1156, 1276, 1310, 1322–1323, 1660–1670, 1981, 1985, 1990–1995, 2168, 2170–2192, 2204–2223, 2230–2238, 2240–2259, 2262–2320, 2364–2367, 2455–2462, 2464, 2465. См.: Археологический музей Томского университета : [каталог / сост. В. М. Флоринским]. Томск, 1888. 275 с.

[96] ОРКП НБ ТГУ. № 30001–30254, 30256–30461, 30463–30485, 30487–30758, 30760–30885, 30887–30899, 30901–30964, 30966–31159, 31161–31185, 31187–31199, 31201–31368, 31370–31453, 31455–31493, 31495–31654, 31656–31753, 31755–31932, 31934–32099. См.: Каталог главной библиотеки Императорского Томского университета : [в 3 т.]. Томск, 1892. Т. 3. С. 1–87.

университетского корпуса[97] и иллюстративные материалы, опубликованные в исследованиях по истории светского и религиозного искусства[98].

Таким образом, привлеченный корпус источников позволяет проанализировать и раскрыть информационный потенциал архива В.М. Флоринского и собранных им в разных целях коллекций.

Научная новизна исследования определяется спецификой объекта и предмета изучения: впервые текстуальное и коллекционное наследие В.М. Флоринского рассматривается как единый информационный комплекс. Применение методологических положений «когнитивной истории» и аналитических практик, разработанных в рамках социологии управления и literacy studies, позволило подтвердить источниковедческую перспективность рассмотрения «текстов» и «вещей» как взаимосвязанных средств социальных коммуникаций и дифференцировать группы источников, раскрывающие разные аспекты административной, научной и общественно-просветительской деятельности В.М. Флоринского.

На уровне изучения личности этот подход позволяет дополнить выводы историков о моделях профессионального и карьерного роста, характерных для российской медицинской корпорации во второй половине XIX в., и выявить интеллектуальные стратегии библиофилов и коллекционеров из академической среды. На уровне изучения истории сибирской науки и образования он дает возможность установить представления «просвещенной бюрократии» последней трети XIX в. об эффективных инструментах создания университетской инфраструктуры на периферии империи.

---

[97] Императорский Томский университет. Томск, [1890-е]. 15 с., 47 л. фотогр.

[98] Напр.: Каталог русским и западноевропейским медалям и монетам, хранящимся в минц-кабинете Императорской Академии художеств / сост. Д. Прозоровский. СПб., 1868. 158 с.; Русские народные картинки : [в 5 т.] / сост. Д.А. Ровинский. СПб., 1881. Т. 1–5; Бегунов Ю.К. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха : исследования и материалы. СПб., 1995. С. 172–176; Успенский Л.А. Богословие православной иконы. М., 1996. 474 с.; Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия : сб. ст. М., 2001. 322 с.; Северюхин Д. Старый художественный Петербург: рынок и самоорганизация художников от начала XVIII до 1932 г. СПб., 2008. 535 с.; Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. 384 с.; Михайлова С.И. Образ Спасителя в терновом венце в русской религиозной живописи второй половины XIX в. Эскиз Н.А. Кошелева из собрания Музея Москвы // Вестник славянских культур. 2014. № 4 (34). С. 196–207; Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. [Б.м.], 2017. Электрон. дан. URL: http://www.pravenc.ru (дата обращения: 08.12.2018).

Положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение как единого целого текстуального и коллекционного наследия В.М. Флоринского показывает не только разнообразие научных и эстетических интересов его создателя. Избранный ракурс исследования позволяет дифференцировать группы источников по проблемно-тематическому принципу, выделив информационные массивы, с максимальной полнотой отражающие отдельные сферы его деятельности как практикующего врача и ученого, как коллекционера и общественного деятеля и, наконец, как администратора.

2. Мемуары и эпистолярное наследие В.М. Флоринского позволяют реконструировать социокультурный портрет врача и ученого, профессиональная карьера которого была связана с принятием ценностей «просвещенной бюрократии». Указанным корпусом источников отражено своеобразие политического мышления этого нового для России типа чиновничества, а именно: сочетание стремления к реформированию общества с безоговорочной поддержкой существующих государственных устоев, признание зависимости между развитием университетской науки и образования и состоянием «христианской нравственности».

3. Личная библиотека и коллекция предметов искусства, антиквариата и археологических артефактов В.М. Флоринского, названная им «собрание древностей», характеризуют как научные интересы и творческую лабораторию ее создателя, так и логику построения интеллектуального пространства науки во второй половине XIX в. По мнению В.М. Флоринского, ученые должны объединяться в научные сообщества с единой программой полевых и кабинетных исследований и своей общественно-просветительской деятельностью способствовать созданию сети публичных специализированных «исторических музеев».

4. Смысловое поле термина «университетский администратор» применительно к изучаемому периоду может быть восстановлено на основе представлений В.М. Флоринского о «национальной» и «полезной» науке и разработанной им модели Сибирского университета. При реконструкции этих аспектов необходимо учитывать не только его программные документы, публичные выступления и воспоминания, но и отобранные им для университета книги, иконы и музейные коллекции.

5. Рабочая делопроизводственная и хозяйственно-финансовая документация, деловая переписка В.М. Флоринского показывает действия имперского чиновника, решающего вопросы организации науки и образования при ограниченном финансировании и в условиях транспортной удаленности от мировых и отечественных исследовательских центров. Используемые им рычаги меценатства, благотворительности, личные и профессиональные связи позволили укомплектовать книжный фонд библиотеки Сибирского университета современными научными трудами и раритетными книжными коллекциями, а концептуальная проработка ее научных задач заложила фундамент для развития широко спектра исследований в первом российском университете Зауралья.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование вносит вклад в разработку вопроса об информационном потенциале архивного и коллекционного наследия видных исторических деятелей. Материалы диссертационного исследования могут быть задействованы в общих и специальных курсах по источниковедению, истории науки и образования Российской империи, использованы при подготовке публикаций материалов личного архива В.М. Флоринского и создании полноценной научной биографии ученого.

Достоверность результатов исследования подтверждается широким кругом источников, изучением научной литературы по теме диссертации и применением общенаучных и специально-исторических методов исследования, соответствующих поставленным цели и задачам.

Результаты данного исследования **апробированы** на научно-практических конференциях международного и всероссийского уровня в Омске, Новосибирске, Самаре и Томске.

Предварительные выводы диссертационного исследования были сделаны в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России (проект № 33.1687.2017/4.6, «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности», 2017–2019 гг.) и проекта по Программе повышения конкурентоспособности Томского

государственного университета (проект № 8.1.24.2018, «Научные коммуникации цифровой эпохи: институты, ресурсы и тенденции развития», 2018 –2019 гг.)

Публикации автора по теме диссертации. По материалам диссертации опубликовано 4 работы, в том числе 3 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, 1 статья в сборнике научных статей.

Структура диссертации подчинена реализации поставленной цели и задач. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложений.

1 ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОСТАВЕ АРХИВА В. М. ФЛОРИНСКОГО

Еще во время учебы в Пермской духовной семинарии (1848–1853) у В.М. Флоринского появилась привычка фиксировать происходящие с ним события и особые соображения на бумаге в виде черновых набросков. Подобные записи, как он сам отмечал, делались им отрывочно и представляли собой несистематизированный «архив собственной души», где хранились разные «свежие впечатления о прошлом». Начисто В.М. Флоринский переписывал и окончательно обрабатывал эти записи значительно позже описываемых событий.

Основными источниками для решения поставленных задач данной главы являются мемуары В.М. Флоринского, названные им «Дневник заграничного путешествия» и «Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени».

1. «Дневник заграничного путешествия»: копия с правками В.М. Флоринского (последняя треть XIX в.)[99]. Рукопись в 4° (22,5 х 18,5) на 55 несшитых листах[100], написана на бумаге со штемпелем производителя[101] гражданской скорописью 1-го почерка.

«Дневник» был составлен В.М. Флоринским в начале 1870-х гг. в Санкт-Петербурге на основе разрозненных путевых заметок, написанных им «обыкновенным карандашом на скорую руку» во время заграничной командировки 1861–1863 гг. В ходе работы над текстом он активно использовал собственные отчетные документы и сохранившиеся материалы «многосложной» своей переписки с родственниками и друзьями по академии. Это сближает текст, названный автором «Дневником», с особым типом источников личного происхождения – мемуарами – «современными историями» [102].

---

[99] НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/100.

[100] В текстах В.М. Флоринского присутствуют разные типы нумерации листов: 1) сам автор или переписчики могли проставлять как номера листов, так и страниц; 2) сотрудники НМРТ делали постраничную нумерацию. Для удобства в диссертации при цитировании используется нумерация фондодержателя.

[101] Бумага русская машинная со штемпелем фабрики наследников купца А.С. Сумкина, Вологодская губерния, производилась в 1869 г. См.: Клепиков С.А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 202.

[102] Источниковедение : учеб. пособие … С. 354–357.

Хронологически в мемуарах охвачен только период с 5 июня по 24 сентября 1861 г. Соответственно, его пребывание в Австрии, Франции, Англии и Италии в воспоминаниях не было отражено. В связи с этим В.М. Флоринский отмечал, что, поскольку у него не сохранилось «никаких письменных заметок» об этом периоде времени, он считает «излишним и неудобным» воспроизводить события «по памяти»: «При этом неизбежно отразились бы в моих запоздалых заметках не живые впечатления и суждения того времени, а теперешние мои взгляды на изменившиеся положение Центральной Европы»[103].

2. «Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени»: копия с правками В.М. Флоринского (не ранее 1882 г.)[104]. Рукопись в 4° (22,5 х 18,0) на 50 несшитых листах, написана на бумаге без маркировочных знаков гражданской скорописью двух почерков (1-й почерк – л. 1–23 об., писцовая пагинация; 2-й почерк – л. 24–50).

В соответствии с существующей классификацией этот текст может быть отнесен к мемуарам-автобиографиям, для которых характерен «авторский», произвольный отбор информации[105]. В.М. Флоринский работал над ним в Казани в 1882 г., уже будучи сложившимся ученым-медиком, профессором Казанского университета. Хронологически мемуары охватывают период с 1834 по 1861 г.

В отличие от «Дневника» он представляет собой более сложный аналитический конструкт и содержит черты «духовной исповеди» и назидательного текста. Его учительно-исповедальный характер раскрывается через вопросы, явно и подспудно поставленные автором перед самим собой и потенциальным читателем: как можно выстроить успешную административную и научную карьеру? какими навыками и знаниями для этого необходимо обладать? как не раствориться в этом сложном, сословном и стремительно меняющемся мире и принести пользу государству?

В.М. Флоринский, видимо, ориентировался на известные ему канонические воспоминания Ж.Ж. Руссо и Л.Н. Толстого, в которых утверждается «уникальность человеческой индивидуальности в противовес общепринятому мнению эпохи

---

[103] Дневник заграничного путешествия … Л. IV.
[104] НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/205.
[105] Источниковедение : учеб. пособие… С. 358–368.

Просвещения о единообразии природы человека»[106]. Это позволило ученому оценивать собственный опыт как опыт человека «нового типа», который благодаря целеустремленности, предприимчивости, эрудиции и божественному покровительству смог выстроить успешную карьеру на государственной службе и сказать свое «Я» в истории[107].

1.1 Исторический контекст мемуаров В. М. Флоринского: подготовка медицинских кадров в Российской империи

Мемуары В.М Флоринского представляют несомненный интерес для историков российской науки и образования во многом потому, что автор сопровождает свои воспоминания о конкретных событиях и людях размышлениями о профессиональной карьере медика, целях и тенденциях развития современной ему медицинской корпорации. Это обстоятельство определило обращение к вопросам о системе подготовки медицинских кадров в Российской империи и истории появления в составе будущих медиков выходцев из духовного сословия.

Несмотря на растущее число врачей в России[108], вплоть до середины XIX в. государство не могло своевременно обеспечивать ими гражданские и военные ведомства[109]. Число выпускников отечественных медицинских факультетов было крайне незначительным, и они в основном поступали на службу в Военное министерство[110]. Привлечение к службе в России иностранных врачей[111] влекло за

---

[106] Источниковедение : учеб. пособие… С. 371.

[107] Показательно сравнение В.М. Флоринским своего жизненного пути с судьбами сокурсников по семинарии: «Громадное большинство из них, поступив в сельские священники или в чиновники, зарылись в мелкие житейские и служебные заботы, забыли все, чем когда то была полна их душа, превратились в тупые служебные механизмы с крохотным горизонтом надежд и желаний. Идеи выдохлись, познания испарились, желания и интересы свелись на обеспечение куска насущного хлеба для себя и семьи». См.: Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 74–75.

[108] К 1802 в России было зафиксировано 1 519 врачей, имеющих официально право вести врачебную практику, в том числе: в армии – 422, во флоте – 218, врачебных управах, карантинах, госпиталях – 879. Согласно «Российскому медицинскому списку» 1809 г. количество врачей возросло до 2 508. См.: Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков: очерки истории. М., 2005. С. 176; Медицина // Большая медицинская энциклопедия. М., 1980. Т. 14. С. 218.

[109] К примеру, дефицит врачей только в армии по официальным данным к 1810 г. составлял 609 человек. См.: Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»… С. 55.

[110] К примеру, в первом выпуске 1818 г. из Казанского университета было выпущено всего 4 кандидата медицинских наук. За период 1816–1818 гг. из Московского университета – 7 лекарей. В 1821 г. из всех медицинских учебных заведений – 156 воспитанников разных званий. Примечательно, что из них 139 воспитанников (89%) были распределены на службу в Военное министерство. См.: Журнал Департамента народного просвещения. 1822. Ч. 4. С. 161–164; Михайловский А.И. Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете : материалы для истории университета. Казань, 1901. Ч. 1, вып. 1. С. 72.

[111] За период 1808–1810 гг. в Россию приехали 220 иностранных врачей, из них в силу низкой квалификации только 145 были допущены к службе. См.: Зимин И.В. Подготовка медицинских кадров в России: XIX – начало XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 47.

собой не только значительные материальные расходы казны, но и целый ряд связанных с этим проблем.

К примеру, президент МХА Я.В. Виллие утверждал, что вызов иностранных лекарей необходимо «немедленно» прекратить, так как «большая часть из сих лекарей найдены не только не способными к службе, но и не имеющими подготовленных сведений в науках и не знающих ни русского, ни латинского языка»[112]. Не обладая определенным набором языковых и культурных компетенций («не знают языка, свойств и обычаев Русского народа»[113]), зарубежный врач расценивался российскими властями как «бесполезный» специалист, который «неспособен избавить российских поданных от телесных недугов»[114]. В 1828 г. практика привлечения иностранных врачей была официально прекращена[115]. Таким образом, потребность в создании собственной системы воспроизводства медицинских кадров оставалась для государства актуальной.

Первым, кто обратил внимание на подготовку собственного «цеха» врачей, стал президент Медицинской коллегии А.И. Черкасов. В 1764 г. он разработал указ, по которому коллегия могла «по собственным ее экзаменам всех обучившихся сей науки производить в доктора медицины». При этом приоритет отдавался так называемым «природным россиянам» (тем, кто родился на территории Российской империи)[116]. Позднее университетский устав 1804 г. дал права университетам самим проводить оценку врачебных познаний и вписал ученых-медиков в рамки существующей бюрократической системы: «Лекарь и аптекарь, выдержавшие предписанные для кандидатов испытания, считаются в 12-м классе, а повивальные бабки получают свидетельство с позволением учить в деревнях своему искусству и право заступить [на] должность уездной повивальной бабки»[117]. Таким образом, появился механизм, способствующий формированию медицинского сообщества.

---

[112] Цит. по: Зимин И.В. Подготовка медицинских кадров… С. 46.

[113] Цит. по: Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»… С. 55.

[114] Там же. С. 55.

[115] О делах департамента медицинского // Журнал МВД. 1828. С. 507.

[116] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года [Электронный ресурс]. СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. 17. № 12179. С. 795. Электрон. дан. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1 (дата обращения: 16.05.2018).

[117] Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 1. № 46. Стб. 316.

Государство разработало целую систему мер и преференций «для отвращения весьма ощутительного недостатка в России врачей». Во-первых, постепенно увеличивалось число бюджетных («казеннокоштных») мест для абитуриентов медицинских факультетов. Министерство народного просвещения на протяжении всей первой половины XIX в. неоднократно выпускало распоряжения «об умножении числа казенных воспитанников»[118]. В 1819 г. при Московском и Дерптском университетах были открыты медицинские институты. Им было выделено достаточно большое количество квот для «казенных воспитанников»[119]. В последующем медицинские институты были также открыты при Казанском (в 1823 г. на 40 мест), Харьковском (в 1835 г. на 30 мест), Киевском (в 1842 г. на 80 мест) университетах.

Во-вторых, государство давало финансовые льготы на медицинское обучение представителям разных социальных слоев и национальностей, в том числе из податных сословий Российской империи[120]. Например, для «детей армянских и грузинских армян»[121], «магометан Оренбургского края»[122]. По указу 1797 г. Духовное ведомство отправляло в МХА каждый год по 50 семинаристов[123].

---

[118] См.: Об умножении числа казенных воспитанников при Харьковском университете, 10 ноября 1814 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 1. № 275. Стб. 316; Об умножении в Московском университете числа воспитанников по медицинской части, 13 марта 1819 г. // Там же. № 435; Об умножении числа медицинских воспитанников при Виленском университете, 15 ноября 1820 г. // Там же. № 489; Об умножении числа казенных студентов при Казанском университете, 28 марта 1823 г. // Там же. № 562.

[119] Московский институт получил 100 казеннокоштных мест, Дерптский – 40. См.: Об учреждении при Московском университете Медицинского института, 19 апреля 1819 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 1. № 436; Об учреждении при Дерптском университете Медицинского института, 5 ноября 1819 г. // Там же. № 451.

[120] См.: О дозволении Медико-хирургической академии и Московскому ее отделению принимать воспитанников из податного состояния, 28 мая 1815 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 1. № 283. Стб. 772; О дозволении университетам принимать в число казенных медицинских воспитанников людей из податного состояния, 29 ноября 1819 г. // Там же. № 454; Циркулярное предложение по предмету допущения в университеты молодых отпущенников, 30 мая 1827 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения : [в 16 т.]. СПб., 1866. Т. 1. № 282. С. 596–597.

[121] См.: Об отправлении в Московский университет детей из армянских и грузинских дворян для занятия врачебными науками, 14 апреля 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 1. № 17.

[122] См.: Об обучении медицинским наукам в Казанском университете воспитанников из магометан Оренбургской губернии, 13 января 1836 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 2, отд. 1. № 448; О воспрещении воспитанникам из магометан Оренбургского края, кончившим курс наук в Казанской гимназии и поступившим в университет, переменять медицинский факультет, 31 октября 1849 г. // Там же. Т. 2, отд. 2. № 497.

[123] Семинаристы присылались в Медико-хирургическую академию из разных духовных академий и семинарий. К примеру, в 1805 г. было востребовано из духовных академий: Киевской – 6 человек, Казанской – 4, Московской – 3; из семинарий: Рязанской – 5, Курской – 5, Владимировской – 4, Тверской – 4, Калужской – 3, Ярославской – 3, Астраханской – 2, Вологодской – 2, Нижегородской 2, Смоленской – 2, Черниговской – 2. См.: История Императорской военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798–1898 / под ред. Н.П. Ивановского. СПб., 1898. С. 141.

Они проходили испытания по латинскому языку и словесным наукам в местных врачебных управах. Поступившие семинаристы «давали подписку», что обязуются учиться в академии «до производства в лекари», в противном случае они должны были возместить государству «истраченную на них сумму»[124].

С 1804 г., когда расширилась практика «целевого назначения» семинаристов в университеты и медицинские академии, выходцы из духовного сословия становятся все более заметными. С одной стороны, это стало следствием их успехов в учебе. Схоластическая система преподавания в семинариях, требовавшая запоминания большого количества информации, приносила свои плоды при изучении медицинских предметов. С другой стороны, увеличению студентов из числа бывших семинаристов способствовал общий достаточно высокий уровень грамотности духовенства. По мнению Б.Н. Миронова, в середине XIX в. он был вполне сопоставим с уровнем образования дворянства[125]. Лишь в начале 1870-х гг. имперская политика по отношению к выпускникам духовных семинарий изменяется[126]. Это было связано прежде всего с их активным участием в студенческом революционном движении 1860–1870-х гг. Так, попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков считал семинаристов медицинского факультета основными зачинщиками студенческих беспорядков того времени[127].

В-третьих, выпускникам медицинских факультетов и академий гарантировалось служебное место и жалование, а также бесплатно предоставлялись все необходимые врачебные инструменты[128].

---

[124] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Императорская Военно-медицинская (медико-хирургическая) академия / сост. Г.Г. Скориченко. СПб., 1902. Т. 9, ч. 1. С. 45.

[125] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. 2-е изд., испр. СПб., 2000. Т. 1. С. 104.

[126] В январе 1879 г. был утвержден доклад министра народного просвещения Д.А. Толстого о «недопущении впредь воспитанников духовных семинарий к поступлению в университеты и другие высшие учебные заведения без выдержания ими предварительного испытания зрелости в одной из гимназий ведомства министерства народного просвещения». На Особом совещании под председательством министра внутренних дел П.А. Валуева в марте 1879 г. было принято окончательное решение о наложении запрета на прием семинаристов в университеты. См.: Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения : [в 16 т.]. СПб., 1905. Т. 7. Стб. 902

[127] Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет : [в 2 т.]. Казань, 1930. Т. 2. С. 127.

[128] О производстве в титулярные советники лекарей, выпускаемых из Медико-хирургической академии для определения на службу в Грузию и Кавказскую губернию, 11 июня 1816 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 1. № 314; О производстве в титулярные советники выпускаемых из университетов медицинских воспитанников при определении на службу в Грузию, Кавказскую и Сибирскую губернии, 5 янв. 1820 г. // Там же. № 460; О способах к содержанию воспитанников из мусульман, окончивших курс медицины в Казанском университете при определении их для пользования тех сословий, к коим они по происхождению своему принадлежат, 10 августа 1843 г. // Там же. Т. 2, отд. 2. № 224.

Весьма существенным для будущих абитуриентов медицинских факультетов и академий оказался фактор повышения социального статуса профессии врача. Современники прямо говорили о привлекательности для небогатых разночинцев медицинской карьеры, дававшей «верный кусок хлеба»[129]. Представляется, что рассуждения Н.И. Пирогова о тех возможностях, которые открывало высшее образование перед разночинцами, можно отнести и к выходцам из духовного сословия: «…у нас бедняку, хотя несколько образованному, дорога через университет кажется еще самою выгодною, потому что действительно другой для него почти нет. Бедняки всего более привлекаются в некоторые факультеты наших университетов, отыскивая в них свою будущность»[130].

Параллельно с решением вопроса о наборе слушателей на медицинские факультеты шла работа над их образовательными программами. Однако полноценную систему клинического обучения удалось выстроить в России только в 20–30-е гг. XIX в. на базе Петербургской Медико-хирургической академии и Московского университета. Здесь стали изучать новые курсы клинических дисциплин, была выработана система медицинской практики, включившая в себя четыре раздела: казуистику, клинику, судебную медицину и хирургию[131]. Система клинического преподавания закреплялась университетским уставом 1835 г.: введен пятилетний срок обучения; разработан первый единый учебный план подготовки специалиста, который теперь, помимо диплома, получал право на самостоятельную врачебную практику; закреплена курсовая система обучения; переработаны и адаптированы в соответствии с требованиями медицинской профессии общеобразовательные курсы (физика, зоология, химия, ботаника), а также введены новые учебные дисциплины (например, медицинская физика и медицинская биология)[132].

---

[129] Станевич Ц.К. Воспоминания… С. 5.

[130] Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения / сост. А.Н. Алексюк, Г.Г. Савенок. М., 1985. С. 350.

[131] Гатина З.С., Вишленкова Е.А. Система научной аттестации в медицине в России в первой половине XIX в. // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 1 (18). С. 170.

[132] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года [Электронный ресурс]. СПб., 1830–1900. Собр. 2-е. Т. 10. № 8337. Электрон. дан. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=263 (дата обращения: 16.05.2018).

В условиях клинической системы преподавания студенты становились активными участниками врачебных разборов. Особое внимание уделялось формированию их «врачебного ока», а именно процессу тщательного освоения специальной медицинской терминологии и самостоятельной работе с пациентом, в ходе которой устанавливался режим доминирования и подчинения. Известный ученый-медик М.Я. Мудров утверждал: «Каждому молодому врачу для приобретения надлежащей способности в распознании и лечении болезней, для снискания навыка располагать своим искусством необходимо нужно приобрести врачебное око. Оно приобретается долговременным упражнением в наблюдении больных при самых постелях. В сем отношении таковой способ умения называется клиническим»[133].

Постепенно государству, несмотря на ведомственный кризис в управлении высшими медицинскими учреждениями, удалось к 30–40-м гг. XIX в. наладить подготовку ученых-медиков. Так, уже к 1840 г. медицинские степени получили 434 воспитанника университетов (Дерптского – 99, Харьковского – 78, Московского – 69, Казанского – 16) и медицинских академий (Московской – 131, Виленской – 41), а в 1841 г. их количество возросло до 527[134]. В Медико-хирургической академии, подчинявшийся с 1838 г. Военному министерству, в 1840 г. было присвоено 102 звания[135]. В 1841 г. академия выпустила уже 114 специалистов в области медицины[136].

В результате медики стали одним из самых многочисленных профессиональных сообществ в Российской империи. В 1846 г. их насчитывалось 8 726 человек, треть из которых состояли при Военном министерстве[137].

---

[133] Цит. по: Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета… С. 179.

[134] Ведомость о числе лиц, произведенных в ученые медицинские степени за 1840 и 1841 годы // Медико-статистические известия. 1842. Окт. С. 60.

[135] В том числе доктора медицины и хирургии – 1, доктора медицины – 2, медико-хирурга – 2, инспектора врачебной управы – 1, акушера – 1, штаб-лекаря – 37, старшего ветеринарного врача – 4, аптекарского помощника – 4, дантиста – 2, повивальной бабки – 48.

[136] История Императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии... С. 491.

[137] Ханыков Я.В. Очерк истории медицинской полиции в России. СПб., 1851. С. 85–86.

Уже в первой половине XIX в. русские медики активно участвовали в государственном управлении. Они как своеобразные «агенты модернизации» поставляли правительству данные для организации управления империей, например о регионах, где они находились по долгу службы (метеорологические и статические сведения, информация о климате и эпидемиях, природных богатствах, повседневной жизни представителей разных сословий, этносов и конфессий). Кроме того, ученые-медики принимали активное участие в работе министерских советов и комиссий, отвечали за рекрутские наборы, разрабатывали противоэпидемические меры, выдвигали правовые инициативы[138].

Государство также было заинтересовано в помощи врачей – в их рациональном знании и профессиональном опыте. Правительство давало ученым-медикам возможность карьерного роста, награждало их знаками отличия, обеспечивало денежным довольствием и пенсиями за долговременную и беспорочную службу[139]. По этому поводу издатель первой российской медицинской газеты «Друг здравия» К.И. Грум-Гржимайло отмечал: «Ни в каком государстве нет таких преимуществ и выгод для врачей, как в России»[140].

Согласно «Положению о гражданских и служебных преимуществах, соединяемых с медицинскими, фармацевтическими и ветеринарными степенями» 1849 г. доктора медицины и хирургии получали чин VIII класса (коллежского асессора), а лекари после окончания из университета – чин IX класса (титулярного советника). При этом обязательным условием для его обретения стала «одобрительная выслуга четырех лет». Условие выслуги было распространено на все медицинские специальности и звания – лекаря, аптекаря, провизора, аптекарского помощника, магистра ветеринарных наук, ветеринара, ветеринарного помощника, за исключением дантистов, которые через 12 лет службы получали только XIV чин[141].

---

[138] Моисеев А.И. Медицинский совет Министерства внутренних дел. СПб., 1913. 42 с.; Васильев К.Г., Сегал Л.Е. История эпидемий в России : (материалы и очерки). М., 1960. 398 с.; Голикова С.В. Медицинское знание в российском законодательстве первой половине XIX века. Рекрутский устав 1831 года // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 201–217; Вишленкова Е.А. Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века… С. 182–200; Вишленкова Е.А., Гатина З.С. «Изложить предмет сциентифически»… С.154–169; Вишленкова Е.А. Медицинские советы и врачебные общества… С. 186–201; Becker E.M. Medicine, Law and the State in Imperial Russia. Budapest, New York, 2011. 399 p.

[139] Речь, произнесенная 9 июля 1832 года, при выпуске лекарей из Императорской медико-хирургической академии, той же академии профессором и ученым секретарем А. Чаруковским // Друг здравия. 1833. № 8. С. 57.

[140] Грум-Гржимайло К.И. Взгляд на состояние медицины в России // Друг здравия. 1833. № 3. С. 17.

[141] Положение о гражданских и служебных преимуществах, соединяемых с медицинскими, фармацевтическими и ветеринарными степенями, 16 февр. 1849 г. // ЖМНП. 1849. Ч. LXII. С. 143–150.

Успешная карьера открывала медику перспективу повышения социального статуса – «причисление» к потомственному дворянству. Так, с 1856 г. подобный статус в гражданской службе для выпускника университета предоставлялся с IV класса (действительный тайный советник), личное дворянство – с IX по V класс, почетное гражданство – с XII по XI класс. Таким образом, медики постепенно встраивались в иерархию российской бюрократии.

Этим врачи в России существенно отличались от своих западных коллег, мало зависимых от государства благодаря значительным доходам от частной практики и высокому социальному статусу. Российский медик прежде всего служил государству, а не пациенту, поэтому он был не особо заинтересован в совершенствовании механизмов медицинской помощи и превентивной медицины[142].

Движимые идеалом служения «просвещенному государству», медики старались всячески популяризировать в России научное знание. Так, среди них пользовались огромной популярностью идеи английского философа-утописта Р. Оуэна, который отмечал, что «коренное улучшение цивилизации может быть достигнуто в будущем только посредством науки о влиянии окружающих условий на человеческую природу и о способах управлениями этими условиями». Кроме того, он призывал будущие государства «рационального строя» «установить точно, что собой представляет человеческая природа» и управлять в соответствии с ее законами[143].

Во второй половине XIX в. российские врачи благодаря полученному университетскому образованию, приобретенному на службе знанию и государственной поддержке уже стали воспринимать себя как «врачебное сословие» с особой миссией и квалификацией[144]. По мнению Е.А. Вишленковой, период 1830–1840-х гг. оказался переходным в истории российской модерности, когда «произошли, с одной стороны, формирование нового понимания государственной власти и оформление соответствующих ему запросов; с другой стороны, появился слой экспертов, говорящих языком западной науки, но

---

[142] Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»… С. 58–59.

[143] Медицина XIX века [Электронный ресурс] // Большая медицинская энциклопедия. URL: http://бмэ.орг/index.php/МЕДИЦИНА_19_ВЕКА (дата обращения: 17.06.2018).

[144] Юбилей доктора Громова // Друг здравия. 1852. № 40. С. 183.

выполняющих задачи, поставленные имперским государством в российском контексте»[145].

Таким образом, университетский устав 1835 г. ускорил специализацию медицинского научного знания, а новые нормативно-правовые акты установили границы «вхождения» в профессию. Так, будущий студент-медик должен был быть здоровым юношей 16–24 лет, прошедшим полный гимназический или семинарский курс обучения, хорошо знающим латинский язык и зарекомендовавшим себя благонадежным гражданином, почитающим императора и отечество. В дальнейшем объем знаний и навыков, полученных медиком в университете или академии, позволял ему при желании быть одновременно этнографом, химиком, физиком и географом.

Российские врачи смогли заключить с государством выгодный для себя «регулярный контракт», в соответствии с которым они, предоставляя властям необходимую информацию об империи и ее населении, сами становились участниками процесса рационализации управленческого механизма. Взамен ученые-медики получили определенные социальные гарантии и могли частично, преимущественно через систему самоорганизации, влиять на государственные институты, тем самым повышая свой экспертный статус.

Отечественное врачебное сообщество, в отличие от своих зарубежных коллег, было чиновничьим по характеру, и потому их приверженность идеалам «просвещенного государства» имела другую природу. При этом в силу своего низкого социального происхождения они зачастую считали себя трансляторами интересов «простого народа» и презентовали себя как «носителей» знаний о действительных социальных проблемах империи.

Для настоящего исследования важно подчеркнуть, что значительную часть студентов-медиков начиная с 1804 г. составляли выходцы из семинарий. Направляемые в университеты «целевым назначением», они фактически спасали многие медицинские факультеты от закрытия. Одним из таких воспитанников семинарии, поступившим в высшее медицинское учреждение страны, стал Василий Маркович Флоринский.

---

[145] Вишленкова Е.А. Медицинские советы и врачебные общества… С. 201.

1.2 «Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени»: сын священника и профессор медицины

В.М. Флоринский родился в селе Фроловском Владимировской губернии 16 февраля 1834 г. в многодетной семье дьякона местной церкви. Когда ему было 5 лет, семья переехала в село Пески Пермской губернии. Описывая историю своей фамилии, он посчитал важным отметить принадлежность к «сельскому духовному сословию центральной русской губернии», делая отсюда вывод, что все его потомки по мужской линии должны были быть обязательно грамотными и этническими русскими, «без инородческой примеси»[146].

Детство в селе Пески будущий ученый называет «благоприятной средой» для нравственного и духовного развития. На страницах дневника он описывает окружающий его идеальный «деревенский мир»: рядом с ним живет «простой народ», «добрые», «трудолюбивые», «кроткие», «нравственные» люди. По убеждению В.М. Флоринского, нравственный строй в деревне «неизмеримо выше, чем в городе», поскольку базируется на патриархальном укладе жизни: «умеренности, трудолюбии» и умении ограничивать свои потребности.

Сравнивая городскую и деревенскую среду, он писал: «Деревня имеет большие воспитательные преимущества, особенно в той среде, где дети не отделяются от своих деревенских сверстников и товарищей непроницаемой стеной сословных предрассудков, где им не внушается с пеленок ни духа гордости и любоначалия, ни духа уныния. Такова была среда русского духовенства, близко стоящего к простому народу, не кичливого, не начальствующего, но вместе с тем усвоившего потребности просвещения и пользующегося, сравнительно с крестьянами, более льготными условиями жизни»[147].

В.М. Флоринский на страницах своих мемуаров неоднократно критикует «архаичные» принципы существующей в России педагогической системы, когда дети даже в дошкольном возрасте развиваются «искусственно», не получая необходимых впечатлений об окружающей среде опытным путем («развиваются

[146] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 2 об.
[147] Там же. Л. 7 об.

не по натуре, а по Фребелю»[148]): «Дурная сторона искусственного начального воспитания заключается в том, что оно лишает самодеятельности детскую натуру. Всякое навязанное понятие воспринимается как нечто чуждое, как элемент памяти, тогда как то же понятие, приобретенное опытом или личной любознательностью, по собственной инициативе, является органическим продуктом умственного или нравственного роста»[149]. Искусственное воспитание подавляет «живую мысль», заполняя память ребенка избыточными, шаблонными знаниями. По мнению В.М. Флоринского, школьники, воспитанные в такой системе, имеют «ослабленные умственные способности» и теряют всякий интерес к наукам.

При этом В.М. Флоринский, в отличие от М.Н. Каткова и П.Ф. Каптерева, был противником идеализации классического типа образования[150]. Он считал, что сам по себе классицизм не формирует разум, более того, он даже противоречит самостоятельному развитию «русской мысли и русской национальной литературы». К примеру, латинский язык признается в Западной Европе «святыней школы и церкви», тогда как в православном мире он «не может и не должен иметь такого значения»: «Наша народная жизнь не имеет в латинском языке основных исторических корней, как у романцев, она не связана с ним также и узами церкви; поэтому он не может иметь для нас лишь одно утилитарное значение, наравне с новыми европейскими языками»[151].

На основе детских впечатлений В.М. Флоринский в 1880-е гг. формулирует концепцию «естественного саморазвития», в которой под влиянием позитивистской философии О. Конта и утилитаристских идей Дж. Милля были противопоставлены память и мышление. Он утверждает, что «знания памяти» – это «сырой материал для переработки», и только «умственные упражнения» придают знанию законченный и пригодный вид «личного суждения» (мышления): «Человек, упражняющий исключительно память, похож на лексикон, в котором можно найти

---

[148] Вильгельм Августович Фребель (1782–1852) – немецкий теоретик дошкольного образования, его педагогическая система была широко распространена по всей Европе, в том числе в России, где с 70-х гг. XIX в. стали создаваться Фребельские общества. См.: Дедюлина Е.С. Основные положения системы воспитания Фридриха Фребеля // Очерки по истории педагогических учений / сост. В.В. Успенский [и др.]. М., 1911. С. 171–189.

[149] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 8.

[150] Горячева А.А. Классицизм в духовных семинариях XIX века // Вестник ПСТГУ. 2012. № 1. С. 109–110.

[151] Дневник заграничного путешествия… Л. 38 об.

все слова, следов[ательно,] и связанные с ними понятия, но нет суждений, т.е. применения слов в их комбинациях. Поэтому мы нередко видим, что люди многознающие, но мало мыслившие, оказываются крайне слабыми в личных суждениях»[152].

Под влиянием «деревенской среды», как замечал В.М. Флоринский, у него сформировалось и вошло «в плоть и кровь» религиозное чувство. Оно, «как несокрушимая привычка, как инстинкт, как духовная потребность», не покидало всю его жизнь. Такое чувство основано, по его мнению, на природных свойствах самой души и сравнимо с «врожденными семенами», которые внезапно могут пробудиться в человеке: «Больны и несчастны те, кто в юности теряет веру в Бога, в свое духовное начало, в загробную жизнь, в любовь, в добродетель и правду на земле. Редкие из таких субъектов всю жизнь остаются в состоянии подобного психопатического бреда, но у большинства из них рано или поздно снова пробуждается врожденное религиозное чувство, и увидят они всю горечь, всю пустоту своей отрицательной философии или своего недомыслия»[153].

Впоследствии В.М. Флоринский отмечал, что никогда не ощущал по отношению к религии «ни духа отрицания, ни духа сомнения». Так, во время обучения в духовном училище он не был знаком с западными идеями свободомыслия и материалистического мировоззрения: «Мы искренне верили в догматы христианской религии, и не было у нас ни тени сомнения в существовании души, загробной жизни и Божеской правды. Идеи западного скептицизма и материализма не находили места в наших сердцах, живших по заветам семьи и простого русского народа»[154]. Он узнал о работах Вольтера, Л. Бюхнера и Д. Штрауса во время обучения в семинарии, и их воззрения сразу были восприняты ими как «кощунственные и неправдоподобные».

В 1843 г. В.М. Флоринского отдали учиться в Далматовское пятилетнее духовное училище, которое «весьма мало продвинуло» его образование, кроме полезных навыков перевода с латинского на русский. В дневниковых заметках он

---

[152] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 18.
[153] Там же. Л. 11.
[154] Там же. Л. 21 об.

неслучайно сравнивает годы своей учебы там с жизнью воспитанников Петербургского духовного училища, изложенной в автобиографическом очерке Н.Г. Помяловского[155]. В.М. Флоринский описывает схожий опыт пребывания в Пермском училище: телесные наказания, приводящие к смерти экзекуции, частые побеги учеников.

Он отмечал, что этот период жизни ему «противно вспоминать», поскольку «это был настоящий омут всевозможных гадостей и жестокостей». Но уже после прихода к власти Александра II и утверждения проекта нового устава духовных школ (14 мая 1867 г.), по замечанию В.М. Флоринского, ситуация в сфере начального духовного образования кардинально изменилась: «С наступлением гуманного царствования Александра II милосердие разлилось по всей русской земле, и эта теплая струя коснулась и Далматовского училища»[156].

После окончания училища в 1848 г. В.М. Флоринский продолжил обучение в Пермской духовной семинарии. В своих мемуарах он особое внимание обращает на особенности работы педагогического состава семинарии: «Учителя… в то время были весьма почтенные люди, окончившие курс в Духовных академиях… отлично развитые, знающие свое дело, умевшие учить и заинтересовать наукой». К примеру, В.М. Флоринский называл «истинно ученым человеком» учителя по церковной истории архимандрита Макария: «Мы часто бывали в его квартире… видели его келью, заваленную книгами и рукописями, и этот внешний вид учености невольно внушал уважение к научным занятиям»[157].

В.М. Флоринский отмечал, что весь образовательный процесс в семинарии был поставлен основательно и нацелен на развитие мыслительных способностей учеников. В семинарии их учили упражняться с «непосредственными источниками» предмета и опытным путем извлекать из них полезные для себя навыки. Так, он считал важным подчеркнуть: «Развитию мыслительных способностей много содействовали философские предметы и осмысленное преподавание истории; навыки приобретались письменными задачами и переводами. Латинский и

---

[155] Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. СПб., 1865. 243 с.
[156] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 15.
[157] Там же. Л. 15 об.

греческий мы изучали не для грамматики, а для того, чтобы… уметь понимать и пользоваться древними авторами. Убеждаясь на опыте, что это делается возможным, мы усугубляли интерес к предмету, так сказать, осязая его пользу»[158].

Именно семинарское обучение, как считал В.М. Флоринский, позволило ему «свободно понимать» латынь, «охотно» читать богословские тракты и литературно излагать свои суждения по любому поводу. Относительно предметов естественнонаучного цикла, в особенности медицины и математики, он отмечал, что они не принесли ему «почти никакой пользы», объясняя это слабой постановкой преподавания данных дисциплин в духовных семинариях России в целом[159].

По уже сложившейся традиции отличившиеся выпускники Пермской семинарии продолжали обучение в Казанской духовной академии[160]. Благодаря рассказам своего учителя А.Н. Моригеровского о прелестях петербургской жизни, как вспоминает В.М. Флоринский, он «возымел страстное желание» поступать в Санкт-Петербургскую духовную академию, поскольку именно в этом городе, как уверял его учитель, «жизнь бьет ключом» и «сосредоточены все духовные интересы русской жизни»[161].

Кроме того, А.Н. Моригеровский помог В.М. Флоринскому получить разрешение на сдачу вступительных экзаменов в Петербургскую духовную академию. Уже после пяти лет учебы в Пермской семинарии он, в нарушение устоявшегося шестилетнего срока обучения, досрочно сдает все выпускные экзамены и в 1853 г. отправляется в Петербург. В.М. Флоринский писал об этом следующим образом: «Я был едва ли не первым пионером, решившимся отправиться в столицу, в другой округ, не в качестве казенного кандидата, а на собственный счет и риск, как говорили тогда – волонтером»[162].

---

[158] Мысли и воспоминания о моем детстве … Л. 17 об.

[159] Там же. Л. 18.

[160] За период с 1818 по 1854 г. только пятеро выпускников Пермской семинарии продолжили свое обучение в светских учебных заведениях, одним из них был В.М. Флоринский. См.: История Пермской духовной семинарии архимандрита Иеронима : [в 4 ч.]. Екатеринбург, 1900. [Ч. 1–2]. С. 287; Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии. Пермь, 1900. С. 7–43.

[161] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 17.

[162] Там же. Л. 23 об.

Вступительные испытания в Петербургскую духовную академию В.М. Флоринский считал не особо трудными и был полностью уверен в их «благополучном исходе». Тем неожиданней для него оказался результат – его не приняли в связи с нехваткой казенных мест. При выяснении причин этого инцидента оказалось, что вдовствующий священник, имевший преимущественное право на зачисление, занял его вакансию. Будущий профессор медицины потом вспоминал: «Неудача на чужой стороне совсем меня обескуражила. Посоветоваться было не с кем. О других светских учебных заведениях Петербурга я имел очень смутное представление и не знал наверное, можно ли куда обратиться с прошением о приеме, так как с 1 сентября всюду уже начинались учебные курсы»[163].

Благоприятный поворот в сложившейся непростой ситуации В.М. Флоринский связывал с божественным вмешательством: «При таком печальном настроении на другой день, бродя по городу, я зашел в церковь Владимирской Божьей Матери… Став на колени, я усердно помолился Владычице и выплакал свое горе, вручая свою судьбу Ее невидимому Покрову. Выйдя из церкви, я тут же против ее дверей совершенно неожиданно встретил знакомого студента Медицинской академии В.П. Боголюбова»[164].

По совету знакомого В.М. Флоринский подает прошение на имя ректора Медико-хирургической академии В.В. Пеликана о допущении его к вступительным экзаменам. Ректор академии дал согласие при условии, что вступительные испытания – сочинения по латинскому и русскому языку и устные экзамены по истории, географии, физике и математике – должны быть сданы в этот же день. Результаты по всем предметам, кроме физики, решением конференции академии были признаны удовлетворительными. Особенно отличился В.М. Флоринский знаниями по истории и географии.

Таким образом, В.М. Флоринский был условно зачислен в академию с обязательным требованием – пересдать экзамен по физике в течение года. Он признавался, что совершенно неожиданно для себя оказался в Медицинской академии, повседневная реальность которой была «мало похожей на духовно-

[163] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 25–25 об.
[164] Там же. Л. 25 об.

учебные заведения». Незнакомые курсы естественнонаучных дисциплин, базирующиеся на «упражнениях памяти», не внушали В.М. Флоринскому никакого доверия: «Нелегко было, что называется, втянуться и в новый для меня круг изучаемых наук. В семинарии мы занимались почти исключительно умозрительными науками, привыкли упражнять мысль, а не память… мысль работала постоянно, и в этом я видел главный стимул своего развития – весь интерес науки. Совсем другое пришлось встретить в Медицинской академии. Здесь нужно было заучивать наизусть бесконечное число латинских слов и специальных терминов, не дававших уму никакой пищи… все это с первых же лекций наводило скуку и набивало оскомину»[165].

В ситуации «обживания» незнакомого пространства В.М. Флоринский описывает многие события, происходивие с ним в академии, через противопоставление «своего–чужого»: «Вращаясь до того времени в исключительно русской атмосфере, я сразу почувствовал себя в непривычной, точно международной, толпе поляков, немцев и евреев… В аудиториях во время перемен между лекциями, в коридорах и всюду слышалась преобладающая нерусская речь. Студенты делились на кружки и группы, между которыми русский, преимущественно семинарский, элемент играл как бы подчиненную роль»[166].

Бинарная оппозиция «свои–чужие» как культурная универсалия, связанная с особенностями идентичности индивидуума и в то же время свойственная любому типу общности, играет важную роль в консолидации социума и обладает мощным мобилизующим потенциалом[167]. Так, по мнению С.В. Оболенской, складывание образа «чужого» сначала происходит на ментальном уровне, когда архетипические представления соединяются с впечатлениями повседневной жизни человека. Формирование образа «чужого» происходит в уже сложившемся пространстве определенных этнических предрассудков и стереотипов обыденной жизни. Такое пространство создает основу для отбора и интерпретации тех или иных фактов культурного взаимодействия[168].

---

[165] Мысли и воспоминания о моем детстве … Л. 28–28 об.
[166] Там же. Л. 28.
[167] Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 16.
[168] Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М., 2000. С. 9.

К примеру, В.М. Флоринский объясняет сложившуюся диспропорцию между «своими» («русскими» выпускниками семинарий и гимназий) и «другими» однокурсниками (студентами другой национальности и вероисповедания): «Слишком большая пропорция католиков объясняется тем, что Президент, Вице-президент… и почти половина профессоров были католики, оказывавшие своим единоверцам разные льготы и пособия за счет русской казны. Немцев было много потому, что лучшие медицинские должности как в военном, так и в гражданском ведомстве были заняты немцами же, следовательно, студентам этой категории предстояла более обеспеченная и выгодная карьера. Евреи тянулись за немцами, усиливая их ряды. Русских студентов, в том числе и семинаристов, [брали] только потому, что были нужны врачи для захолустья и для армейских полков, куда неохотно направлялись наши привилегированные инородцы и иноверцы»[169].

Соответственно, студенты академии не были единой корпорацией, а разделялись на несколько неравномерных групп – «польскую, немецкую и русскую». Все они определенным образом дистанцировались друг от друга: «поляки держались особняком, имели свои интересы, собирались в свои кружки, и мы, русские… ничего не знали о их интимной жизни, что их занимало и волновало, они группировались отдельными кучками и никогда не были откровенны, редко принимали участие в общих беседах и спорах»; «русские немцы жили на частных квартирах или в доме родителей… образуя по примеру Дерпта две особые немецкие корпорации – Ливонию и Тевтонию… тяготение их к немецкому Фатерланду и в частности к привилегиям Остзейского края было несомненно»; «евреи не составляли особой группы, они придерживались то польской, то немецкой стороны, но были в добрых внешних отношениях и с нами, русскими, не участвуя в нашей интимной жизни»[170].

В.М. Флоринский считал, что уже по факту своего рождения каждый человек принадлежит к определенной этносоциальной группе, но повлиять на его идентификацию могут образование и воспитание (например, русский студент мог стать «немцем по воспитанию»). Так, разные «национальные кружки» в академии,

[169] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 26 об.
[170] Там же. Л. 44.

по его наблюдению, объединялись по принципу «общих национальных чувств» или «общих желаний, стремлений и идеалов».

«Другими» для В.М. Флоринского на первом курсе были и многочисленные преподаватели «инородческого» происхождения, описанные им в негативных коннотациях: профессор зоологии Ф.Ф. Брандт «мало полезный преподаватель… читал на латинском языке крайне монотонно и усыпительно, по-русски он говорил плохо и неохотно, часто коверкая слова или составляя такие фразы, которые невольно заставляли смеяться»; профессор ботаники Л.Я. Вейс «совершенно бездарный и слабый человек… Студенты постоянно его вышучивали и относились к его предмету вполне пренебрежительно… Пользы от его преподавания не было никакой»; профессор фармакологии И.Ф. Олендзский «отличался большой эксцентричностью, грубостью и цинизмом… был поляк, хорошо знал русский язык, но любил мешать его с немецким и польским, может быть, для оригинальности, может быть, для того, чтобы не сочли его русским. Со студентами был груб и всегда обращался с ними на ты. Лекциями часто манкировал и очевидно ими тяготился»[171].

Подобные оценки объясняют, почему В.М. Флоринский в мемуарах, которые он впоследствии планировал опубликовать, поместил таблицу, наглядно демонстрирующую читателям соотношение «инородцы / русские» в административном и профессорско-преподавательском составе дореформенной академии (до 1857 г.). Причем В.М. Флоринский отмечает их постоянное соперничество: каждая из конкурирующих группировок боялась потерять свою «прочную позицию» и заботилась о «большинстве при всяком удобном случае перемены в личном составе»[172]. Показательно, что подобную характеристику Медико-хирургической академии 1830-х гг. как «чужого / нерусского пространства» дал его современник А.И. Герцен: «…то было тоже чисто иностранное заведение, и тоже не особенно православное… Ни слова русского, ни русского лица. Все русское было отодвинуто на второй план»[173].

---

[171] Мысли и воспоминания о моем детстве…Л. 26 об.–27.
[172] Там же. Л. 32–32 об.
[173] Герцен А.И. Сочинения : в 9 т. М., 1955. Т. 5. С. 226.

По мнению В.М. Флоринского, наука всегда неотделима от «национального самосознания». Поэтому для него является закономерным, что в условиях «окрепшего национального духа» второй половины XIX в. «русские люди» начали преобладать на государственной службе, тогда как «немецко-польская стихия» ушла на второй план, постепенно превратившись в «анахронизм»: «В пятидесятых и шестидесятых годах у нас усердно пропагандировалось мнение, будто бы наука не имеет никакого отношения к национальности. Таким космополитическим учением более всего были заинтересованы наши ученые инородцы, работавшие на русские деньги, как они говорили, в пользу мировых знаний или, правильно сказать, во славу своей национальности. Таков был и есть доныне Дерптский университет, такова русская только по имени, но в сущности немецкая Императорская Академия наук, таковы некоторые профессора наших университетов, ревнующие о славе не отечественной, а общеевропейской или, точнее, немецкой науки»[174].

Только со второго курса у В.М. Флоринского возник определенный интерес к медицинским предметам, обусловленный, помимо прочего, изменениями в преподавательском составе. Например, он выделяет следующих педагогов: «молодого и весьма талантливого» П.С. Платонова, А.П. Загорского и «любимца студентов» профессора химии Н.Н. Зинина. При таком учительском составе научная жизни в академии, как вспоминает В.М. Флоринский, открылась перед ним «в другом свете».

Будущий профессор медицины считает 1856 г. судьбоносным в его медицинской карьере. Будучи студентом четвертого курса, он был рекомендован на должность ординатора хирургической клиники, которой руководил тогда профессор И.В. Рклицкий. С новым положением в академии Флоринский связывал «значительные учебные преимущества»: «Избранный студент исполнял все обязанности штатного ординатора: производил утренние и вечерние визитации клинических больных, делал перевязки, обязан был подавать первую медицинскую помощь привозимым в клинику больным, помогал профессору при операциях,

[174] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 40 об.

нередко сам производил небольшие операции под руководством профессора… Еще важнее было непосредственное руководство Петра Савича Платонова… Под его руководством я произвел в клинике в течение зимы 1856–1857 учебного года две крупных операции… и рассчитывал сделаться порядочным хирургом, если бы случайные обстоятельства не направили меня на другую специальность»[175].

На материалах хирургической клиники В.М. Флоринский опубликовал свою первую научную статью «Проницающая рана коленного сустава»[176]. Но вскоре, как сам он указывает, по случайным обстоятельствам изменил сферу научных интересов. Это было связано с предложением принять участие в подготовке и редактировании научных трудов заведующего акушерской клиникой А.А. Китера: «Не владея в достаточной мере русским литературным языком, Китер предложил мне взять на себя труд записывать его лекции. Таким образом была приготовлена к печати и издана в 1857 году первая часть Акушерства и заготовлена к печати вторая часть»[177].

В результате В.М. Флоринский редактировал две монографии А.А. Китера – «Руководство к изучению акушерских наук» (СПб., 1852), «Руководство к изучению женских болезней» (СПб., 1858). Позже вспоминая о совместной работе с профессором, он отмечал: «Это обыкновенно происходило таким образом: профессор приносил на лекции немецкую книжку и переводил из нее, что следовало по порядку чтений; я записывал перевод; потом, у себя на квартире, переписывал его с исправлением слога и отправлял в типографию Трея. Мной же держалась и первая корректура»[178]. Работа с известным ученым принесла В.М. Флоринскому большой опыт и развила в нем «привычку к литературному труду».

Сблизившись с профессором и заинтересовавшись новой для себя специальностью, В.М. Флоринский уже на пятом курсе переходит работать к А.А. Китеру в Хирургическую клинику. Здесь он смог получить еще больше самостоятельной клинической практики[179].

---

[175] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 33.
[176] Флоринский В.М. Проницающая рана коленного сустава // ВМЖ. 1857. Ч. 70. С. 1–12.
[177] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 33–33 об.
[178] Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 124.
[179] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 33 об.

В своих воспоминаниях В.М. Флоринский подробно анализирует реформы в МХА 1857–1863 гг., начатые новой управленческой командой – президентом П.А. Дубровским и вице-президентом И.Т. Глебовым. В.М. Флоринский высоко их оценивал и считал, что они положительно повлияли не только на академию, но и на отечественную медицинскую науку в целом. Главными заслугами нового руководства, по его мнению, стало обновление преподавательского состава академии, «из коих большая часть не соответствовала положению современного медицинского образования», и обеспечение источников его формирования[180].

К примеру, в 1858 г. при академии был учрежден Врачебный институт для подготовки научно-преподавательских кадров. По инструкции, определявшей его задачи, 10 выпускников академии зачислялись на три года сверхштатными ординаторами. После двухлетней практики они должны были сдать экзамен на степень доктора медицины, а по окончании срока – подготовить материал для диссертации. Кроме того, трем лучшим выпускникам института предоставлялось право на двухгодичную зарубежную командировку для усовершенствования в избранной специальности[181]. В 1859 г. по инициативе президента академии впервые на конкурсных началах была учреждена должность приват-доцента. П.А. Дубовицкий следующим образом охарактеризовал свое решение: «Я считаю необходимым введение доцентства как единственного пути к правильному и верному избранию профессоров, потому что доцент может выказать себя вполне и как ученый, и как преподаватель»[182].

Другим важным нововведением руководства стало изменение устава академии. По мнению В.М. Флоринского, это была необходимая мера «для пополнения многих недостающих кафедр и вообще более правильной постановки преподавания предметов, входящих в курс медицинского образования»[183]. Теперь за основу медицинского образования по новому учебному плану брались естественные науки, такие как физика и химия, раньше считавшиеся

---

[180] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 34 об.–37.

[181] РГВИА. Ф. 316. Оп. 63. Д. 6257. Л. 1–1 об.

[182] Дубовицкий П.А. О замещении профессоров кафедр в Медико-хирургической академии // МВ. 1862. № 37. С. 361.

[183] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 34 об.

вспомогательными и второстепенными предметами. Появились новые или существенно измененные учебные дисциплины – военная медицина, микроскопическая, патологическая и сравнительная анатомия, психиатрия и эмбриология[184].

В.М. Флоринский писал об этих изменениях: «Н.М. Якубович… первый открыл в Академии курсы микроскопической анатомии и эмбриологии; Т.С. Ильинский первый начал правильное преподавание патологической анатомии; Э.А. Юнге явился первым *научным* [дописано сверху] представителем самостоятельной кафедры глазных болезней... В Академии веял новый научный дух. Новые профессора С.П. Боткин, И.М. Сеченов, Н.М. Якубович читали неслыханные нами курсы, в посещении коих и мы принимали усердное участие. В клинике Боткина я в первый раз познакомился с настоящей клинической медициной… Ив[ан] Тимоф[еевич] Глебов лично читал нам курс по физиологии растений и низших животных организмов (сравнительную анатомию), сопровождая свои лекции демонстрациями микроскопических свежих препаратов и заставляя самих упражняться с микроскопом, что для нас было тоже новинкой. Одним словом, нам пришлось во многих частях переучиваться и пополнять старые пробелы»[185].

Кроме того, важным направлением реформ, с точки зрения В.М. Флоринского, были «постановка на надлежащую высоту» учебно-вспомогательных учреждений академии, постройка новых зданий и организация снабжения нужными учебными пособиями. Так, по инициативе П.А. Дубовицкого были открыты кафедры и клиники глазных (1860) и детских (1865) болезней, Естественно-исторический (1863) и Анатомо-физиологический институты (1871), существенно перестроен 2-й Военно-сухопутный госпиталь и заложена в 1865 г. «Вильевская клиника». Президент академии также поощрял издания литографированных лекций и трудов профессорского состава, по его поручению был составлен алфавитный и систематический каталоги библиотеки[186].

---

[184] Будко А.А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. СПб., 2010. С. 100.
[185] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 34 об.–35, 38.
[186] Будко А.А. История медицины Санкт-Петербурга… С. 100–102.

Подводя своеобразный итог периоду «академических реформ», В.М. Флоринский посчитал важным отметить: «По истечении 5–6 лет Академия из захудалого учреждения превратилась… в образцовое в России высшее учебное заведение, примеру которого вскоре стало подражать и Министерство Народного Просвещения, постепенно вводя в университетах те же меры и порядки… Все успехи медицинских знаний, которыми обладала Европа, в особенности Германия, за последние 20–25 лет, сделались доступными и русским врачам. Не только медицинские курсы, читаемые с кафедры, получали надлежащую полноту и современность, но начали появляться и самостоятельные научные работы академических питомцев, не уступавшие по достоинству заграничным. Преподавание на латинском языке отошло в предание»[187].

Он был убежден, что только с приходом П.А. Дубовицкого и И.Г. Глебова начался период «сознательного противодействия незаслуженному унижению русского врача»: «Во время их управления Академией русские профессора получили в Конференции численный и умственный перевес над инородцами, а незабвенный С.П. Боткин завоевал себе высокий авторитет и большое влияние в высших правительственных сферах, чем окончательно закрепил веру в русских врачей и водворил их на подобающее место как в столице, так и в важнейших провинциальных центрах»[188].

В мемуарах В.М. Флоринский озвучил идущее вразрез с общепринятым мнение о самом известном в то время профессоре академии Н.И. Пирогове. Он знал Н.И. Пирогова, как сам отмечает, только «издали», когда учился на первом и втором курсах, но многое слышал «от его сослуживцев-профессоров и от врачей, раньше меня окончивших курс». В.М. Флоринский полагал необходимым разделять научные и общественные заслуги Пирогова. По мнению молодого медика, он как ученый вошел «в историю русской медицинской науки», но как гражданин «своего отечества» (как «русский врач») не дал «прогресса русскому медицинскому развитию… не оставив после себя ни русской школы, ни достойных

[187] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 34 об., 35 об.–36.
[188] Там же. Л. 39 об.–40.

преемников». Так, В.М. Флоринский относил знаменитого хирурга к сторонникам «Дерптского немецкого кружка», обвинив его в отсутствии «национального самосознания»: «Н[иколай] Ив[авнович] всегда принадлежал к так называемой немецкой партии, к русским же профессорам относился с некоторым пренебрежением и ни в одном случае не доказывал желания поднять и выдвинуть на более видное место русские молодые силы. Все что его окружало в учебной атмосфере, все его помощники взяты были из немецкой среды»[189].

В своей речи «Воспоминание о деятельности Николая Ивановича Пирогова в Медико-хирургической академии», произнесенной 24 мая 1881 г. на торжественном собрании Императорского Казанского университета, В.М. Флоринский был уже не столь критичен в оценках его деятельности. Он перечислил научные заслуги профессора перед русской и мировой наукой, при этом добавив: «Пирогов, вероятно вследствие неожиданности всего выхода [из Медико-хирургической академии], не успел приготовить себе по всем отделам преподаваемых им наук достойных преемников. Впрочем, причиной этого было отчасти и совпадение несчастных для академии случайностей… Из всех учреждений Пирогова один анатомический институт остался… с наследником, не менее почтенным и не менее полезным, как и сам его основатель, – с профессором Грубером»[190]. Вероятно, в своей публичной речи, находясь в окружении казанских профессоров, В.М. Флоринский не мог быть до конца откровенным, поскольку в научном мире Н.И. Пирогов уже к тому времени был признан «гением отечественной медицины».

В 1858 г. В.М. Флоринский успешно закончил академию и был принят во Врачебный институт, чтобы «достигнуть высшего медицинского образования и, чрез то самое, сделаться истинно полезным на поприще научном и служебном»[191]. Такую возможность завершить обучение он считал удачным стечением обстоятельств. Ведь благодаря институту он смог продолжить карьеру в медицине, и не был отправлен на службу, как большинство воспитанников академии, «в какое

---

[189] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 40, 40 об.–41.

[190] Флоринский В.М. Воспоминание о деятельности Н.И. Пирогова в Медико-хирургической Академии // ИУЗКУ.1881. № 3. Отд. 3. С. 20.

[191] РГВИА. Ф. 316. Оп. 63. Д. 6257. Л. 1–1 об.

захолустье». Как размышляет В.М. Флоринский, «…могло быть еще хуже: если бы не окончилась Крымская война, или поступил бы я в Академию годом раньше, тогда пришлось бы, подобно моим предшественникам по выпуску, закончить и без того скудное медицинское образование четвертым курсом и недоучкой отправляться в Крым или на Кавказ, где крайне нуждались во врачах, хотя бы и незрелых. Соображая все это, я постоянно благодарю Провидение, что Оно избавило меня от таких случайностей»[192].

24 октября 1859 г. В.М. Флоринский обращается к Конференции академии, как это было установлено инструкцией Врачебного института, с просьбой предоставить ему разрешение сдать экзамен на степень доктора медицины. Испытание включало в себя 20 дисциплин, разделенных в экзаменационной ведомости на три группы: вспомогательные (физика, химия, ботаника, зоология, минералогия); существенные (физиология, патология, общая терапия, материя медика, рецептура, теоретическая хирургия, частная терапия, акушерство с женскими и детскими болезнями, судебная медицина и медицинская полиция с гигиеной); демонстративно-практические предметы (анатомия патологическая, фармакогнозия и фармация, клиника терапевтическая, практическое акушерство, вскрытие мертвого тела и составление судебно-медицинского протокола, операция на трупе, малые хирургические операции и повязки, демонстрация одной из главных полостей, приготовление препарата). Результаты всех сданных им экзаменов были признаны удовлетворительными[193].

8 октября 1860 г., после двух пробных лекций, В.М. Флоринскому присуждают звание приват-доцента и поручают читать курс акушерства и гинекологии[194]. Студент тех лет Ц.К. Станевич в своих заметках о времени пребывания в МХА писал: «При Крассовском состоял ассистентом В.М. Флоринский… который всегда содействовал студентам пользоваться как следует клиническим материалом. Его студенты уважали и ценили»[195].

---

[192] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 38–38 об.
[193] РГВИА. Ф. 316. Оп. 63. Д. 6257. Л. 1–1 об.; РГВИА. Ф. 316. Оп. 30. Д. 129. Л. 3–4 об.
[194] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 39.
[195] Станевич Ц.К. Воспоминания… С. 25–26.

В.М. Флоринский продолжает исследовательскую деятельность. Вскоре после докторского экзамены вышел его «Отчет о состоянии акушерской, женской и детской клиники и госпитального женского отделения [Медико-хирургической академии] за 1858–1859 учебный академический год», опубликованный в Военно-медицинском журнале[196]. Этот журнал он считал первым в России «истинно научным» изданием, «необходимым для проявления молодых академических сил и ученых трудов»[197]. Молодой медик также активно сотрудничал в это время и с газетой «Медицинский вестник», основателем и первым редактором которой был профессор академии Я.А. Чистович[198]. Уже со второго курса института В.М. Флоринский стал посещать заседания Общества русских врачей, членом которого был избран в 1859 г. В «Протоколах заседания» этого общества он опубликовал сразу несколько своих статей по проблемам акушерства и гинекологии[199].

11 марта 1861 г. В.М. Флоринский подает рапорт о готовности докторской диссертации «О разрывах промежностей во время родов». Он одним из первых воспользовался правом писать и защищать диссертацию не на латинском, а на русском языке[200]: «Докторские диссертации также было разрешено писать на русском языке благодаря ходатайству П.А. Дубовицкого... *До того времени все докторские диссертации писались по латыни и публичная их защита производилась на том же мертвом языке, что крайне стесняло докторантов и нередко вызывало на диспутах комические сцены* [вынесено в примечание], [что] в значительной мере содействовало поднятию научного значения диссертаций»[201].

---

[196] Флоринский В.М. Отчет о состояние акушерской, женской и детской клиники и госпитального женского отделения [Медико-хирургической академии] за 1858–1859 учебный академический год // ВМЖ. 1860. Ч. 77. Март. С. 229–274, Апр. С. 327–351; Его же. Отчет о состояние акушерской, женской и детской клиники и госпитального женского отделения [Медико-хирургической академии] за 1859–1860 учебный академический год // ВМЖ. 1861. Ч. 82. Окт. С. 111–147.

[197] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 35.

[198] Флоринский В.М. Медицинский отчет Императорского С.-Петербургского воспитательного дома за 1857 // МВ. 1861. № 14. С. 125–128; Его же. Докторский экзамен // МВ. 1861. № 21. С. 189–192; № 22. С. 197–201; № 23. С. 205–208; № 24. С. 213–216; Его же. Ответ г. Раухфусу по поводу его антикритики // МВ. 1861. № 41. С. 385–389; Его же. Мнение русского иностранца о нашем медицинском быте // МВ. 1862. № 3. С. 17–21.

[199] Флоринский В.М. О вторичном обеременении (Superfoetatio) // ПЗОРВ. 1859–1860. С. 335–357; Его же. О терапевтическом употреблении маточных душей // Там же. С. 429–360; Его же. Можно ли допустить кефалотрипсию над живыми младенцами? // Там же. 1860–1861. С. 133–156; Его же. Зачатия при отсутствии месячных очищений // Там же. С. 248–251; Его же. Сроки родов в связи сроком менструаций и суточным временем // Там же. С. 251–253; Его же. О молочной лихорадке // Там же. С. 253–254; Его же. О жировом перерождении последа // Там же. С. 254–257; Его же. Сердцебиение младенца до и после рождения на свет // Там же. С. 257–259.

[200] РГВИА. Ф. 316. Оп. 30. Д. 129. Л. 8; Оп. 28. Д. 55. Л. 75.

[201] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 36.

Рецензенты А.Я. Крассовский и А.А. Китер дали положительные отзывы о диссертации молодого медика[202]. А.А. Китер, подготовивший подробный критический обзор работы диссертанта, указывал «[текст] показывает в авторе… дар собственной наблюдательности, глубокое соображение и полное [знание] дела; г. Флоринский обладает особенным даром излагать свои мысли – последовательно, чисто, легко и увлекательно. Везде [виден] литературный такт, привычка и способность к этого рода занятиям… г. Флоринский… явно доказывает свои способности быть со временем достойным членом учено-медицинского сословия»[203].

Вскоре после одобрения рецензентами диссертация В.М. Флоринского была опубликована[204]. Историк медицины В.С. Груздев следующим образом оценивает ее научную значимость: «…диссертация В[асилия] М[арковича] для своего времени была действительно “замечательным трудом”. Это было первое, вышедшее из академической акушерско-гинекологической клиники научное исследование… основанное не на одном клиническом наблюдении, но и на опыте, показывавшее в авторе недюжинного научного деятеля с совершенно самостоятельными, оригинальными взглядами»[205].

После успешно защищенной диссертации В.М. Флоринский написал статью «Докторский экзамен», где поделился своими мыслями по поводу существовавшей в России системы получения докторских степеней[206]. Медик считал экзамены на звание доктора медицины очень важными, поскольку они дают право «располагать жизнью и смертью целого общества», а также «служат поверкою и главным двигателям медицинского образования». По его мнению, существующая система получения докторской степени является «комедией и профанацией всякой учености»: «для получения… не требуется ни таланта, ни даже особенного дарования: лишь бы хватило на 1–2 месяца терпения и усидчивости, чтобы,

---

[202] Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 217–219.

[203] Цит. по.: Там же. С. 218–219.

[204] Флоринский В.М. О разрывах промежности во время родов : сочинение, написанное для получения степени доктора медицины лекарем Василием Флоринским, доцентом акушерства при Императорской медико-хирургической академии. СПб., 1861. 208 с.

[205] Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 219.

[206] Докторский экзамен // МВ. 1861. № 21. С. 189–192; № 22. С. 197–201; № 23. С. 205–208; № 24. С. 213–216.

прочитавши академические записки и кой-какие учебники, пройти с ними через мытарства, выполнить обряд – и ученая степень готова»[207].

Кроме того, В.М. Флоринский критиковал положения Врачебного устава, согласно которому кандидат должен представить «неоспоримые доказательства своей учености» по всем областям медицинской науки: «Следить за пульсом науки, превратить ее в свою плоть и кровь, могут только специалисты, занимающиеся избранным предметом исключительно и постоянно, – это… доказанная истина»[208].

Диссертацию В.М. Флоринский рассматривал как самую «существенную часть» общего медицинского экзамена, именно она делает саму ученость «неоспоримой». По ее выводам можно понять не только степень медицинского образования докторанта, но и оценить «запас его умственных сил». Докторант, как и любой «истинно ученый» человек, известен своими научными трудами и поэтому должен быть «хорошим писателем»: «Только из сочинений его можно видеть, на сколько справедлива молва о нем, что он не паразит, а самостоятельный деятель в науке, что он блестит не заимствованным, а своим собственным светом, что это не стекло, показываемое издали, а настоящий, опробованный камень»[209]. Диссертация, по убеждению В.М. Флоринского, имеет научное значение и является важным «материалом» для новых открытий в медицинской науке. Тогда как большинство докторантов, как он полагал, пишут свои диссертации «не для имени, не для науки», а для того, чтобы выслужиться, тем самым формально исполнив статьи медицинского устава.

В.М. Флоринский предлагал внести изменения в правила получения докторской степени. Он был уверен, что научные труды докторанта стоит подробно рассматривать отдельно и считать их «основным документом для соискания ученой степени». Каждый претендент на степень уже должен быть «более или менее известен» в ученом медицинском мире. Более того, В.М. Флоринский предлагал отменить степень доктора медицины, а вместо этого ввести специальные ученые степени по акушерству, хирургии, физиологии, судебной медицине. В такой

---

[207] Докторский экзамен… № 21. С. 191.
[208] Там же. С. 191.
[209] Там же. № 22. С. 197.

ситуации докторант должен экзаменоваться и получать ученую степень «только по избранному отделу», а другие медицинские предметы исключить из специального ученого экзамена: «Эта расплодило бы специалистов, истинно и научно знающих свое дело… От специалиста можно было бы требовать самого основательного, ученого и самостоятельного знания»[210].

Билетную экзаменационную систему медик считал неэффективной, не дающей кандидату на ученую степень системного представления о медицинской науке, ее задачах и «внутренних идеях». Он предлагал экзаменовать докторанта по общим научным вопросам, при этом обращая внимание «на степень понимания предмета вообще на дух и задачу науки»[211].

В мемуарах В.М. Флоринский отдельно останавливается на анализе «стремлений и идеалов» отечественного студенчества разных периодов. Сравнивая свое (1840–1850-е гг.) и новое поколение студентов (1860–1870-е гг.), он пишет: «Я вижу громадную разницу в образе мыслей, в направлении и в коренных принципах жизни того и другого поколения». Ученый-медик считает важным разобраться в этом вопросе, поскольку именно от него зависит будущность России, вектор ее исторического развития: «…идем ли мы вперед или назад в общем развитии». В.М. Флоринский особо подчеркивал, что студенчество всегда очень чутко отзывалось на разные «общественные язвы», поскольку «это свойство молодой впечатлительной натуры, еще не испорченной дрязгами жизни, не успевшей притупить нравственные чувства» в атмосфере, зараженной пороками». Главными «общественными язвами», к которым проявляло внимание студенчество, по его мнению, были «поголовные взятки и казнокрадство»: «О них студенты знали еще ранее поступления в университет или академию, слыша об этом всюду, в провинциях и столицах, в городах и весях своей родины. Многие из нас чувствовали силу этого зла, если не на самих себе, то на своих родных и близких»[212].

К разговорам о крепостном праве, как вспоминает В.М. Флоринский, они обращались редко, поскольку не касались политических вопросов: «Существующая

---

[210] Докторский экзамен… № 23. С. 208.
[211] Там же. № 24. С. 213–216.
[212] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 43 об.–44, 45.

форма государственного устройства нами сознавалось как условие необходимое и неизменное, а деятельность высших представителей центральной власти (министров) была нам совсем не известна и потому не могла подлежать ни обсуждению, ни критике в наших юных кружках. Об них никогда не поднималось речи»[213].

При всем отрицательном отношении к «народному злу» студенты понимали, что не имеют возможности противодействовать этой «человеческой несправедливости»: «Мы искренно жалели “Антонов-горемык”, “Униженных и оскорбленных” – были очень счастливы, если бы на нашем Отечестве не было этого грязного пятна, но практическим результатам нашего соболезнования могло быть только желание помочь этим несчастным, если бы представился к тому случай в жизни»[214].

Даже в условиях Крымской войны поколение студентов 1840–1850-х гг. поддерживало в себе «столь необходимое патриотическое возбуждение, вместо укоров правительству и бесплодных сетований». В.М. Флоринский, отмечал, что в студенческой среде в основном порицались отдельные политические личности, при этом «общего недовольства существующим порядкам не замечалось»: «Напротив того, у всех была вера в Императора Александра II, в его готовившиеся реформы, что и оправдалось в самом деле»[215].

Сложился у В.М. Флоринского в студенческие годы и образ будущей врачебной службы: «О высоких и богатых сферах, где можно было наживать деньги, мы не мечтали. Русскому врачу этого времени это было почти недоступно, благодаря привилегиям немцев. Мы рассчитывали на скромную деятельность в провинции, в каком-нибудь губернском или уездном городе, или в армейском полку, поближе к простому народу, быт которого знали хорошо и искренно сочувствовали его захудалому положению»[216].

В «идейном настроении» нового поколения 1860–1870-х гг., как виделось В.М. Флоринскому, «произошла большая перемена»: «нынешние студенты требуют

---

[213] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 45 об.–46.
[214] Там же. Л. 45 об.
[215] Там же. Л. 46.
[216] Там же. Л. 45 об.

радикальных мер, вообразив себя судьями-порицателями существующего порядка и активными участниками в политических бреднях... Более умеренные вначале мечтали о конституционной форме правления, радикалы мирились только с республикой, притом демократической… [общественные отношения] в студенческой среде… приняли неестественную, уродливую форму. Над личными чувством, убеждением и самолюбием господствует деспотизм толпы, любовь к родине заменяется космополитизм и социальными бреднями, религия и нравственность подчиняются теориям материализма и дарвинизма»[217].

Подобные рассуждения профессора во многом возникли под влиянием студенческих волнений 1860–1870-х гг. Но политизацию студенчества В.М. Флоринский считал «временными и ребяческими увлечениями, навеянными извне», не влияющими на общий ход исторического развития страны. Ведь Россия, по его мнению, еще не израсходовала «народные силы», а нация «не совершила свою историческую службу»: «Мы же в этом отношении находимся еще далеко не в зрелом возрасте, поэтому можем временно хворать, но дряхлеть и вырождаться нам еще рано»[218].

Таким образом, мемуары В.М. Флоринского отражают процесс его вхождения в научную среду. Период учебы в семинарии и академии интерпретируется им как время формирования личности и профессионального становления. Постепенно, уже со второго курса академии, он начинает «встраиваться» в новое для него интеллектуальное пространство и воспринимает медицинскую карьеру как «удачное приложение» своих способностей во благо государства. При этом важную роль в профессионализации ученого играет образ «чужого», через него он конструирует идентичность «русского медика, близко стоящего к интересам простого народа».

Следует подчеркнуть, что В.М. Флоринский оценивает учебный процесс и преподавателей с позиции уже сложившегося ученого-медика. Но в то же время его записи ценны описаниями многих важных деталей студенческой повседневности

---

[217] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 49–49 об.
[218] Там же. Л. 49 об.

1840–1850-х гг. Они дают представление о выборе научной специализации, практиках общения с профессорами, учебных предметах, содержат характеристики профессорско-преподавательского состава, показывают участие в научной деятельности и мировоззренческую разницу студентов разных поколений. Значительное место в мемуарном комплексе В.М. Флоринского занимают оценки научных трудов его коллег, характеристики их как ученых.

В совокупности это делает мемуары В.М. Флоринского богатым по содержанию источником по изучению профессионального и карьерного роста ученого, а также истоков и факторов формирования его интереса к научной и административной деятельности.

1.3 «Дневник заграничного путешествия» как источник по истории становления системы академической мобильности

С 1830-х гг. стажировки за рубежом стали распространенным явлением в отечественной науке благодаря новой правительственной политике в области образования, в особенности – активной деятельности министра народного просвещения С.С. Уварова (1833–1849). В период «мрачного семилетия» (1848–1855) на короткое время эта практика была прекращена[219]. С приходом к власти Александра II зарубежные командировки снова приобрели регулярный характер и уже были закреплены Университетским уставом 1863 г.[220]

Этой мерой правительство планировало решить проблему кадров в университетах и заложить фундамент для более тесных связей русской и европейской науки[221]. Как справедливо отмечал отечественный историк и филолог А.Н. Пыпин, «становилась очевидной громадная разница в нашем научном уровне и уровне

[219] Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2003. Т. 4, ч. 1. С. 23–66; Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М., 2005. С. 254–349.

[220] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года [Электронный ресурс]. СПб., 1830–1900. Собр. 2-е. Т. 39, отд. I. № 12179. Электрон. дан. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=263 (дата обращения: 16.05.2018).

[221] Трохимовский А.Ю. Политика министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей (1856–1881) // Вестник Московского ун-та. Сер. 8, История. 2007. № 1. С. 61–76; Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен : очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 849–887.

европейском; было осознано, что для сколько-нибудь правильного изложения той или другой науки на университетской кафедре русский ученый не мог быть ограничен одними средствами нашего, так сказать, домашнего обучения… ему надо познакомиться с постановкой дела в главных очагах европейской науки»[222].

Как уже отмечалось, по инициативе нового президента П.А. Дубовицкого в мае 1858 г. при Медико-хирургической академии был основан Врачебный институт. Главной задачей нового учреждения стала подготовка научно-педагогических кадров для академии. После окончания учебы в институте трое лучших выпускников получали право на зарубежную двухгодичную командировку. Сам П.А. Дубовицкий так объяснял цель подобных стажировок: «Я считаю заграничное путешествие нужным нашим молодым врачам не только потому, что в некоторых отношениях представляется там ученому более средств для дальнейшего образования и для занятий и трудов, но и для того, чтобы предупредить односторонность и доставить им возможность к многостороннему образованию через посещение ими лучших заграничных университетов и личного знакомства с тамошними учеными»[223].

По мнению В.М. Флоринского, новому руководству академии удалось создать «действующую систему» поездок за рубеж, которая давала возможность лучшим выпускникам института завершить свое медицинское образование и занять профессорскую кафедру в академии. Он писал по этому поводу: «Благодаря установленной правильной системе такие командировки, начавшиеся с 1861 года, продолжаются ежегодно до настоящего времени. Они дали Академии и русским университетам десятки отлично подготовленных профессоров, а русской медицине сотни специалистов врачей. Это поистине заслуга Академии… Позднее (с 1862–1863 года) ту же систему стали применять университеты, но не с таким постоянством, а как бы урывками, по мере надобности, без точно организованного порядка»[224].

---

[222] Пыпин А.Н. Мои заметки. Саратов, 1996. С. 167.

[223] Дубовицкий П.А. Несколько слов по поводу статьи г. профессора Бессера «О выборе профессоров» // МВ. 1862. № 46. С. 450.

[224] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 36 об.

Практика стажировок, как считал В.М. Флоринский, позволила сформировать в России собственную медицинскую школу. Пройдя обучение в зарубежных университетах, вернувшийся молодой исследователь должен был стать в России представителем «новой науки», иными словами – привести с собой «новые научные идеи и фактические знания» и усвоить господствовавшие в Европе «современные основы научной медицины»[225]. Причем в 1860-е гг. «переучиваться» за границей было необходимо даже состоявшимся профессорам университетов, поскольку теперь от них «требовалась не старая, а новая наука»[226].

Многие представители отечественной медицинской элиты XIX в. рассматривали западную науку как прогрессивную и передовую. Например, Н.И. Пирогов писал: «Не быв первыми в деле [медицинской науки], нам поневоле нужно подражать, покуда не подражать прогрессу нельзя»[227]. Директор Софийской детской больницы Н.В. Яблоков также отмечал, что «стремление за границу, к свету науки вызывалось не модой, не ради рекламы и не в одних лишь готовившихся к преподавательской деятельности молодых людях, а в каждом, кто имел хотя бы малейшие к тому средства и ощущал в себе жажду знаний»[228].

Прошедшие такое обучение приобретали в глазах других членов ученого сообщества определенный авторитет, воспринимались как носители «истинного», «чистого» знания. Вернувшийся из зарубежной поездки И.М. Сеченов был удивлен, каким «большим человеком» он стал теперь в России: «…приняли меня потому, что таких ассистентов в России еще не было, и я со своими ограниченными сведениями был все-таки первым из русских, вкусившим западную науку у таких корифеев ее, как мои учителя в Германии»[229].

В своих мемуарах В.М. Флоринский отмечает, что еще до успешной защиты докторской диссертации он был одним из основных кандидатов на такую поездку: «Исполнив все требуемые от воспитанников Врачебного Института обязательства и имея за собой, сверх того, достаточное число напечатанных ученых трудов и даже

---

[225] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 37–37 об.
[226] Дневник заграничного путешествия… Л. 12–12 об.
[227] Извлечение из письма Н.И. Пирогова из Гейдельберга. СПб., 1863. С. 9.
[228] Памяти профессора Н.Ф. Филатова. Речи, читанные 13-го марта 1902 года на заседании Общества детских врачей состоящего при Императорском Московском университете. М., 1902. С. 53.
[229] Сеченов И.М. Автобиографические записки… С. 167.

звание Приват-доцента, я более чем кто-либо из моих товарищей по Институту, имел право рассчитывать на заграничную командировку. Это неоднократно высказывали мне и Президент Академии, и Ив[ан] Тим[офеевич] Глебов, которым хорошо были известны мои способности и моя предшествующая деятельность»[230].

После защиты докторской диссертации Конференция академии на заседании 15 февраля 1861 г. постановила: «…принимая во внимание: 1) что оставленный в 1858 году… при академии… для дальнейшего усовершенствования врач Флоринский в продолжение 3-х лет пребывания при акушерской и женской клиниках академии постоянно отличался способностями и стремлением к образованию; 2) что он допущен был… к чтению на правах приват-доцента, учения о женских болезнях; 3) что он весьма удовлетворительно защитил… отлично составленную и представляющую самостоятельный ученый труд – докторскую диссертацию о разрывах промежностей, определила: …отправить ныне же доктора медицины Флоринского за границу на два года для специального изучения избранных им предметов – акушерства, женских и детских болезней с сохранением получаемого им содержания и с выдачей сверх того ежегодно по 1 000 р[ублей] с[еребром]»[231]. Уже через несколько дней это решение было приведено в исполнение резолюцией императора Александра II[232].

Перед отъездом за границу А.Я. Крассовский, один из научных руководителей В.М. Флоринского, составил для него специальную инструкцию. В ней указывалось, что молодой медик должен во время поездки не только обратить особое внимание на изучение акушерства и гинекологии, но и детально проанализировать состояние западного знания по детским болезням. В инструкции рекомендовалось посетить сначала университеты Германии, а уже потом Франции и Англии, и через каждые полгода сообщать о месте своего пребывания, успехах в учебных занятиях. Уже по возвращению в Петербург В.М. Флоринский должен был составить подробный отчет о результатах поездки[233].

---

[230] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 39.
[231] РГВИА. Ф. 316. Оп. 60. Д. 256. Л. 21.
[232] Там же. Оп. 46. Д. 311. Л. 1.
[233] Там же. Оп. 30. Д. 19. Л. 7–8.

Во время заграничной командировки В.М. Флоринский вел путевые заметки, записывая «новые факты и личные соображения» в записную книжку и на отдельные черновые листки. Этому занятию он посвящал часть своего свободного времени «вечером перед уходом ко сну». В этот период он также ведет активную переписку с родственниками, друзьями и коллегами по медицинской академии: «Уезжая из России, я дал обещание регулярно писать: каждую неделю родным, не реже как через две недели в Петербург Ивану Тимофеевичу Глебову и Якову Алексеевичу Чистовичу, моим бывшим наставникам и добрым друзьям. Петр Александрович Дубовицкий также просил писать не только о делах, но и о ходе моих занятий заграницей. Затем у меня ведется корреспонденция с моим несчастным другом Гр. Ив. Дубровским, с Евстафием Ивановичем Богдановским, который теперь в Париже, и с некоторыми другими товарищами. Это *многосложная* переписка наполнит время моего свободного одиночества по вечерам… *и сверх того это заставит меня мысленно не разлучаться с моей дорогой Россией, которую я так люблю* [зачеркнуто]»[234].

Уже после возвращения В.М. Флоринский смог вернуть свои письма, отправленные к родным и профессору И.Т. Глебову. Вместе с путевыми заметками «почти целиком… тем [же] числом, каким были помечены при отправлении из заграницы», они вошли в «Дневник заграничных путешествий».

В.М. Флоринский замечал, что 1861 г. навсегда останется для него «памятным», поскольку зарубежная поездка дала возможность не только «завершить научное образование в чужих краях», но и в целом предопределила направление дальнейшей профессиональной деятельности. Он писал по этому поводу: «Наконец-то исполнилась моя давнишняя заветная мечта! Заграничная командировка *была* [зачеркнуто] важная для меня не потому только, что она открывает мне путь ученой карьеры, но она дает мне возможность закончить медицинское и общее образование, в котором чувствуются большие пробелы. Многое я знаю только по книжкам, многое совсем не знаю. Судя по тому, что приходилось читать о заграничных университетах, *преподавание* [зачеркнуто] в

[234] Дневник заграничного путешествия… Л. 1 об., 4 об.–5.

нашей *медицинской* [дописано сверху] академии сильно отстало во всех частях. Придется вновь переучиваться, чтобы стоять на высоте современного медицинского образования. *А это необходимо, если со временем Бог приведет занять кафедру. Какой бы я был профессор, если бы не видел и не знал, как стоит научно-медицинское дело в заграничных университетах* [зачеркнуто]»[235].

Во время путешествий у человека, как известно, складываются определенные пространственные представления, формируется индивидуальная «ментальная карта». В этот период пересматривается отношение к «своему» и демифологизируется «чужое» пространство, которое «фрагментируется и расцепляется» (становится «пазловым»)[236]. В результате столкновения с другими культурными моделями и поведенческими образцами актуализируется сама идентичность путешественника. Как справедливо отмечает Д.Н. Замятин, «путешествие способствует созданию целенаправленных географических образов, в структуре которых доля физико- и экономико-географической информации… меньше культурных, эмоциональных, психологических элементов и связей, что ведет к “выпуклости”, рельефности, усложненной морфологии образа местности, региона… через которые лежит путь. Такая структура образа означает, что большинство путевых записок, описаний… социально значимы не с точки зрения достоверности сообщаемых сведений и фактов… а с точки зрения силы продуцируемого по ходу путешествия образа»[237].

Рефлексии по поводу собственной идентичности и противопоставление «своего» и «чужого» прослеживаются в путевых заметках В.М. Флоринского на протяжении всей его заграничной командировки, но особенно актуализированными они оказываются в первый год стажировки. Приведем его размышления по этому поводу: «Нравственные узы родства, языка, религии и племени далеко не пустые слова. Значение их яснее всего понимается в тех случаях, когда человек удаляется из своей родной стихии и чувствует, подобно мне, чего ему тогда недостает». Первым культурным барьером в «чужом пространстве», по признанию

---

[235] Дневник заграничного путешествия… Л. 1 об.

[236] Замятин Д.Н. Географические образы путешествий // Культурное пространство путешествий : материалы науч. форума. СПб., 2003. С. 12.

[237] Замятин Д.Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 12–22.

В.М. Флоринского, был для него немецкий язык: «разговорную речь понимаю с грехом пополам, *а самому говорить с непривычки трудновато*о [дописано сверху вместо зачеркнутой фразы "*отвечаю еще с большими затруднениями*"]. Ну, да Бог даст, это придет своим чередом»[238].

Уже в самом начале поездки по пути в Берлин В.М. Флоринский описывал территорию Виленской, Ковенской, Гродневской губерний как приграничье, которое только соприкасается с «русскими землями». Первый город, который он увидел «издали, из окна выгона», был Псков. В целом он не произвел на него «особенных впечатлений», поскольку уже заранее представлял себе похожий на «маленькую Москву или Нижний Новгород» город, в котором много «старины и красоты»[239].

В Динабурге, по наблюдению медика, заканчивается граница «русского мира» и начинается «жидовское царство»[240], простирающееся до самой Германии. В этом «царстве», замечал В.М. Флоринский, «русский человек чувствует себя чужим»: здесь говорят на немецком языке, а к русской речи «относятся с полным пренебрежением». Эта приграничная зона между «немецкой» Европой и Россией выглядит в его оценочном описании следующим образом: «*На всем пути от Динабурга – жидовское царство, но в особенности они кишат в Вилькомире. Жиды и жиденята здесь всех сортов и цветов, начиная от красноволосых и черно-курчавых до совершенных блондинов с красными глазами. В Вилькомире, кажется, и уличные собаки имеют тип жидовского происхождения* [зачеркнуто]. Ковно по внешнему виду совсем не похож на русские города: католические костелы, каменные невзрачные дома с крутыми черепичными крышами и повсюду жиды. Улицы вымощены булыжником, но содержатся очень грязно. По открытым канавкам текут помои и всякая гадость. Остановились мы в какой-то смрадной гостинице, *где меня тот час обступили жиды с предложением разных услуг. Один из них успел надуть меня при обмене русских денег на прусские талеры* [зачеркнуто]»[241].

---

[238] Дневник заграничного путешествия… Л. 2, 3.

[239] Там же. Л. 2, 3.

[240] Территории этих губерний входили в черту еврейской оседлости, и в период 1847–1881 гг. численность евреев здесь увеличилась в 2,7 раза. См.: Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. Тель-Авив, 1995. Ч. 5–6. С. 278–279

[241] Дневник заграничного путешествия… Л. 2–2 об.

«Свое» пространство многими отечественными интеллектуалами XIX в. во многом воспринималось как нечто монолитное и неделимое. Например, в интерпретации историка С.М. Соловьева, «одна неразделенная сплошная Россия» раскинулась «от Белого моря до Черного от Балтийского до Восточного океана»[242]. В ходе активной завоевательной политики Российской империи «свое пространство» постоянно прирастало новыми гетерогеными территориями, еще интеллектуально не освоенными. В этих условиях граница между «своим» и «чужим» пространством постоянно менялась, а «внутри» появлялись отдельные буферные территории, воспринимаемые как пограничье в силу близости «соседей».

По этому поводу О.Е. Бредникова замечает, что «все пространство приграничья густо маркировано национальной символикой», и пересечение ментальной границы актуализирует национальную идентичность, поскольку требует предъявления «документальных свидетельств» (например, паспорта). Такая ситуация близости с границей провоцирует путешественника к поиску определенных отличий между «нами» и «ими»[243].

К примеру, железнодорожная станция Вержболово, неожиданно стала для В.М. Флоринского «своим» пространством, важным для осуществления символической «церемонии прощания» с Россией при пересечении официальной границы империи. Вот как писал об этом сам В.М. Флоринский: «[Вержболово –] это единственный пункт, где водворился рус[с]кий дух и пахнет Русью. Особенно приятно было видеть наших артельщиков, великорусских бородачей, в красных руба[ха]х и белых передниках, ловких и бойких. *После мозглявых жидов, на них отдыхает душа* [зачеркнуто]. В лице их я прощаюсь с матушкой Россией и уношу с собой последнее впечатление о нашем добром, прекрасном народе»[244].

Свое проживание в Берлине ученый-медик вновь описывает в сопоставительных оппозициях «своего–чужого»: «главная улица Берлина нисколько не лучше нашего Невского проспекта», «магазины ничего особенного не представляют», «немцы чай пить не умеют и самоваров у них совсем нет»,

---

[242] [Соловьев С.М.]. Об историческом движении русского народонаселения. [СПб.], 1867. С. 27.

[243] Бредникова О.Е. Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) // Вестник СПбГУ. Сер. 12, Социология. 2008. № 4. С. 492–493.

[244] Дневник заграничного путешествия… Л. 2 об.–3.

«испорченность нравов и уличный разврат в Берлине бьет в глаза резче, чем в Петербурге. Притом же у немцев все это выходит как-то грубо, неуклюже» и др.[245]

Образ «типичного немца» отчасти уже был сформирован В.М. Флоринским во время учебы в Медико-хирургической академии. Немцы, по его убеждению, похожи на «бездушные машины», которые ему в целом «не нравятся»: «Это черствые, напыщенные, мелочные, бездушные люди. Их хорошие черты: трудолюбие, честность и аккуратность проистекают точно не из живой души, а из хорошо устроенной машины… Здесь вполне выразился гений народности, деревянный человек может понять только деревянную куклу, а не живую душу. Тот же характер я наблюдал и у русских немцев… [он] также заносчив, переполнен своим мнимым превосходством, горд и надменен с низшими, раболепен к высшим, сух и бессердечен, хотя, вместе с тем, аккуратен и исполнителен как машина. Таков он на государственной службе, таков в деревне и на месте управляющего. Сердца, подобного русскому, у него нет, потому наше мировоззрение и наши характеры никогда не сойдутся между собой»[246].

Впервые за долгое время, услышав в Берлине русскую речь, он осознал, что «одиночество среди немецкого моря» произвело на него «чувство какой-то изолированности» и отчужденности «от всего близкого сердцу». Только с «русской компанией» он мог проводить свободное время, не стесняясь делиться своими внутренними впечатлениями и переживаниями: «Свой своему – поневоле брат. Эта мудрая пословица как нельзя более применима к нашему теперешнему положению»[247]. Постоянное общение с представителями русской научной диаспоры в Европе представлялось ему важным для сохранения собственной национальной идентичности[248]. По признанию В.М. Флоринского, оставаться

---

[245] Дневник заграничного путешествия… Л. 2 об.–3, 4–4 об., 14.

[246] Там же. Л. 9 об.–10.

[247] Там же. Л. 11.

[248] В Берлине В.М. Флоринский познакомился с профессором Казанского университета А.Н. Соколовским (1822–1891) и встретил знакомых профессоров Медико-хирургической академии И.И. Равича (1822–1875) и Э.А. Юнге (1831–1898). В.М. Флоринский перечисляет в дневнике фамилии «русских молодых врачей», с которыми он познакомился на медицинских курсах в Берлине – Краснов (из Москвы), Михайлов (из Казани), Жуковский (из Петербурга). Возможно, последний – это Жуковский Иван Тимофеевич (1832–1899) – главный врач Петербургского воспитательного дома]». В Праге «русская среда» для него прежде всего была связана с именами М.С. Зеленского (1829–1890), А.А. Авенариуса (1831–1889), Тринклера, Зельгейма [Генрих Федорович (?) доктор медицины, врач Горы-Горецкого земледельческого института в Могилевской губернии (?–1881)], В.А. Красильникова (1834–1869), Рейха, Петровского, Гольма. См.: Там же. Л. 11, 12 об., 13 об., 36.

«русским» можно было только в «православной и национальной сфере», которую полноценно невозможно создать в условиях «чужой стихии»[249]. Поэтому в дневнике всплывают сюжеты, показывающие идентичность его автора одновременно как «русского ученого-медика» и как православного человека из «народной деревенской среды»: поход в «русскую баню», осмотр достопримечательностей в «кругу русской компании», хоровое пение «патриотических песен».

В Берлине В.М. Флоринский в течение месяца посещал курсы лекций, читавшиеся непосредственно на медицинском факультете и в зданиях университетских клиник («Шаритэ» – Charite). По его мнению, Берлинский университет «пользуется заслуженной исторической славой», и «русское просвещение» многое заимствовало отсюда как из ближайшего центра научной жизни. Саму разветвленную систему университетских клиник В.М. Флоринский сравнивал с Медико-хирургической академией, при этом подчеркивая, что их планировка произведена с соблюдением самых современных научных требований и «может служить образцом благоустройства».

Из посещаемых курсов В.М. Флоринский особо выделяет лекции Р. Вирхова и Т.Ф. Фрерихса: «Они дают так много нового, сравнительно с тем, чему нас учили прежде, что буквально приходится переучиваться». Профессор Р. Вирхов стал для него своеобразным образцом ученого («творцом науки»): «Какая сила ума, ораторского дара и педагогического такта. Не даром аудитория его полна иностранцами и ни один русский врач, попавший в Берлин с научной целью не проедет мимо, не поучившись у Вирхова… [Он] пленяет новизной своих идей. Это не копиист, не шаблонный преподаватель, а *товарищ* [зачеркнуто] *творец* [дописано сверху] науки, передовой ее двигатель. Таких людей я еще не видывал. Таков он на кафедре, таков в общественных делах и всюду, к чему прикасается его всеобъемлющая мысль. Между тем, взгляните на его наружность: это олицетворенная скромность»[250].

---

[249] Дневник заграничного путешествия… Л. 11 об.
[250] Там же. Л. 6 об. – 7.

В.М. Флоринский даже предполагает, что профессор Р. Вирхов, возможно, имеет славянское происхождение, в последующем развивая мысль о влиянии «славянского гения»[251] на население Пруссии: «Относительно Пруссии также общеизвестно, что эта страна выросла [за] счет славянства, и ассимиляция коренного померанского населения завершилось не более *двух* [зачеркнуто] трех-*четырех* [дописано сверху] столетий тому назад… Все это дает теоретическую возможность объяснять энергию, предприимчивость и даровитость северных германцев как результат благоприятных помесей»[252].

К лекционным курсам и практическим занятиям других профессоров Берлинского университета В.М. Флоринский отнесся весьма критично, описывая их как «монотонные и неизменные», «не представляющие научного интереса», «крайне вялые и скучные». В Берлине он посетил университетский зоологический сад и музей, где особо заинтересовался представленной там этнографической коллекцией: «В России я ничего подобного не видел, но в Петербурге такое собрание было бы далеко не лишним, особенно если принять во внимание разнообразие нашего инородческого населения». Подводя итоги пребывания в Берлине, В.М. Флоринский констатировал, что освоил здесь разговорный немецкий и «составил некоторое понятие о немцах и их науках»[253].

После Берлина ученый-медик на два дня отправился в Галле, чтобы посетить акушерскую клинику профессора Г. Голя. Такие «второстепенные» университетские немецкие центры как Галле, Тюбинген, Гисен, Эрланген, в связи с недостаточностью государственного финансирования, по его мнению, неизбежно должны были «оскудеть и опустеть, по крайне мере в тех отделах знания, которые требуют больших *практических* [дописано сверху] средств и большого учебного материала». Такое положение дел представлялось В.М. Флоринскому весьма естественным и справедливым, он полагал, что подобные провинциальные университеты со временем должны трансформироваться в специальные школы или отдельные факультеты[254].

---

[251] Идея «славянского гения» будет в дальнейшим представлена практически во всех работах В.М. Флоринского, посвященных славянской археологии и этнографии.

[252] Дневник заграничного путешествия… Л. 7 об.

[253] Там же. Л. 10–10 об., 13, 15.

[254] Там же. Л. 17 об. – 18.

В Лейпциге В.М. Флоринский из-за нехватки времени смог ознакомиться только с устройством медицинского факультета местного университета, родильного института, детской и офтальмологической клиник: «Лейпцигский университет во всех отношениях мне понравился больше Берлинского… Здесь находится множество редких патологических препаратов, приготовленных с большим искусством, которые были для меня полезнее всех теоретических лекций»[255].

Высоко оценивая немецкую науку как стоящую «во главе всемирного прогресса», В.М. Флоринский все же полагал, что свое лидирующее положение («это дорогое достояние») она унаследовала от Франции: «[Германия] быстро и пышно расцвела благодаря усвоенному ею аналитическому методу… число германских университетов по населению слишком велико (25 на 40 млн жителей). Они развились при исключительных условиях разобщенной государственной жизни и в свое время принесли громадную пользу для науки и общего народного образования, вызывая в этом отношении похвальную конкуренцию между областями»[256].

В.М. Флоринский считал, что наука и «народность» неразрывно связаны между собой, их нельзя отделить друг от друга. К примеру, он писал: «Нравственность и добродетель, поэзия и искусство также общи для всего человечества, но они применяются и разрабатываются каждым народом с особым индивидуальным оттенком. В этом лежит успех разработки и гордости нации… каждое земное творение связано с местом и временем»[257].

Успехи и недостатки науки в Германии В.М. Флоринский связывал с особенностями «национального характера» немцев («народным гением»): рационализмом, самолюбием, исполнительностью, усидчивостью, кропотливостью в труде и умеренностью в потребностях. Стоит отметить, что в научной карте мира XIX в. концепт «национального характера / нрава» считался важным маркирующим признаком этнических групп и воспринимался как неотъемлемое свойство самого

---

[255] Цит. по: Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 221.
[256] Дневник заграничного путешествия… Л. 16, 17 об.
[257] Там же. Л. 41.

народа[258], предположительно, изменяющегося только в условиях ассимиляционного процесса. К примеру, М.В. Лексинен подчеркивает, что «такое объяснение нередко использовалось для обоснования пороков или добродетелей национального русского (великорусского) характера, причем весьма далекими друг от друга по научным взглядам и политическим убеждениям авторами»[259].

В.М. Флоринский отмечал в дневниковых заметках, что, руководствуясь принципами «материализма и натурфилософии на экономической подкладке», немцы все больше погружались в анализ и «описание мельчайших явлений жизни» изучаемых ими явлений. Они не придавали значения, как он считал, главному в научном творчестве – синтезу и формулированию основных принципов общественного развития («идеям, руководящим жизнью»). Немецкая нация, как «бездушная машина», живет «рассудком, а не сердцем», пытаясь объяснить все проявления человеческого бытия одной только механической теорией, при этом отрицая всякое «духовное начало, которое в себе не чувствует и понять не хочет». Ученый-медик далее продолжал: «Здесь нет закономерности и гармонии между умом и сердцем, тогда как жизнь человеческую красят и согревают не изобретения ума, а проявления чувства. Не разум победит зло мира, не он даст человеку блаженство на земле, а гуманное, незлобивое христианское сердце». В силу этих особенностей национального характера, заключал В.М. Флоринский, немецкая наука «скорей ведет к ремеслу, чем к творчеству», и в скором времени может исчерпать весь свой накопленный потенциал[260].

Образ немецкой науки представлялся медику как «особенно недружелюбный» по отношению к отечественным ученым. Он подчеркивал, что немецкие профессора видят в российских деятелях науки будущих конкурентов: «русское образование было бы не в их расчете, если бы личная выгода… не пересиливала общих народных инстинктов… Не будь этого денежного интереса [системы гонораров], нас, вероятно, не встречали бы с такими распростертыми объятиями и,

---

[258] Сторонники концепции географического детерминизма, развитой в трудах Г.В.Ф. Гегеля, Г.Т. Бокля и К. Риттера, считали, что нрав / характер народа обусловлен врожденными и природными свойствами, тогда как историки-позитивисты обращали внимание на социально-политические факторы его формирования.

[259] Лексинен М.В. Концепт национальный характер / нрав народа в российской науке второй половины XIX в.: дефиниции, способы выявления, функции // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 165.

[260] Дневник заграничного путешествия… Л. 14, 16–16 об.

кто знает, может быть, совсем не отворили бы дверей в святилище науки». В целом немцы, по мнению В.М. Флоринского, мало знают о самой России и думают, что только благодаря их «милости» она превратилась из «отсталой и дикой орды» в «культурное государство»: «В этом отношении германцы похожи на древних греков, для которых все народы, кроме эллинов, были варвары»[261].

Подводя итог своему двухмесячному пребыванию в Европе, В.М. Флоринский подчеркивал, что эта поездка не только дала ему возможность профессионального совершенствования, но и позволила пересмотреть имеющиеся представления о принципах функционирования западного медицинского знания: «…я более и более оцениваю всю важность заграничного путешествия, только… теперь вижу, что все мои прежние знания были бы слишком несовершенными, если бы я не встретился с наукой лицом к лицу в заграничных университетах… уже на многое смотрю другими глазами, во многом, прежде сомнительном и неясном, убедился обязательно, а главное – перестал благоговеть перед заграничными авторитетами. Слава Богу, я вижу теперь, что наша Академия ничем не хуже здешних университетов, что ее напрасно некоторые упрекали в незрелости, в недостатке средств к образованию. Не зная дела, мы, молодые врачи, бывало, верили на слово заморским рассказам и считали себя чуть не пигмеями; но теперь я уверен, что наступит время, и наша Академия опередит многие из здешних университетов. Скоро не мы, а к нам будут ездить, – если не учиться (по незнанию русского языка), то, по крайне мере, познакомиться с русскими учреждениями»[262].

С такими оценками медика были согласны многие российские ученые. Во время зарубежных стажировок впервые столкнувшись с европейской наукой, они пытались рационально осмыслить отставание России в научной сфере, конструируя разные объяснительные модели. К примеру, профессор Новороссийского университета В.П. Модестов утверждал, что в Европе русские ученые слывут «неспособными к высшей науке» и что вся российская наука «за исключением математики, находится в руках иностранцев, преимущественно немцев»[263]. Однако

---

[261] Дневник заграничного путешествия… Л. 18 об., 39.

[262] Цит. по: Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 220.

[263] Модестов В.И. Русская наука в последние двадцать пять лет : публичная лекция, прочтенная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета. Одесса, 1890. С. 7.

такое отставание считалось временным явлением, и, как писал основатель московской гистологической школы А.И. Бабухин, «скоро наша научная производительность не будет отставать от западной, молодые люди будут меньше находить неизбежным ехать за тридевять земель за какими-нибудь пустяками»[264].

Следующим лидером «всемирного прогресса», по мнению В.М. Флоринского, могла стать Россия: «У нас есть и люди, и деньги. Нужно только доверчивее относиться к первому и умело распоряжаться вторыми… Будем надеяться на Бога и верить в свои национальные силы и предначертанную свыше судьбу»[265].

Такую «светлую будущность» и веру «в счастье России» он связывал с приходом императора Александра II, реформы которого были «великие и гуманные» и после «сурового Николаевского режима» вызывали у большинства жителей империи «очаровательные впечатления». В.М. Флоринский писал об этом: «*Предыдущему царствованию европейская наука мерещилась как пугало, в форме атеиста и бунтовщика. Мы чурались ее, как заразы, заграждая молодым людям всякий доступ в чужие края* [зачеркнуто]. С воцарением Александра II этот взгляд изменился. Двери заграницу открыты всем и каждому. Правительство само усердно содействует капитальным преобразованиям всего нашего внутреннего строя; поэтому мы смело можем надеяться, что и наши медицинские учреждения в скором времени будут поставлены на ту же высоту, как заграничные»[266]. Например, теперь отечественные ученые благодаря системе гонораров могут свободно приезжать в Германию и пользоваться «открытыми источниками немецкой науки».

Через Византию, как считал ученый-медик, Русь стала участницей раздела классического наследства античного мира: «Вместе с христианством мы приняли книжную мудрость, но не нарушили коренных устоев народности». Россия, в отличие от западноевропейских народов, идет своим самобытным путем «без скачков и порывов, без уличных демонстраций и шумных требований толпы». Ведь «продукты просвещения» должны усваиваться «прочно и естественно», с необходимой «исторической постепенностью» и подготовкой «национальной

---

[264] Извлечение из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию // ЖМНП. 1864. Март. Отд. 2. С. 448.

[265] Дневник заграничного путешествия… Л. 6 об., 8.

[266] Там же. Л. 6 об.

почвы». На этом пути страна не должна терять своих «народных основ». По этой причине Россия «не растворится в общей массе просвещенного мира» и последовательно будет выполнять уже предначертанную ей историческую миссию как «самостоятельного и своеобразного организма»[267].

Особо предостерегал В.М. Флоринский российскую науку от «компиляции и подражания» европейской учености: «Европейская наука сама по себе очень хороша, но мы не должны видеть в ней альфу и омегу всего настоящего и будущего. Упражняться в диктовках и копировках прилично и полезно школьному возрасту, но плох тот школьник, который, выучившись, не надеется стать на собственные ноги и жить своими умом». Так, многие представители отечественной научной элиты в попытках сразу же перенять все европейское, как отмечал В.М. Флоринский, бросают «свой родной язык, свои народные привычки» и даже отказываются «от своей истории». Только благодаря «избранным, более чутким и дальновидным патриотам, не утратившим под собой национальной почвы», Россия не сбивается с уготованного исторического пути. Государство, по его мнению, не теряет свою самобытность только с помощью «народной массы», которая «живет по завету отцов, не мудрствуя лукаво», и само по себе не способно ни на какие фундаментальные изменения («компромиссы»)[268].

Из Германии В.М. Флоринский отправился в Прагу. Выбирая этот город, он руководствовался несколькими причинами. Во-первых, в каникулярное время, когда в большинстве европейских медицинских учебных заведениях закончен учебный семестр, в Праге по-прежнему продолжаются лекционные занятия. Во-вторых, само по себе это место является «одним из наилучших центров» по его научной специальности. В-третьих, ученого интересовали особенности чешской народной жизни и повседневность местной интеллигенции – «славянской жизни под владычеством Австрии»[269].

В столице Богемии В.М. Флоринский пробыл чуть меньше двух месяцев, в течение которых подробно ознакомился с клиниками акушерства профессора

---

[267] Дневник заграничного путешествия… Л. 6 об., 18, 39 об.–40, 43, 46.
[268] Там же. Л. 41–41 об.
[269] Там же. Л. 32, 36, 36 об.–37.

К. Зейферта и детских болезней профессора Р. Лешнера. Он по уже апробированной схеме описывает их, обращая внимание на близость зданий клиник к центру города и особенности строений, размещение и наличие разных отделений (например, медик отмечал, что в детской клинике профессора Р. Лешнера отсутствует инфекционное отделение), санитарно-гигиенические условия содержания помещений (вентиляцию и пр.), оснащенность «современными» клиническими приборами, препаратами и материалами, и анализирует медико-статистические данные самих учреждений.

В.М. Флоринский особо подчеркивает, что помимо своей ученой направленности клинические учреждения должны быть «человеческими» и удовлетворять требованиям не только науки, но и «человеколюбия». К примеру, он пишет: «Цель всякого призрения и лечения должна состоять в сохранении жизни призреваемых, а не в усугублении смертности. А между тем во всех родильных домах Европы смертность в десять раз больше, чем в деревнях, у простых крестьянок, родящих попросту, без всякой врачебной помощи. Это сопоставление далеко не говорит в пользу науки и человеколюбия. Очевидно, здесь есть крупная ошибка в самой постановке дела»[270].

Прослушав курс акушерства и женских болезней К. Зейферта, Флоринский охарактеризовал профессора как «человека старой школы», который «учит акушерскому ремеслу, а не методам научных исследований», и критикует все известные ему современные научные работы. Он также добавлял, что в медицинском мире К. Зейферт не пользуется высокой научной репутацией, поскольку мало публикуется. Соответственно, его лекции подходят лишь для тех, кто не имеет «крыльев творческого таланта», «тяготеет к земле, нуждаясь в твердой научной почве, а не парит в тумане научных гипотез»[271].

Уже в Праге В.М. Флоринский замечает, как эта заграничная поездка «пересоздает» его, и он чувствует, что в нем «просыпается энергия» к дальнейшему научному творчеству: «Работаем мы [медики, проходящие стажировку вместе с ним] много, спим мало… Собственно клинические занятия отнимают у меня не

[270] Дневник заграничного путешествия… Л. 33 об.
[271] Там же.

более 5 часов в сутки, но в общем я работаю не менее 10–12 часов без всякого утомления. Добрая половина времени расходуется на ознакомление с новейшей немецкой литературой (медицинской) и на письменную часть[272]… И теперь много вопросов гнездится в голове, но без микроскопа и хорошей библиотеки поневоле довольствуешься одними клиническими наблюдениями и чтением тех книг, какие есть под руками»[273].

В середине 1861 г. молодой медик переехал Вену, где пробыл более четырех месяцев. В письме к П.А. Дубовицкому от 12 декабря 1861 г. он отмечал, что все его надежды, возлагаемые на этот город, полностью оправдались: «Я здесь уже три месяца, работаю с утра до вечера, но далеко не вижу конца своему делу. Столько материалов, так много прекрасных профессоров, что истинно нельзя не увлечься наукой!»[274] В.М. Флоринский высоко отзывался о клинической лаборатории профессора К. Рокитанского[275]: «[Здесь] по моей специальности находятся первостепенные редкости, и в огромных количествах. Глядя на это богатое собрание, у меня является непреодолимое желание устроить впоследствии и при нашей клинике специальный кабинет. Буду хлопотать изо всех сил, собирать случаи, по возможности, изо всех больниц, – авось удастся скопить кое-что»[276].

В.М. Флоринский побывал в Вене в детской и акушерской клиниках. Он также стажировался в лабораториях профессоров, основоположников «новой венской медицинской школы»: Х. Гебры, И. Оппольцера, К. Ведля, Э.В. Брюкке,

---

[272] Во время заграничной командировки В.М. Флоринский отдельно ведет дневниковые записи, а также переписывается с коллегами по академии – И.Т. Глебовом, Я.А. Чистовичам, П.А. Дубовицким – и родственниками. Кроме того, медик подготовил к печати несколько статей, вскоре опубликованных в Медицинском вестнике, Военно-медицинском журнале и Протоколах заседаний общества русских врачей в Санкт-Петербурге. См.: Венская акушерская клиника // МВ. 1862. № 10. С. 81–85; № 11. С. 93–96; № 12. С. 105–109; № 13. С. 121–125; Мюнхенская акушерская клиника // МВ. 1862. № 36. С. 343–347; № 37. С. 351–354; Овариотомия // МВ. 1863. № 10. С. 78–82; № 11. С. 91–92; № 12. С. 101–103; № 13. С. 111–114 и др.

[273] Дневник заграничного путешествия… Л. 47 об.; Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 222.

[274] Цит. по: Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 222.

[275] Рокитанский Карл (1804–1878) – лидер «новой венской школы», основоположник современной патологической анатомии, президент Королевского медицинского общества в Вене (1837) и Венской академии наук (1869); первый профессиональный патологоанатомом, не совмещавший эту работу с преподаванием нормальной анатомии или обязанностями профессора практической медицины. Он основал при Венском университете отдельную кафедру патологической анатомии и крупнейший в мире патологоанатомический музей. Основанное на огромном фактическом материале его трехтомное «Руководство по патологической анатомии» (1842–1846) систематизировало морфологические изменения при патологических процессах, поэтому Р. Вирхов назвал его «Линнеем патологической анатомии». См.: Бородулин В.И. История медицины. Лекция 3. Клиническая медицина в первой половине 19-го века [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: http://www.historymed.ru/training_aids/lectures/ index_page3.php (дата обращения: 16.05.2018).

[276] Цит. по: Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 222.

И. Гиртля. Единственный недостаток, который он увидел в Вене по сравнению с Берлином, – это отсутствие системы частных библиотек, где можно было бы познакомиться с новейшей медицинской литературой и периодическими изданиями. По это причине В.М. Флоринскому приходилось приобретать необходимые издания и перевозить их с собой в чемодане в течение всей зарубежной поездки[277].

Из Вены В.М. Флоринский отправился в Мюнхен. Здесь он осмотрел акушерскую клинику профессора К. Геккера и посетил лекции и патологический институт Т.Л.В. Бишофа[278]. Медик недолго остановился в немецком городе Эрланген, где побывал в клинике Росширта и патологическом институте Куссмауля. После кратковременной поездки в Вюрцберг и посещения местного университета В.М. Флоринский весной 1862 г. уезжает в Париж.

В Париже медик больше всего времени проводил в акушерской клинике профессора П. Дюбуа. Он проявил интерес и к детской клинике Е. Бушю, где прослушал «весьма замечательный как по изложению, так, в особенности, по демонстрациям» курс сравнительной терапии профессора Р. Косты и «лекции экспериментальной физиологии Клода Бернара… клинические лекции Труссо, Жобера, Мезонева, Нелятона, Вильно… осмотрел почти все доступные госпитали и вообще медицинские учреждения»[279]. В Париже В.М. Флоринский уделил особое внимание изучению английского языка, так как планировал затем отправиться в Англию.

Поездка в Лондон оказалась непродолжительной. Здесь он хотел детально ознакомиться с клинической практикой применения метода овариотомии[280]. Вернувшись в Вену, В.М. Флоринский написал письмо в Конференцию Медико-хирургической академии с просьбой увеличить срок его заграничной командировки. Просьбу он аргументировал так: «Я нахожусь в необходимости возвратиться к месту службы не позже 5-го июня 1863 года… Между тем, судя по ходу моих занятий, я предвижу, к упомянутому сроку не успею кончить их в

---

[277] Цит. по: Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 223.

[278] РГВИА. Ф. 316. Оп. 32. Д. 28. Л. 11–11 об.

[279] Там же.

[280] На основании уведенной в Лондоне практики и результатов применения овариотомии Флоринский опубликовал статью. См.: Овариотомия // МВ. 1863. № 10. С. 78–82; № 11. С. 91–92; № 12. С. 101–103; № 13. С. 111–114.

достаточной степени. Поэтому, желая воспользоваться еще летним семестром и желая осмотреть еще некоторые не посещенные мною университеты, я… прошу… Конференцию об… отсрочке пребывания за границей до 1-го сентября 1863». Ходатайство В.М. Флоринского было удовлетворено с условием, что продление пребывания не потребует «сверхштанного расхода» выделенных ранее средств[281]. В результате медик смог побывать еще раз Париже, по дороге посетив Рим, Неаполь и Швейцарию.

По окончании заграничной командировки 23 сентября 1863 г. заведующий кафедры акушерства, женских и детских болезней А.Я. Крассовский подал рапорт об определении В.М. Флоринского адъюнкт-профессором на его кафедру: «Представляю при сем краткий печень трудов… Флоринского, вышедших в свет как во время 3-х летнего пребывания его при академии, так и во время путешествия за границу с ученой целью. Все эти труды отличаются ясным и верным изложением избранных автором предметов с самостоятельными критическими взглядами и поверками различных мнений путем опыта и наблюдений»[282]. После двух пробных лекций: «О предлежании детского места, в особенности относительно причин его и лечения» (тема выбранная Конференцией академии) и «О маточных железах» (на свою тему), – В.М. Флоринский был утвержден в должности. Ему было поручено читать студентам 4-го курса лекции по физиологической и патологической части акушерства, женским и детским болезням.

Как отмечает В.С. Груздев, он после возвращения не ограничивался только чтением лекций, но и активно занимался научной деятельностью[283]. Уже в ноябре 1867 г. профессор Н.М. Якубович представил В.М. Флоринского на должность экстраординарного профессора, упомянув значимость зарубежной командировки для его карьеры: «…пребывание заграницей было в высшей степени плодотворно, потому что с этого собственно времени начинается в его трудах самостоятельная научная разработка, основанная на его собственных микроскопических исследованиях»[284].

---

[281] РГВИА. Ф. 316. Оп. 30. Д. 19. Л. 34; Оп. 60. Д. 256. Л. 110.

[282] Там же. Оп. 32. Д. 28. Л. 24–24 об.

[283] Например, В.М. Флоринский принимал активное участие в работе Общества русских врачей и в период 1863–1885 гг. был его секретарем, вел обзоры акушерско-гинекологической литературы в «Военно-медицинском журнале». См.: Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней… С. 225.

[284] Цит. по: Там же. С. 226.

Таким образом, во второй половине XIX в. заграничные командировки стали неотъемлемой частью академических коммуникаций и обязательным этапом в медицинской карьере ученого. Специалист, прошедший стажировку в зарубежных университетах, воспринимался в России как представитель «передовой» науки, приносящий государству «прогрессивное» знание.

Записи В.М. Флоринского показывают, что во время учебы в Медико-хирургической академии он постепенно воспринял все мировоззренческие установки «чуждой» для него по началу медицинской корпорации. Уже находясь в заграничной командировке, в условиях столкновения с другой культурой и более близкого знакомства с западной наукой, он начинает устойчиво описывать себя именно как «русского медика».

В мемуарах и переписке ученого прослеживается особый интерес к принципам устройства западной научной инфраструктуры (библиотекам, музеям, лабораториям). Впоследствии полученные в Европе знания В.М. Флоринский использовал не только в научных и публицистических трудах, но также постарался воплотить их на практике, приняв непосредственное участие в создании Сибирского университета и работе научно-просветительских обществ Казани и Томска.

По форме и манере изложения воспоминания В.М. Флоринского автобиографичны. При этом он не ограничивался фиксацией информации о прошлом или задачей максимально полно описать состояние европейской медицинской науки и практики. Ученый стремился сформировать положительное общественное мнение о себе, в том числе предлагая современникам и потомкам свою интерпретацию событий и презентуя себя одновременно частью и творцом истории.

В мемуарах В.М. Флоринский использовал наряду с собственными личными впечатлениями, наблюдениями и воспоминаниями, по всей видимости, специально сохраненные им материалы делопроизводственного, литературного и эпистолярного характера. Однако, несмотря на такие «включения», текст не утрачивает черт авторского сочинения. В нем в полной мере отразились личность создателя, особенности его характера (энергичность, целеустремленность, готовность к

решительным действиям по выполнению задуманных планов), мировоззрение (патриотизм, национализм, славянофильство) и политическая позиция (неприятие антиправительственной деятельности). В силу этого общий объем сведений исследованного мемуарного комплекса значительно шире вербализованной (фактической) информации, присутствующей в тексте. Не менее ценной для понимания социокультурного портрета ученого-медика второй половины XIX в. становится скрытая косвенная (потенциальная) информация, извлекаемая из оценок В.М. Флоринского, его эмоционального отношения к описываемым событиям и их участникам.

Мемуаротворчество В.М. Флоринского подтверждает выводы исследователей о существовании связи между желанием описать и оценить собственную биографию и стремлением создать собственный архив документов. Эти потребности развивались параллельно, были обусловлены формированием комплексов представлений о ценности, во-первых, частной жизни, во-вторых, систематизированного знания о прошлом. Результатом данных процессов можно считать появление мемуаров на документальной основе и одновременно их эгоцентрическую направленность.

2 КОЛЛЕКЦИОННОЕ И КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ В. М. ФЛОРИНСКОГО: ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ

Основными источниками для решения поставленных задач данной главы наряду с мемуарами и перепиской В.М. Флоринского являются, во-первых, его личная хозяйственно-финансовая документация за 1865–1896 гг.; во-вторых, делопроизводственные документы и имущественные описи, составление которых сопровождало обнаружение и распределение имущества семьи ученого на протяжении 1938–1958 гг.[285], и, наконец, его научные и публицистические труды.

Эти источники, большей частью впервые вводимые в научный оборот, дают возможность реконструировать не только состав личной библиотеки ученого и собранных им коллекций, но и процессы формирования коллекционных, библиофильских предпочтений В.М. Флоринского и его исследовательские интересы, выходящие за рамки медицины. В этом корпусе источников наибольшей информативностью, на наш взгляд, обладают имущественные описи и счета на покупку книг.

Обратим внимание на то, что имущественные описи являются носителем уникальной информации по истории повседневности, благодаря четкой структуре описания и высокой степени достоверности (документы составлялись официальными лицами, обладающими определенными профессиональными компетенциями и в присутствии свидетелей).

Вместе с тем этот вид источников достаточно редко используется, и поэтому определение его видовой принадлежности различается в работах исследователей. Так, по классификации Л.Н. Пушкарева описи имущества можно поместить между социально-экономическими и юридическими актовыми источниками. В новом коллективном пособии по источниковедению, подготовленном историками

[285] Документы (протокол, акты, описи) по разбору вещей профессора Флоринского Василия Марковича, обнаруженных замурованными в доме № 39 по улице Карла Маркса за 1938 г. // НМРТ. Ф. Р-2021. Оп. 2Ф. Д. 55. 135 л.; Опись имущества Флоринских 1881 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/273. Л. 76–77, 133–135; Книжные счета // Там же. Ед. хр. КППи-117959/273. Л. 1–9, 11–25, 29, 31, 85–92; Алфавитный указатель книг, пожертвованных Флоринским в библиотеку Томского университета // Там же. Ед. хр. КППи-117959/738. 31 л.; Каталог главной библиотеки Императорского Томского университета : [в 3 т.]. Томск, 1892. Т. 3. С. 1–87; Опись архива В.М. Флоринского // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959. 57 л.

Высшей школы экономики, все актовые материалы разделены на несколько групп, где подобные документы отнесены к частноправовым актам. При этом стоит упомянуть, что имущественные описи не выделяются как отдельный вид источников ни в одной отечественной источниковедческой классификации. Можно согласиться с мнением Е.П. Пироговой, которая считает, что такая ситуация вызвана «редкостью этого вида источника, а отсюда и неточностью накопленного исторической наукой материала, необходимого для полноценного источниковедческого анализа»[286].

В диссертационном исследовании привлечен также еще один редко используемый вид документов – книжные счета. Содержащаяся в них информация использована при реконструкции состава библиотеки Флоринских и читательских предпочтений самого ученого и его супруги.

2.1 Документальные материалы о «Казанской находке» 1938 г. как источник информации о коллекциях В. М. Флоринского

Зарождение института частного коллекционирования в России тесно связано с процессами европеизации общественной мысли XVIII–XIX вв. Как справедливо отмечал Ю.М. Лотман, «отношение к западному миру было одним из основных вопросов русской культуры на всем протяжении послепетровской эпохи. Можно сказать, что чужая цивилизация выступает для русской культуры как своеобразное зеркало и точка отсчета, и основной смысл интереса к “чужому” в России традиционно является методом самопознания»[287].

Европоцентризм русской культуры прежде всего был связан с утверждением просветительской модели мира, где все западное воспринималось как определенная «норма» в рамках бинарной системы «цивилизация–варварство». Образ Запада как территории, «освящаемой светом Разума», стал устоявшейся

[286] Пирогова Е.П. Новый источник изучения имущественного положения уральского заводчика А.Ф. Турчанинова: аналитический обзор описи 1789 г. // Известия Уральского федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 130

[287] Лотман Ю.М. Современность между востоком и Западом // История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 748.

парадигмой в сознании многих отечественных интеллектуалов. Эта «территория Разума» вполне могла со временем трансформироваться и воплощаться в схожие понятия «прогресса» и «науки»[288].

Чтобы получить соответствующие «цивилизационные» («положительные») характеристики, вся территория империи должна быть рационально познанной и объясненной на языке определенных универсальных категорий. На этом фундаменте возникает широкий общественный интерес к собиранию и изучению русских древностей, которые, с одной стороны, подчеркивали особенности традиционной культуры, а с другой – утверждали сам факт существования «первобытной» русской истории, связанной в своем развитии с европейскими народами.

Так, в начале XIX в. в центральных областях России начинаются массовые курганные раскопки, обогатившие науку археологическими материалами. Благодаря им в научный оборот наряду с письменными источниками впервые вошли вещественные артефакты, относящиеся к истории Древней Руси.

Новые формы культуры легче всего усваивались на уровне повседневных практик, через телесно-предметное переживание реальности[289]. Образность, воплощенная в жилом пространстве – стилистическом оформлении интерьера, предметах быта, мебели и пр. – могла «конструироваться» людьми прошлого как с целью презентации своей приверженности определенным идеалам, так и независимо от них. Хозяин коллекции в соответствии с эстетическими предпочтениями и модой собирал вещи, тем самым создавая собственный мир. Поэтому коллекционирование следует рассматривать как форму интеллектуальной деятельности, связанную с созданием нового типа знаний и новой идентичности.

С.А. Овсянникова выделяет следующие существенные особенности коллекционирования второй половины XIX в.: 1) специализация собраний (археологические коллекции, собрания гравюр, коллекции оружия и пр.); 2) расширение социального состава собирателей, например за счет разночинной интеллигенции; 3) включение в эти процессы провинции и «раскрепощение» собраний (создание

---

[288] Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. Вып. 2 (10). С. 7–19.

[289] Кулакова И.П. Российское «просвещенное дворянство» в контексте идей Нового времени: специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII – первая треть XIX вв.) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 90–119.

частных музеев и научных обществ, открытие выставок, пожертвование коллекционных предметов и пр.). Само коллекционирование теперь чаще всего опирается на глубокие знания собирателя в рамках избранной области. Неслучайно значительное число коллекционеров вышло из ученого сообщества[290].

В.М. Флоринский в этом отношении не стал исключением. Он отмечал в себе «особую страсть» к собиранию разных понравившихся предметов, всего, к чему «временно приходила охота»: «Получив средства, я собирал и книги, и рукописи, и картины, и разные редкости. Заинтересовавшись предметом, я делался настоящим старьевщиком, разыскивая, где только возможно, подходящие вещи. Это доставляет мне большое удовольствие»[291].

Подобное увлечение появилось у него еще в детстве, когда он с друзьями нашел предметы из древнерусских могил. Этот случай запомнился ему на всю жизнь. С тех пор сам процесс поиска различных «кладов» приносил ему настоящее наслаждение: «Чтобы искусственно подготовить себе такую радость, я, бывало, нарочно разбрасываю зимой, в снег на дворе, медные полушки и денежки… Мне представлялось, что весной от[т]ает снег, я буду находить эти полушки в земле»[292].

Во время обучения в духовном училище В.М. Флоринский с интересом знакомился с «многочисленными татарскими древностями» и артефактами, связанными с историей пугачевского восстания. Все эти предметы хранились в особом амбаре Далматовского монастыря и усыпальнице его основателя. Здесь же рядом с монастырем он впервые увидел курганные комплексы и открыл для себя народные легенды об их происхождении.

Увиденное «запечатлелось в детской душе» В.М. Флоринского и стало побудительным мотивом к дальнейшему собиранию предметов старины: «Эту слабость я чувствовал в себе всю жизнь. Она сопутствовала мне и во время заграничных путешествий и многочисленных скитаний по [всей] Русской земле, в городах и селах, где только представлялся к тому случай. Так иногда от случайного

---

[290] Овсянникова С.А. Частное коллекционирование… С. 67–69.
[291] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 10 об.
[292] Там же. Л. 10.

совпадения обстоятельств, даже от одного сильного впечатления зарождаются в душе безотчетные влечения, неугасающие целую жизнь»[293].

Уже к 1882 г. В.М. Флоринский имел несколько примечательных антикварных собраний – «русских древних рукописей, календарей и вообще старых изданий, не говоря о богатой специально-медицинской библиотеке, коллекции картин, гравюр, лубочных сказок… Авось на что-нибудь пригодится»[294].

К сожалению, он не оставил каких-либо описаний своих коллекций. Однако частично их состав можно реконструировать с помощью других источников, хранящихся в архиве ученого. Главный из них – опись семейного имущества Флоринских 1938 г., найденного в Казани[295].

Обратимся к истории обнаружения находки. Произошло это случайно в августе 1938 г., когда комендант дома № 39 по улице Карла Маркса (ранее – улица Грузинская, 43) П.А. Лаврентьев нашел поэтажный план двухэтажного кирпичного флигеля, стоявшего во дворе бывшей усадьбы профессора А.Г. Ге. На плане значилась подвальная комната, ранее неизвестная коменданту. Оказалась, что потайная дверь в это помещение была перекрыта громоздким шкафом, заполненным старыми вещами.

Оповестив милицию, П.А. Лаврентьев решил получить доступ в загадочное помещение. Как впоследствии выяснилось, в комнате наряду с семейным имуществом Флоринских (книгами, иконами, археологическими артефактами, предметами декоративно-прикладного искусства, произведениями живописи и графики) хранился личный архив ученого, аккуратно разложенный по ящикам и сундукам[296].

О находке сразу сообщили в Казанский горсовет. По предложению директора краеведческого музея С.А. Хованского клад было решено перевезти в специально отведенное музейное помещение. Об этом событии почти сразу же узнала «вся Казань», поскольку в местных газетах появилась заметка, описывающая его в подробностях.

---

[293] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 10–10 об.
[294] Там же. Л. 10 об.
[295] Документы (протокол, акты, описи) по разбору вещей… Л. 3–132.
[296] Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем… С. 9–14.

Биографу ученого Е.В. Ястребову удалось уточнить историю обнаружения клада на основе бесед с родственниками жильцов упомянутой усадьбы профессора А.Г. Ге и непосредственными очевидцами перевозки вещей из флигеля в музей[297]. Кроме того, некоторые детали события можно восстановить благодаря документам, находившимся в архиве В.М. Флоринского[298].

Так, оказалось, что перед отъездом из Томска в Санкт-Петербург в 1898 г. В.М. Флоринский поручил жене распродать основную часть семейного имущества, а оставшееся отправить в Казань на имя зятя С.В. Левашова. Ученый планировал после ухода с поста попечителя Западно-Сибирского учебного округа переселиться в Казань, рядом с семьей дочери. С.В. Левашов, получив вещи из Томска, решил временно складировать их в подвале флигеля, который принадлежал его другу профессору А.Г. Ге. Но в связи с неожиданной кончиной В.М. Флоринского в январе 1899 г. семейное имущество так и осталось храниться там, в запечатанных сундуках и ящиках. М.Л. Флоринская также не стала искать для себя отдельного жилья, поселившись после смерти мужа в Казани на квартире у дочери.

В 1903 г. семья Левашовых переезжает в Одессу, а М.Л. Флоринская остается в Казани одна. До сих пор неизвестно, когда она умерла и где похоронена. Но сохранились личные письма, адресованные ей в Казань (последнее письмо датировано 1919 г.). Кроме того, нам удалось установить, что часть корреспонденции вплоть до 1920 г. отправлялась на имя М.Л. Флоринской в имение Левашовых (с. Погорелое Белёвского уезда Тульской губернии), куда она обычно приезжала летом[299].

Последний раз, по мнению Е.В. Ястребова, в этом семейном «хранилище» побывала дочь Флоринских – Ольга. По всей видимости, именно она принесла туда некоторые вещи, принадлежавшие ее супругу. С тех пор «следы» Флоринских в Казани затерялись, и никто из родственников больше не посещал это помещение.

---

[297] Е.В. Ястребов опросил племянника коменданта, обнаружившего клад – М.М. Лаврентьева, родную сестру и дочь коменданта Т.А. Иванову, Т.П. Ермакову, родственницу профессора А.Г. Ге – М.Н. Петровскую, директора краеведческого музея В.М. Дьяконова. См.: Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем… С. 11–12.

[298] Подшивка писем и черновых записей В.М. Флоринского // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/824. Л. 23–28; Переписка М.Л. Флоринской с разными лицами // Там же. Ед. хр.КППи-117959/910; Переписка О.В. Флоринской с разными лицами // Там же. Ед. хр. КППи-117959/911–912.

[299] Переписка М.Л. Флоринской с разными лицами // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/910.

После установления советской власти усадьба профессора А.Г. Ге была национализирована и отдана под заселение. При этом вещи Флоринских оставались там же, никем не тронутые, во многом благодаря своим «хранителям». К примеру, в одной из подвальных комнат флигеля долгое время жила некая Мария Кирилловна, несомненно, знавшая, что рядом с ней находится семейное имущество Флоринских. Не исключено, что под этим именем могла скрываться сама М.Л. Флоринская, по каким-то причинам не желавшая раскрыть свою личность. По воспоминаниям соседей, эта «загадочная старушка» умерла в 1930 или 1931 г.[300]

Уже после кончины Марии Кирилловны ее сосед – дворник Ф.Р. Романов – продолжал тщательно скрывать клад Флоринских: он загородил дверь громоздким шкафом и засыпал окно «тайного» помещения. Ф.Р. Романов скончался в 1937 г., после чего в подвале никто не жил, а двери помещения были заколочены. Можно предположить, что все так называемые «хранители» клада знали о законных владельцах и надеялись его сохранить до их приезда.

Впоследствии выяснилось, что семейному имуществу Флоринских во многом повезло. Помещение, где оно складировалось, оказалось достаточно удачным для хранения антиквариата – сухим и вентилируемым, к тому же скрытым от многочленных жителей бывшей профессорской усадьбы. Все вещи были надежно упакованы. Именно поэтому ящики и сундуки не вскрывались до момента официального обнаружения в 1938 г.

После разборки и предварительной научной оценки клада сотрудниками Центрального музея ТАССР его дальнейшую судьбу должен был определить Президиум Казанского городского совета. Согласно постановлению от 26 ноября 1938 г. все найденное имущество Флоринских распределялось между государственными учреждениями Казани следующим образом: рукописи и книги отправлялись в Научную библиотеку, особо значимые исторические и археологические предметы – в Центральный музей Татарской АССР, изделия из драгоценных металлов – в Госфонд СССР[301]. В 1959 г. иконы и отдельные картины были переданы в созданный годом ранее Музей изобразительных искусств

[300] Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем… С. 13.
[301] Документы (протокол, акты, описи) по разбору вещей… Л. 1–2.

(современный Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан).

Примечательно, что споры государственных учреждений вокруг клада долго не утихали. К примеру, Казанский городской совет предлагал Центральному музею ТАССР и Татнаркомпросу провести дополнительную экспертизу найденного имущества, чтобы поставить окончательную точку в решении вопроса о целесообразности распродажи вещей, имеющих художественную значимость[302].

Руководство Центрального музея, отстаивая «историческую ценность» всего семейного имущества Флоринских, ссылалось на ст. 79 Постановления ЦИК и Совнаркома СССР от 28 мая 1927 г. «О порядке использования конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества», в которой говорилось, что государственной охране подлежат «картины, рисунки, гравюры, скульптуры, мебель, фосфор, предметы, бронза, предметы художественного и бытового значения, принадлежавшие каким-либо историческим личностям»[303]. Следовательно, В.М. Флоринский признавался музейными экспертами «исторической личностью», чье имущество подлежало государственной охране.

Кроме того, сотрудники музея, предварительно ознакомившись с найденными рукописями XVI–XIX вв. и книгами ученого, изъявили желание оставить у себя «особо ценные» экземпляры, в особенности их интересовали издания краеведческой тематики. Однако по решению президиума Казанского городского совета все рукописные и печатные издания передавались в фонды Научной библиотеки.

В книжной описи, хранящейся в составе архивного дела Национального музея Республики Татарстан, рядом с названиями некоторых книг имеется запись «музею». Относительно рукописей старший научный сотрудник музея С.Ф. Егоров сделал следующую запись: «…часть рукописей должна быть представлена музею для использования в качестве экспонатов»[304].

---

[302] Документы (протокол, акты, описи) по разбору вещей… Л. 134–135.

[303] Выписка из правил по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 28/У-27 г. о порядке использования конфискованных, выморочных и бесхозяйных имуществ // Документы (протокол, акты, описи) по разбору вещей… Л. 135

[304] Документы (протокол, акты, описи) по разбору вещей… Л. 28.

Личный архив В.М. Флоринского споров не вызвал. По постановлению президиума городского совета была создана специальная комиссия по его разбору и систематизации, куда вошли представители Центрального музея, Научной библиотеки и горсовета. Работа затянулась до 1958 г., именно тогда была составлена опись, используемая по сей день.

Таким образом, казанская опись зафиксировала только часть имущества Флоринских, сохранившегося к 1938 г. в подвале кирпичного флигеля. Она была составлена в этом же году сотрудниками местного краеведческого музея. Составители документа в произвольном порядке перечислили все найденные вещи, указав их количество, размеры, вес (для драгоценных металлов) и некоторые другие отличительные особенности.

Рассмотрим, какие сведения о коллекционных предметах способна дать данная опись. Так, на основании описи затруднительно определить место изготовления тех или иных предметов. Информация о западноевропейских и отечественных изделиях практически не отмечалась и сводилась к обобщенным характеристикам – «саксонское производство», «русское производство», «французское производство». Предметы восточных мастеров упоминались в описи гораздо чаще: «китайские», «японские», «Китай», «Япония» «японская / китайская работа».

Особенно сложно атрибутировать по описи художественные произведения. Например, в ней указаны лишь сюжеты картин, но практически отсутствует информация об имени художника или школе, к которой он принадлежал.

В архиве ученого нами выявлена еще одна опись имущества Флоринских, составленная в 1881 г.[305] Ее появление было вызвано переездом семьи на новую казанскую квартиру. Сам ученый следующим образом отзывался об этом событии: «Жена и Оличка остались в Казани по случаю перемены квартиры (по Грузинской ул[ице] в доме Криваксина). При этой квартире *был* [зачёркнуто] очень большой и тенистый сад, поэтому здесь можно было провести лето, не выезжая за город и не рискуя задохнуться в пыли Казанских улиц, как это было на прежней квартире»[306].

[305] Опись имущества Флоринских 1881 г. … Л. 76–77, 133–135.
[306] Дневные записки 1881 г. … Л. 1.

Описание имущества Флоринских уместилось на трех листах. Старая квартира ученого, как это следует из описи, включала в себя пять комнат: кабинет, переднюю, гостиную, столовую, уборную. Уже тогда в интерьерах квартиры присутствовала мебель «китайской работы»: «китайской столик с ящиками», «круглый столик китайский». Особый интерес представляет список принадлежавших ученому картин. Он включат в себя упоминания о 22 полотнах с указанием их стоимости, названий и имен авторов.

На основании указанных источников можно выделить две группы предметов: 1) повседневные предметы интерьера и быта (мебель, иконы, осветительные приборы, напольные и настенные часы, статуэтки, а также многие другие предметы художественного и бытового значения); 2) объекты коллекционирования (монеты, картины, гравюры, литографии, лубочные картинки, произведения восточного декоративно-прикладного искусства, археологические предметы). Безусловно, это разделение условно, поскольку грань между повседневными и коллекционными вещами не всегда уловима.

В *нумизматическую коллекцию* В.М. Флоринского входило 166 предметов. Первые монеты им были, видимо, куплены в Казани в 1878 г. Впоследствии он стремился «по случаю» приобретать отдельные редкие экземпляры. Его интересовали не только отечественные и европейские, но и восточные монеты. Например, можно отметить имевшиеся в его собрании редчайшие древнекитайские бронзовые артефакты – монету-нож (VII–III вв. до н.э.) и монету-мотыгу (362–340 гг. до н.э.) (Приложение А).

Часть нумизматического собрания В.М. Флоринский пожертвовал Томскому университету, в нее вошло 138 русских монет «прошлых столетий», в том числе 28, относящихся к периоду 1462–1533 гг. и 17 монет XVIII столетия. Специально для университета он приобрел монетный клад, обнаруженный в районе города Каинска: «18 серебряных рублей разных годов царствования Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II, три Петровских полтинника и четыре Петровских же гривенника»[307]. О степени профессионализма В.М. Флоринского как нумизмата

[307] Историческая записка о возникновении в Сибири университета // Открытие Императорского Томского университета. Томск, 1888. С. 58–59.

свидетельствует, в частности, присутствие в его библиотеке каталога Д. Прозоровского[308].

Сведения о *собрании живописи* В.М. Флоринского содержатся в обеих описях имущества. Оно включало в себя 27 полотен, преимущественно пейзажи и портреты западноевропейских мастеров XVI–XIX в: Ганса Гольбейна младшего, Пауля Рубенса, Каналетто, Давида Тенирса, Антуана Ватто и Карла Боссоли. Опись 1881 г. содержит упоминание о двух картинах русских художников-передвижников (без указания авторов полотен), приобретенных у коллекционера И.П. Свешникова. При покупке подобных предметов В.М. Флоринский не только руководствовался собственными эстетическими вкусами и историко-познавательными интересами, но и прислушивался к мнению супруги. Именно в ее круг увлечений помимо художественной литературы и музыки входила история живописи.

Кроме того, В.М. Флоринский собирал произведения западноевропейской и русской графики XIX в. Принадлежавшие ему 645 *гравюр и литографий* можно разделить на несколько групп: виды городов и ландшафты Санкт-Петербурга, Тобольска и Томска[309]; история Франции X–XIX вв.[310]; портреты «русских исторических деятелей»[311]; Томский университет[312] и «собрания археологических древностей»[313].

Особый интерес ученый проявлял к *лубочным картинкам.* Ему удалось собрать коллекцию из 88 листов, большую часть которых (61 лист) он в 1887 г. пожертвовал Томскому университету. С начала XIX в. народные картинки не перестают привлекать внимание ученых, художников и коллекционеров. Роль их своеобразного первооткрывателя принадлежит этнографу И.М. Снегиреву, который в 1822 г. опубликовал статью «Русская народная галерея, или Лубочные

---

[308] Каталог русским и западно-европейским медалям и монетам, хранящимся в минц-кабинете Императорской Академии художеств / сост. Д. Прозоровский. СПб., 1868. 158 с.

[309] «Виды пригородов и окрестностей Санкт-Петербурга» [3 офорта С.Ф. Щедрина]; Офорт «Общий вид Петербурга с окрестностями с высоты птичьего полета» [А.И. Шарлемань. Вторая половина XIX в.]; «Виды Томска» [25 литографий]; «Прогулки по окрестностям Тобольска» [18 литографий; 1881 г.].

[310] «История Франции начала XIX в.» [59 гравюр]; «Портреты разных иностранных деятелей Франции» [40 гравюр]; литография «Французские марки X–XVI вв.».

[311] 11 литографических портретов из альбома «Российский царственный дом Романовых» (изд. Г.К. Фридебурга); 75 литографических портретов из альбома «Портретная галерея русских деятелей» (изд. А. Мюнстера).

[312] «Интерьеры Императорского Томского университета» [46 литографий].

[313] «Раскопки древних Болгар» [337 литографических таблиц]; «Европейские каменные бабы и другие археологические рисунки» [9 литографий].

картинки»[314]. Он попытался обосновать необходимость их научного изучения и обратил внимание на роль лубка в жизни русского народа. Руководством для многих поколений собирателей стало богато иллюстрированное пятитомное издание Д.А. Ровинского «Русские народные картинки», где систематизирована информация о почти 8 000 листах[315]. Стоит отметить, что труды указанных авторов тоже имелись в книжном собрании В.М. Флоринского.

Все листы в коллекции ученого были изготовлены в период с 1875 по 1881 г. крупным московским издателем П.А. Глушковым. Состав коллекции отражает традиционный для XIX в. набор сюжетов исторического, религиозного, фольклорного и сатирического характера.

Несомненный интерес представляют изображения исторической тематики, причины появления которых в коллекции В.М. Флоринского требуют дальнейшего изучения. В портретную серию из 14 листов входили изображения членов царствующей фамилии (Петра I, Николая I, Александра I, герцога Эдинбургского с супругой), военачальников (А.В. Суворова, М.И. Платова, М.И. Кутузова, М.Д. Горчакова) и выдающихся историков и литераторов России (Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина). События Отечественной войны 1812 г. проиллюстрированы сатирической графикой И. Теребенева (18 листов). Карикатуры этого художника отличались особой лаконичностью и краткостью, многие из них сопровождены небольшими афоризмами, сатирическими двустишьями или даже диалогами, придуманными самим автором. Шесть листов посвящены Крымской войне 1853–1856 гг.

В составе казанской находки была обнаружена *археологическая коллекция* из 179 предметов. Каждый из них имел бирку, где стояла печать с инициалами В.М. Флоринского и указывался порядковый номер.

В составе этой коллекции находились изделия из бронзы, железа, кости и камня. В их числе – орудия труда (серпы, кельты, ножи, каменные тесла, оселки и точильные бруски), оружие (кинжалы, наконечники стрел), конское снаряжение

---

[314] [Снегирев И.М.] Русская народная галерея, или Лубочные картинки // Отечественные записки. 1822. Ч. 12, кн. 30. С. 85–96.

[315] Русские народные картинки : [в 5 т.] / сост. Д.А. Ровинский. СПб., 1881. 5 т.

(удила, трензели, пряжки), украшения (бронзовые бляшки и костяные подвески). Считается, что эта утварь бытовала на территории Южной Сибири начиная с карасукской культуры бронзового века и вплоть до аскизской культуры эпохи Средневековья.

Показательно, что предметы из коллекции В.М. Флоринского не связаны общими погребениями или археологическими памятниками. Некоторые из них, по предположению исследователей, могли быть случайными находками, вымытыми из курганов во время весеннего половодья[316].

Полагаем, что увезенные из Томска в Казань предметы вошли в личную коллекцию ученого и были ему необходимы для написания новых работ. Со временем он планировал передать их Томскому университету. Данное предположение основано на выявленной нами черновой рукописи уже четвертого по счету каталога археологического музея, в котором указаны некоторые артефакты из этого собрания[317].

Коллекционированием изделий *восточного художественного ремесла и декоративно-прикладного искусства* В.М. Флоринский увлекся еще в Казани. Однако именно в Томске, как вспоминает ученый, эта коллекция значительно пополнилась. Неслучайно в свой первый визит в Томск он обращает внимание на ассортимент находившегося на Миллионной улице китайского магазина: «На той же улице существует небольшая китайская лавочка с природными китайцами… Лавочка мизерная, но здесь можно найти, *кроме чая и сахара* [дописано сверху], китайские шелковые ткани, фарфор (преимущественно вазы, блюдо и чашки), тибетские белые меха и китайские бумажные картины. Все это сравнительно недорого и очень оригинально»[318]. Согласно его финансовой документации, он активно приобретал подобные вещи через томских купцов, торгующих с Японией и Китаем[319]. В результате возникла коллекция из 78 предметов, включавшая

[316] Макарова Е.М. Атрибуция археологических предметов… С. 253–254.

[317] Часть черновой рукописи каталога и примечания по Археологическому музею // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/116. 456 л.

[318] Путевые заметки и дневные записки 1880 г. … Л. 25.

[319] Счета // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/273; Книга для записей семейных расходов 1879–1883 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113. 86 л.; Книга для записей семейных расходов 1884–1888 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113. 92 л.

в том числе 13 бытовых предметов, 23 изделия из китайского фарфора (преимущественно «современные» изделия массовой продукции) и 11 восточных вееров (Приложение Б)[320].

В повседневном быту В.М. Флоринский прежде всего ориентировался на образцы европейского искусства (в основном на французское рококо), что непосредственно отразилось в домашнем интерьере – часть мебели, статуэтки, бронзовые светильники и люстры XVIII–XIX вв. имеют именно европейское происхождение. Сохранилась фотография томской квартиры ученого, на которой запечатлены некоторые из них (Приложение В). Примечательно, что в его библиотеке обнаружено несколько каталогов французской мебели из популярного тогда журнала «Le Garde-meuble, ancient et moderne», который представлял разные европейские стили, начиная готикой заканчивая модерном.

Некоторые предметы интерьера в квартире ученого были связаны с научными занятиями («глобус деревянный», «труба подзорная», «астролябия»), другие же отсылают нас к античной и средневековой культуре: «блюдо настенное в раме с античным рисунком», «лампа бронзовая с барельефным изображением рыцарского вооружения» и др. Кроме того, в описи имущества 1938 г. есть упоминание о повседневных предметах петровской эпохи – «русская чернильница XVII в., одного из подьячих Петра I». Все эти домашние «светские» вещи гармонично соседствовали с иконами. В числе принадлежавших семье икон находились изображения Иисуса Христа, Богородицы, Марии Магдалины, Василия-исповедника и Серафима Саровского.

В настоящее время есть достаточное количество данных для реконструкции причин увлечения В.М. Флоринского археологией, лингвистикой и этнографией. Так, первое знакомство ученого с подобными «древностями» произошло в середине 1860-х гг. в ходе поездки по южной России, во время которой он осмотрел фонды музеев Одессы и Керчи. Увиденные находки – предметы из степных курганов – настолько поразили его, что он решил изучить всю историческую литературу по данному вопросу.

---

[320] Похвалинская Л.Е. Волшебный мир фарфора. Из собрания Национального музея республики Татарстан. Казань, 2003. С. 14

В 1873 г. В.М. Флоринский отправляется в поездку по приуральским губерниям (Оренбургской, Уфимской и Пермской), чтобы лично ознакомиться со славянскими «древностями» региона. Наряду со сбором археологического материала он проявляет интерес к этнографии и фольклору не только русского населения, но и проживающих рядом финно-угорских и тюркских народов[321]. В ходе своей первой «полевой поездки» ученому удалось собрать достаточно разнообразный материал.

К примеру, он приобретал приглянувшиеся ему крестьянские и старообрядческие культовые предметы (нательные крестики, «образок» Николая чудотворца), украшения (серьги, перстни, кольца) и искусно выполненные вещи (берестяные папиросницы)[322]. Кроме того, В.М. Флоринский записывал бытовавшие на территории народные предания, песни и загадки. Впоследствии он указал на диалектные особенности жившего здесь русского населения[323].

В целом можно заключить, что В.М. Флоринский относился с особым интересом к славянской фольклористике. Так, из материалов архива ученого мы узнаем, что на протяжении всей жизни он собирал тексты и названия «русских хороводных и посиделочных песен», полагая, что именно в таких народных произведениях скрыт «настоящий русских дух»[324]. Он предлагал в связи с этим ввести в учебную программу всех образовательных учреждений империи, в том числе университетов, обязательные занятия по хоровому пению: «Родные гармоничные звуки глубже действуют на душу, нежели родное слово… Я знаю по

---

[321] К примеру, по результатам этой поездки он опубликовал статью «Башкирия и башкиры» (Вестник Европы. 1874. № 12), где помимо прочего высказал мнение о будущем этноса: «Судьба башкирского народа может быть двоякая – или вырождение, или ассимиляция русской народностью. Последний из путей, конечно, самый гуманный и выгодный как для нас, так и для них».

[322] МАЭС. № 2204–2219, 2240–2256, 2259, 2262–2320, 2364–2367.

[323] В архиве В.М. Флоринского находится несколько «папок» с этнографическими сведениями, собранными им или по его поручению на территориях Тульской, Нижегородской, Казанской, Оренбургской, Пермской, Уфимской, Новгородской, Томской, Тобольской губерний в период 1850–1890 гг.: Музыкальные инструменты // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/134. 7 л.; По Новгородско-Сибирским наречиям словарь, заметки. Сибирские пословицы и загадки [сост. В.М. Флоринским] // Там же. Ед. хр. КППи-117959/196. 123 л.; Загадки [Шадринского уезда, Пермской губернии, записанные В.М. Флоринским] // Там же. Ед. хр. КППи-117959/211. 2 л.; Некоторые предания в Нижегородской губернии о походах Ивана Грозного против Казани и о Пугачевском бунте [Нижний Новгород, 13.02.1850] // Там же. Ед. хр. КППи-117959/247. 6 л.

[324] Припев балалайщика (Тульская губерния 1854 г.) [записан В.М. Флоринским] // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/210. 1 л.; Русские песни [перечень названий, записанных В.М. Флоринским] // Там же. Ед. хр. КППи-117959/212. 2 л.; Песни семинарские [записаны В.М. Флоринским] // Там же. Ед. хр. КППи-117959/213. 2 л.; Песни Пермской губернии [Камышловского уезда] // Там же. Ед. хр. КППи-117959/242. 5 л.; Сельские песни береговых невских жителей [записаны по поручению В.М. Флоринского в 1867 г.] // Там же. Ед. хр. КППи-117959/243. 11 л.

опыту, насколько хоровая русская песня будит и согревает народное чувство, сближает людей из разных концов России, служит духовным цементом народности, так же как и родная поэзия… Я во времена моего деревенского детства невольно пристрастился к пению, знал все песни, которые пелись в нашем краю… и дословно помню их до настоящего времени»[325].

Значимым событием в становлении научного интереса ученого-медика к археологическим артефактам становится его знакомство в 1875 г. с известным «исследователем русской доисторической старины и приверженцем славянской теории курганов и городищ» профессором Варшавского университета Д.Я. Самоквасовым (1843–1911). Археолог-славист презентовал ему символический подарок – «два куска спекшейся в огне кольчуги», найденных им в славянском кургане на юге России. В.М. Флоринский долгое время хранил подарок и впоследствии передал его в археологический музей Томского университета[326].

Немаловажную роль в формировании начинающего археолога сыграло казанское Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). Как профессор Казанского университета В.М. Флоринский принимал участие в его деятельности с 1878 по 1885 гг.: он совершил несколько полевых экспедиций, проявив особый интерес к археологическому наследию древнего Булгара[327].

В 1877–1882 гг. В.М. Флоринскому удалось сформировать собственную небольшую коллекцию «булгарских древностей». Обладая определенными финансовыми возможностями, по всей видимости, он так же, как и известный казанский коллекционер А.Ф. Лихачев, пользовался услугами «татар-старьевщиков», специализирующихся на предметах булгарской археологии и скупавших у местного населения интересные для коллекционеров артефакты[328].

Такая практика не была уникальной. К примеру, К.Н. Бестужев-Рюмин писал о казанском профессоре С.В. Ешевском, имевшем «в разных местах корреспондентов, от которых доставал как этнографические предметы, так и

---

[325] Дневник заграничного путешествия… Л. 43–43 об.
[326] МАЭС. № 1072.
[327] Жук А.В. Василий Маркович Флоринский… С. 105.
[328] Руденко К.А. Творческая лаборатория А.Ф. Лихачева: от коллекционера к ученому // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 3. С. 189.

древности. Таким образом, у него собралась небольшая, но хорошенькая коллекция болгарских и пермских древностей»[329].

Кроме того, В.М. Флоринский совершил несколько самостоятельных поездок к руинам древнего Булгара. Предметы из «булгарской коллекции» ученого не были представлены в казанской находке 1938 г., поскольку ранее он пожертвовал их Сибирскому университету[330]. Причем о тесной связи его коллекционных и исследовательских интересов, свидетельствует присутствие в архивных материалах нескольких неопубликованных (неоконченных) работ по истории этого знаменитого археологического памятника[331].

Основываясь на изученном историографическом материале[332] и имеющихся в его распоряжении артефактах, В.М. Флоринский разработал собственную периодизацию истории Волжской Булгарии.

Первый («славянский») период – «самый продолжительный и цветущий», относящийся к доисторической эпохе, «когда Болгары разрабатывали медные руды и вели обширную торговлю с Сибирью и Великой Пермью». Второй («арабский») начался с «введения мусульманства (с 922 г.)» и закончился в 1164 г., «когда город был опустошен кн. Андреем Боголюбским». В это время смешанное «славяно-финно-татарское» население испытывало сильное влияние арабской культуры, но в целом за счет активной торговли с соседями город сохранял высокий уровень «благосостояния». Булгары после такого «блестящего времени, по меньшей мере, сотню лет оставались в запустении». Третий этап связан с «татарским царством» и новым возрождением города в конце XIII – начале XIV в. Расцвет продолжался не более 100–150 лет, но после переноса столицы Болгаро-Казанского царства в Казань «Болгары окончательно запустели»[333].

В.М. Флоринский еще в Казани получил бесценный опыт организации музейного дела. Как одному из активных членов Общества археологии, истории и

---

[329] Цит. по: Руденко К.А. Творческая лаборатория А.Ф. Лихачева… С. 189.

[330] МАЭС. № 519–530, 1073, 1323.

[331] Факты и догадки по вопросам Камской Болгарии // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/137. 34 л.; По археологии // Там же. Ед. хр. КППи-117959/138. 27 л.

[332] В своих интерпретациях истории Волго-Камской Булгарии Флоринский прежде всего основывался на работах В.Н. Татищева, В.В. Григорьева, В.И. Доброхотова, И.Е. Забелина, Д.И. Иловайского.

[333] Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни: опыт славянской археологии. Томск, 1894. Ч. 1: Общая вступительная часть. С. 343.

этнографии ему было поручено разработать проект будущего публичного историко-этнографического музея. Как отмечают исследователи, к этому делу ученый подошел весьма ответственно – подготовленный документ отвечал всем научным требованиям своего времени[334].

К примеру, В.М. Флоринский считал, что музей необходимо «созидать заблаговременно», целенаправленно отбирая для него предметы, способные продемонстрировать посетителям единую и стройную картину народной жизни определенной исторической эпохи. С его точки зрения, в музее должны быть представлены подлинные краеведческие материалы, а «не копии заграничных моделей»[335].

В.М. Флоринский предлагал разделить все музейные артефакты на две большие группы: «предметы древности»[336] и «предметы нового времени (текущего столетия)»[337]. Сохранение и экспонирование современных предметов быта, по его мнению, тоже играет немаловажную роль, поскольку отражает быстро меняющийся повседневный уклад. По этой же причине важны фотографические снимки особо ценных артефактов и зарисовки национальных типов, костюмов, зданий, ярмарок и народных праздников.

В проекте В.М. Флоринский не обошел вниманием вопросы, связанные с систематизацией и научной обработкой музейных коллекций. Например, он предлагал внедрить лучшие европейские образцы каталогизации (в этом вопросе В.М. Флоринский ориентировался на известную ему модель работы немецких музеев). Проект ученого так и не был полностью претворен в жизнь[338]. Тем не менее его подготовка позволила В.М. Флоринскому погрузиться в детали организации отечественного и европейского музейного дела. В дальнейшем

---

[334] Сидорова И.Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы). Казань, 2014. Ч. 1. С. 144–145.

[335] Флоринский В.М. Проект публичного историко-этнографического музея… С. 424–438.

[336] Флоринский разделял «предметы древности» на несколько разрядов: доисторические древности (куда относятся предметы каменного, бронзового и железного веков; предметы исторических народностей; русские древности до XVIII в.; русские древности XVIII в.); собрание монет и медалей (с подразделением их на русские, восточные и прочие иностранные). См.: Там же. С. 429.

[337] Все «предметы нового времени» В.М. Флоринский подразделял на несколько отделов: русский; инородческий (татарский, киргизо-туркменский, калмыцкий, чувашский, черемисский, мордовский, вотяцкий, зыряно-пермякский и вогульский, остяцко-самоедский); азиатский. См.: Там же.

[338] Созданный в 1879 г. музей при Обществе археологии, истории и этнографии так не стал публичным.

приобретенный опыт он сможет реализовать при формировании Археологического музея Томского университета.

Исследовательский интерес В.М. Флоринского к археологии окончательно оформился уже в результате первых служебных поездок по Сибири. К примеру, уже в 1881 г., путешествуя из Шадринска в Томск, ученый впервые ознакомился с курганными памятниками вдоль Сибирского почтового тракта. Увиденное поразило его масштабами и открывающимися возможностями комплексного изучения на их основе всей «древней истории» края.

В 1882 г. на одном из заседаний казанского Общества В.М. Флоринский впервые, по мнению В.И. Срезневского, сформулировал «новый взгляд на значение сибирских курганов, приписывая их некогда обитавшим здесь славянам». На основании предварительного анализа их географического распространения В.М. Флоринский предложил концепцию «расселения арийских племен», согласно которой индоиранцы пришли в Западную Сибирь через Семиречье по Иртышу и Северному Алтаю и уже затем, «в первом веке христианской эры», переселились в Европейскую Россию[339]. С тех пор В.М. Флоринский посвятит всю свою жизнь ее детальной разработке.

Важность этой концепции объяснялась В.М. Флоринским следующим образом: с его точки зрения, сибирская территория «дарована» русскому народу Богом, но научно это пока не доказано. Ученый предлагал на основе археологических данных изучить этот вопрос и восстановить «древние народные границы», к которым уже сейчас «инстинктивно» стремится Российское государство: «Здесь-то археологические памятники, правильно истолкованные, могли бы служить путеводной нитью… Такая граница была бы основана не на политическом захвате, не на научных соображениях тех или других государственных удобств, а на нравственном праве исконной давности… Для народной совести и для предчувствия будущего далеко не все равно, будем ли мы сознавать, что славянское племя водворилось в нынешних землях путем насилия и захвата… или оно наследует родную землю и в дальнейших территориальных

[339] [Срезневский В.И.] Антропологические исследования В.М. Флоринского // Известия РГО. Мелкие известия. СПб., 1882. Т. 18, вып. 2. С. 21–22.

приобретениях лишь возвращает себе то, что было неправильно отнято в минувшие века»[340].

Будущему Томскому университету отводилась в этих исследованиях роль координационного академического центра. По мнению В.М. Флоринского, если «университетская корпорация» сможет доказать, что домонгольская Сибирь действительно являлась «исконной родиной славянского народа», она компенсирует средства, вложенные в создание университета[341].

В.М. Флоринский не стал ждать официального открытия университета и провел серию полевых экспедиций на территории Сибири. К примеру, в 1882 г. он исследовал обвалившийся курган на правом берегу Томи, между р. Басандайкой и с. Спасским, где обнаружил бронзовый кельт вместе с костяными стрелами «и десятком черепков разбитого глиняного сосуда»[342].

В 1885 г. ученый провел полевые изыскания около д. Тахтамышево, где в кургане наряду с захоронениями были найдены предметы домашнего быта: «Разрытый курган у Тохтамышевых юрт интересен в том отношении, что в нем при обстановке древнего курганного погребения найдены предметы, по-видимому, позднейшего времени и притом по типу весьма похожие на русские (ложки, чашка и топор)»[343].

Впоследствии анализируя свои находки, В.М. Флоринский отметит: «Для разъяснения вопроса, какому народу принадлежат довольно многочисленные и обширные могильники по левому берегу р. Томи близ Томска, необходимы дальнейшие розыски. Судя по первому вскрытому экземпляру, несомненно, что эти могилы относятся совершенно к другой эпохе, чем находящиеся на правом берегу Томи, которые принадлежат бронзовому веку. При основании Томска в 1605 году вся окружающая его местность занята была татарами-магометанами; ни остяков, ни киргизов здесь уже не было»[344].

С назначением на пост попечителя Западно-Сибирского учебного округа в 1885 г. В.М. Флоринский был поставлен в «особенно благоприятные условия» для

---

[340] Дневные записки 1881 г. … Л. 3 об.
[341] Там же. Л. 4 об.
[342] Археологический музей… С. 28, 40–42, 49, 54.
[343] Там же. С. 25, 55–56.
[344] Там же. С. 56–57.

анализа и сопоставления «сибирских древностей» не только в Тобольской и Томской губерниях, но и в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях: «Обнимая такой обширный район важнейших водных сообщений и сухопутных дорог Западной Сибири, вплоть до границ Китая и Сыр-Дарьинской области, нетрудно было составить довольно полную общую картину географического распространения археологических памятников одного и того же типа»[345]. В служебных поездках по вверенному учебному округу он не только пополнял личную коллекцию «сибирских древностей», но и приобретал экспонаты для будущего университетского музея.

В 1886–1887 гг. во время командировки ученый провел археологические изыскания памятников Семипалатинской и Семиреченской областей вдоль тракта Павлодар–Верный. Он дал специальное поручение инспектору народных училищ В.Д. Городецкому продолжить обследование курганов на следующем участке тракта – от Верного до Иссык-Куля. Стоит отметить, что В.М. Флоринскому удалось собрать в этой поездке достаточно большое количество артефактов за относительно короткое время[346].

Результаты своих исследований сибирских курганов В.М. Флоринский отразил в нескольких работах: «Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской области», «Некоторые сведения о курганах юго-западной части Семиреченской области», «Общая заметка об археологическом значении Семиречья», «Курганы Томской губернии», «Топографические сведения о курганах Западной Сибири» (Томск, 1889), «Двадцать три человеческих черепа Томского археологического музея» (Томск, 1890).

Однако своеобразным венцом научной обработки всей имеющейся в распоряжении В.М. Флоринского информации стала монография «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии» (Томск, 1894–1898). Материалы для нее ученый собирал с 1881 г., когда впервые познакомился с сибирскими археологическими древностями. Особо тщательно В.М. Флоринский отработал ключевые, с его точки зрения, разделы и главы

[345] Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам… Ч. 1. С. VIII.
[346] Жук А.В. Василий Маркович Флоринский… С. 106.

монографии, что было зафиксировано в черновых материалах, сохранившихся в архиве ученого[347].

В.М. Флоринский рассматривал задачи археологии гораздо шире многих своих современников: «Без сравнительной археологии не может быть настоящего исторического знания… Задача археологии состоит в том, чтобы проследить связь древнейшей культуры с ныне существующей и по возможности раскрыть отношения находимых древностей к ныне живущим племенам»[348].

Для своих исторических построений он привлек разноплановый круг археологических памятников и источников: материалы археологических раскопок курганов, городищ, поселений, найденные в ходе экспедиций предметы – кельты, ножи, кинжалы, клевцы, наконечники стрел и копий. При этом В.М. Флоринский подчеркивал, что в основе любого научного исследования лежат «принцип строгой научности» и «идея предпринимаемого труда», без которых «не мыслим ни план, ни цель научной работы»[349].

Тем самым В.М. Флоринский, как и многие другие отечественные интеллектуалы XIX в., стремился доказать причастность славян к формированию современной европейской цивилизации и, значит, вписать их в общемировой исторический процесс: «Со школьной скамьи нас учили и заставляли учить, что в ряду европейских наций славянская и в частности русская нация принадлежит к наиболее юным. Нас ставили всегда в хвосте Европы, идущими ощупью по ее стопам и потому признавали во всех отношениях менее самобытными и менее культурными. При таких взглядах, закрепленных авторитетом науки, трудно было решиться на разыскания археологических следов собственной славянской культуры, при том в таких широких географических и хронологических пределах, как на это намекает археология»[350].

---

[347] Дополнения к тексту «Археологический музей Томского университета» // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/117. 86 л.; Дополнения к тексту «Археологический музей Томского университета» // Там же. Ед. хр. КППи-117959/118. 42 л.; Сибирские древности. Предметы религиозного значения // Там же. Ед. хр. КППи-117959/121. 94 л.; О доисторической жизни Сибири // Там же. Ед. хр. КППи-117959/123. 28 л.; Обские древности // Там же. Ед. хр. КППи-117959/124. 22 л.

[348] Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам… Ч. 2, вып. 1–2. С. 115, 559.

[349] Там же. Ч. 1. С. XXIII.

[350] Там же. С. 354.

Одновременно со сбором археологического материала для будущего Сибирского университета В.М. Флоринский начинает задумываться о создании «специального музея сибирских древностей». Ведь только в музеях, по мнению ученого, «древности» могут быть научно «истолкованы» и сохранены для потомков.

Эта идея появилась у В.М. Флоринского достаточно рано. В его карандашном наброске плана расположения университетских корпусов имелось здание с подписью «этнографический музей» (Приложение Г)[351]. Уже позже, в 1877 г., при разработке совместно с Д.И. Менделеевым проекта Сибирского университета В.М. Флоринский в том числе упоминал о создании «музея изящных искусств с археологией»[352].

В докладной записке на имя министра народного просвещения И.Д. Делянова, датированной 22 сентября 1884 г., ученый отмечал важность создания подобного научно-просветительского учреждения в Томском университете, акцентируя внимание на его будущем краеведческом статусе: «По отделу древностей Сибирь более чем какая-либо другая страна обладает, можно сказать, бесчисленным и совершенно неразработанным археологическим материалом. Можно надеяться, что результаты археологических исследований Сибири, произведенных при содействии местных университетских сил, откроют совершенно новую страницу древнейшей истории не только народов северной Европы, но и, в частности, нашего отечества»[353].

В результате археологический музей стал первым учебно-вспомогательным учреждением, основанным В.М. Флоринским еще до официального открытия Томского университета. Событие было символично приурочено к 6 декабря 1882 г. – дню празднования 300-летия присоединения Сибири к России. Видимо, с этим торжеством связано противоречие в материалах В.М. Флоринского, приводившего разные даты основания музея – 1880 и 1882 гг. Однако именно в 1880 г.

---

[351] Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский… С. 53.

[352] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Фев. С. 291

[353] Цит. по: Некрылов С.А. [и др.]. Начало формирования музейных и ботанических коллекций первого в азиатской России Сибирского (Томского) университета (конец 1870-х–1880 г.) // Томские музеи : сб. док. и ст. / под ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняка. Томск, 2010. С. 27.

красноярский купец М.К. Сидоров подарил университету коллекцию «тобольских древностей» – первое крупное собрание музея[354].

До 1898 г. ученый фактически оставался хранителем всего музейного фонда. К открытию университета В.М. Флоринский систематизировал и описал («дал краткую научную оценку») более 4,5 тыс. предметов, поступивших в музей. К некоторым пожертвованным коллекциям он проявил особый исследовательский интерес. К примеру, он существенно дополнил своими примечаниями первоначальную опись коллекции монет А. Белоголового[355].

Таким образом, коллекционирование во второй половине XIX столетия становится частью общероссийского процесса развития культурно-образовательной среды. Применительно к рассматриваемому периоду исследователи говорят о трех сформировавшихся типах коллекционеров: ученый, аристократ и купец-старообрядец. Если интерес последних был обусловлен прежде всего конфессиональными задачами и нацелен на поиск старинных рукописей, старопечатных книг и икон, то собирателям из научной среды и аристократам был присущ интерес к археологическим артефактам.

Именно археология становится в это время привлекательной и даже в некоторой степени романтической областью научного знания как в Европе, так и в России. Отечественные археологи-любители и коллекционеры ставили перед собой схожие задачи: с одной стороны, найти в российском прошлом какие либо «европейские следы»; с другой – дать ответ на общемировые вопросы происхождения рас и народов.

В.М. Флоринский не был типичным коллекционером. Собирательство для него – прежде всего способ познания мира, часть его научной работы. В этой логике коллекционирование становилось первичным этапом научного исследования, методом накопления необходимого материала. Архив ученого как раз отражает процесс превращения коллекционерской страсти в стремление к изучению собранного и разработку научных подходов к интерпретации артефактов.

---

[354] Историческая записка о возникновении в Сибири университета… С. 57; Дмитриев-Мамонов А.И. К истории первого университета… С. 54.

[355] ГАТО. Ф. 102. Д. 74. Л. 431–432 об.

Безусловно, этому способствовали естественнонаучное образование В.М. Флоринского, его знание иностранных языков, а также личная склонность к собирательству, сформировавшаяся еще в юности.

Заслуга В.М. Флоринского заключается в том, что его интерес к собирательству трансформировался в программу, где коллекционирование переставало быть самоцелью и становилось фундаментом для развития знания о прошлом и на следующем этапе – основанием для разработки концепции научного музейного хранения.

2.2 Библиотека Флоринских: анализ состава и целевого назначения

В.М. Флоринский был владельцем солидной по тем временам библиотеки. О составе и размерах его собрания мы можем судить на основании нескольких документов. Первый – упомянутая опись имущества 1938 г., которая в единственном экземпляре хранится в архиве НМРТ. Все найденные книги в ней были условно разделены на 23 пронумерованных списка: «№ 1. Беллетристика», «№ 2. Философия», «№ 3. Календари», «№ 4. География», «№ 5. Словари», «№ 6. Издательство Общества любителей древней письменности», «№ 7. Книги начала XVIII – нач. XIX вв.», «№ 8. Литература – язык», «№ 9. На французском языке», «№ 10. Медицина», «№ 11. Экономические науки», «№ 13. Естествознание», «№ 15. На английском языке», «№ 18. История, география и народное образование», «№ 16. История», «№ 20. Труды Флоринского», «№ 21. Богословие», «№ 22. Искусство и разное», «№ 23. На старофранцузском, итальянском и др. языках», «№ 24. Искусство и археология», «№ 25. Атласы и карты», «№ 26. Книги, картины и проч.» «№ 27. Журналы». Всего в описи числится 9 127 томов книг (3 624 наименования)[356].

Это собрание не сохранилось как целостность. В настоящее время оно распылено по фондам Научной библиотеки Казанского федерального университета им. Н.И. Лобачевского и частично утрачено.

[356] Документы (протокол, акты, описи) по разбору вещей… Л. 29–107, 109–132.

Книги и, возможно, рукописи сюда поступили в 1938 г. В архиве учреждения удалось найти краткое упоминание о том, что «в фонды библиотеки пожертвовано 9 446 корешков, обнаруженных по улице Карла Маркса д. 39», имя «дарителя» при этом не указывалось[357]. Однако по неустановленным причинам сама книжная опись в НБ КФУ не сохранилась (за исключением перечня «№ 21. Богословие»).

Сотрудник библиотеки Я.С. Романов в монографии по истории библиотеки, изданной в 1940 г., указывал следующие сведения: «Фонд редких книг обогатился в 1938 г. находкой по улице Карла Маркса в количестве 4 111 названий, 9 446 книг. Эта найденная библиотека принадлежала В.М. Флоринскому». Кроме того, исследователь указал названия всех 27 списков и количество представленных в них изданий, а также отметил перечни, отсутствующие в описи: «книги (древние) на латинском языке – 14 [названий]», «книги латинские и греческие – 27», «старинные немецкие книги – 40», «книги на немецком – 182»[358]. По воспоминаниям сотрудников библиотеки, из-за «недостатка квалифицированных работников» книги долгое время хранились в необработанном виде, и только в период с 1963 по 1972 г. информация о них стала заноситься в инвентарные реестры.

Часть своего книжного собрания В.М. Флоринский пожертвовал библиотеке Томского университета в 1882–1889 гг. В основном это были книги по медицине и различные учебные пособия XVIII–XIX вв. (73,85% всего состава) (Приложение Д).

Информация о переданных В.М. Флоринским книгах (3 425 экземпляров) содержится в третьем томе печатного каталога «Главной библиотеки Императорского Томского университета» отдельным списком под № 30001–32099[359]. При поступлении в библиотеку на книги наносился штемпель ученого. Сейчас эта часть книжного собрания хранится как отдельная мемориальная / личная коллекция в фонде Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета.

---

[357] Отчет о работе Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского за 1938 г. // ОРРК НБ КФУ. С. 46.

[358] Романов Я.С. Краткий очерк истории Научной библиотеки Татарской республики при Казанском государственном университете. 1804–1939. Казань, 1940. С. 73–74.

[359] Каталог главной библиотеки Императорского Томского университета : [в 3 т.]. Томск, 1892. Т. 3. С. 1–87.

С помощью сотрудников отдела книжных памятников и рукописей НБ ТГУ нам удалось дополнить эти сведения. Поэкземплярный просмотр позволил, во-первых, доказать принадлежность В.М. Флоринскому еще 256 томов, во-вторых, установить, что по ошибке владельческий знак был поставлен на изданиях, поступивших из личных библиотек В.А. Жуковского, Н.М. Якубовича, И.Т. Глебова, а также на книгах из Цензурного комитета, специально отобранных В.М. Флоринским в 1883 г.[360] Следовательно, есть все основания утверждать, что в фондах НБ ТГУ сегодня находится 3 681 книжный экземпляр, ранее принадлежавший ученому.

Документы из архива В.М. Флоринского дают возможность восстановить в некоторой степени этапы его дарений.

В частности, из «Реестра грузов полученных в Томске…» мы узнаем, что еще будучи в Казани, он дважды отправлял университету партии книг: в 1882 г. – «три ящика книг (коллекция учебников и моих книг пожертвованных Сиб[ирскому] унив[ерситету])», в 1884 г. – «четыре ящика книг В.М. Флоринского»[361].

В личных бумагах В.М. Флоринского сохранилась черновая опись содержимого этих четырех ящиков. В ней в алфавитном порядке представлены 650 книг на немецком, латинском и русском языках и их распределение: в первый, третий и четвертый ящики помещены труды по медицине, во второй – периодические издания и работы по естественнонаучным дисциплинам. Видимо, уже после составления списка Флоринский по каким-то причинам решил оставить 11 изданий у себя и отметил их особым способом – записью «оставил дома»[362].

Названия изданий приведены в документе в сокращенном виде, причем некоторые из них записаны В.М. Флоринским в русском переводе. Например, запись «Гайденгай. Физиол[огическое] исследов[ание]» указывает на издание Heidenhain R. Physiologische Studien (Berlin, 1856), а «Вирхов. Собрание сочинений» – на Virchow R. Gesammelte Abhandlungen zur wissenschaftlichen Medicin (Berlin, 1862). Отсутствие в таких записях информации о месте и годе издания существенно осложняет атрибуцию находившихся в этих ящиках книг.

---

[360] ОРКП НБ ТГУ. № 30255, 30462, 30759, 30886, 30900, 30965, 31160, 31200, 31369, 31454, 31494, 31655, 31754, 31993.

[361] Реестр грузов полученных в Томске для учебных пособий и принадлежностей Сибирского университета // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/822. Л. 493–497.

[362] Алфавитный указатель книг, пожертвованных Флоринским в библиотеку Томского университету // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/738. 31 л.

Не менее проблематичной является реконструкция состава его «книжного дара» 1885 г. Сам В.М. Флоринский отмечал, что передал Томскому университету «медицинскую библиотеку, с включением значительного числа сочинений и по другим литературным отделам» в 1885 г., после вступления им в должность попечителя Западно-Сибирского учебного округа[363].

Вместе с тем даже в усеченном виде информация о составе личной библиотеки В.М. Флоринского способна помочь при реконструкции его читательских интересов, поскольку она может быть дополнена сведениями других исторических источников.

Во-первых, это счета 1876–1896 гг. из книжных магазинов и переплетных заведений Санкт-Петербурга, Казани и Томска[364]; во-вторых, дневниковые и финансовые заметки ученого, в которых имеются короткие сведения о приобретении того или иного издания[365]. Например, в них упомянуты «Сказки об Иосифе Прекрасном», «Тизенгаузен. Сборник материалов, Золотой Орды. Т. 1.», «Алексеевич. Поездка в Канаду», «Русско-китайский словарь».

Большое значение для изучения личного собрания имеют *владельческие записи* В.М. Флоринского на книгах и рукописях с указанием места и года их приобретения[366]. При этом особо примечательна совокупность всех указанных данных, поскольку владельческие записи не только доказывают сам факт принадлежности отдельной книги, но и раскрывают детали истории ее приобретения. Автографы В.М. Флоринского помимо прямой информации дают и косвенную. Например, позволяют установить читательские предпочтения ученого в конкретный исторический период или составить представление о репертуаре книжного рынка Западной Европы.

---

[363] [Флоринский В.М.] Предисловие // Каталог главной библиотеки Императорского Томского университета : [в 3 т.]. Томск, 1889. Т. 1. С. V.

[364] Всего в архиве ученого было обнаружено 33 счета. См.: Книжные счета // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/273. Л. 1–9, 11–25, 29, 31, 85–92.

[365] Книга для записей семейных расходов 1865 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/113. 113 л.; Книга для записей семейных расходов 1867–1871 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113. 174 л.; Книга для записей семейных расходов 1871–1875 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113. 153 л.; Книга для записей семейных расходов 1876–1879 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113. 108 л.; Книга для записей семейных расходов 1879–1883 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113. 86 л.; Книга для записей семейных расходов 1884–1888 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113. 92 л.; Книга для записей семейных расходов 1892–1891 гг. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/113. 45 л.

[366] В некоторых рукописях обнаружены вкладные листы, на которых В.М. Флоринский отразил информацию об истории приобретения того или иного фолианта и дал им археографическую и палеографическую характеристику. См.: ОРРК НБ КФУ. № 4694, 4697, 4710.

В фондах библиотек ТГУ и КФУ выявлена 21 владельческая запись о времени и месте приобретения издания. Эти записи показывают, что 10 книг были приобретены В.М. Флоринским за границей, остальные – на территории России (в Казани, Томске, Санкт-Петербурге и Москве)[367].

Эволюция читательских вкусов и приоритетов, мотивы собирательства и способы комплектования книжного собрания лучше всего прослеживаются в мемуарном наследии ученого. К примеру, из него мы узнаем, что под руководством отца он уже в 6–7 лет научился читать книги, напечатанные церковно-славянским и гражданским шрифтом. Обучение грамоте началось со «словесного изучения» славянской азбуки, Часослова и Псалтири.

Благодаря лубочным сказкам у него появился «сознательный» интерес к чтению. Стоит отметить, что к первой трети XIX в. этот вид литературы четко отделялся от «высокого», «настоящего» жанра русской словесности, предназначенного для элитарного потребителя. Лубочная литература имела свой сложившийся круг авторов, издателей и даже устойчивую сеть распространения, состоявшую из бродячих торговцев-офень, развозивших издания по деревням и небольшим провинциальным городам[368]. В.М. Флоринский писал по этому поводу: «Их [лубочные сказки] приносили к нам в село коробейники (офени) и продавали по доступной цене 10–15 к. за штуку. Этих сказок у нас накопилась целая коллекция. Тут были и Бова Королевич, и Еруслан Лазаревич, и Добрыня Никитич… Их язык, близкий к церковно-славянскому, героические сюжеты и неизбежные картинки, занимавшие верхнюю половину страницы каждой тетради… придавали этим сказкам большой интерес. Они сильно действовали на воображение и уносили читателя»[369]. В его книжном собрании отложилось несколько лубочных изданий, приобретенных в Петербурге[370]. Не исключено, что именно эти детские

[367] ОРКП НБ ТГУ. № 30024, 30025, 30065, 30202, 30658, 30685, 30877, 30946; НБ КФУ. № А.146037, 146119, 146126, Р.146129, Р.146135, А.146401, А.146402, 146403, 146404, А.146408, 146479, Р.149743.

[368] Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 358–359.

[369] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 8 об.

[370] «История о Иосифе прекрасном», «История о походе великого князя Дмитрия Иоанновича Донского против Мамая, его же Божьею помощью на Куликовом поле до конца победища», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Песнь о вещем Олеге».

впечатления послужили толчком и для коллекционирования лубочных картинок, предназначенных для взрослых.

Уже к 10–11 годам он знал наизусть многие известные сказки П.П. Ершова и А.С. Пушкина. Свои знания в церковно-славянском В.М. Флоринский охотно применял на практике, читая вслух житийные произведения односельчанам. Ему нравилась подобная нравоучительная литература, поскольку в жизни монахов-подвижников он ощущал «нечто высокое» и «таинственное»: «Все читанное понималось с буквальной точностью, не столько умом, сколько сердцем. Этими чтениями, примерами семьи и всех окружающих прочно укоренялось религиозное чувство, с малолетства входившее, можно сказать, в плоть и кровь»[371].

В Пермской семинарии (1848–1853) у В.М. Флоринского сформировался «вызывающий уважение» образ учености, связанный с человеком библиографических знаний, чье рабочее место было «завалено книгами и рукописями». Описывая семинарскую библиотеку, он вспоминал, что «уже один вид стройных шкафов с книгами… действовал на воображение и вселял любовь к книжным сокровищам, а следовательно, и к наукам»[372].

В конце семинарского курса В.М. Флоринский свободно владел латинским, охотно читая богословские тексты на этом языке, почти не прибегая к лексикону. Появился интерес у будущего медика и к античной литературе.

Благодаря учителю по словесности А.П. Вишнякову, В.М. Флоринский познакомился с «лучшими произведениями русских авторов», особенно оценив работы Д.И. Фонвизина, Г.Р. Державина, И.Ф. Богдановича («Душенька»), А.С. Грибоедова («Горе от ума»), М.Ю. Лермонтова, И.А. Гончарова («Обыкновенная история», «Сон», «Обломов»), В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя. Он вспоминал об этих занятиях: «Эти классные часы для нас были настоящим праздником. Чтение в такой форме [когда преподаватель “мастерски” зачитывал на занятиях отобранные им произведения] не только показали нам прелести изящной литературы, но, главное, вселили любовь к ней и развили эстетическое чувство. Без всяких схоластических правил и скучных анализов содержания прочитанного мы поняли

[371] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 11.
[372] Там же. Л. 16.

самую суть русской литературы и увлеклись ею. С того времени чтение сделалось для нас потребностью»[373]. Примечательно, что понравившиеся ему произведения из-за нехватки средств В.М. Флоринский записывал в специальную тетрадь, а потом по собственной инициативе заучивал их наизусть. К сожалению, подобные документы в личном архиве ученого не сохранились.

Кроме того, В.М. Флоринский по ходу семинарского обучения развил в себе способность к поэтическому творчеству: «Я в два-три года стал в этой области на твердые ноги, выработал и вкус и слог, и мог считать себя литературно образованным»[374]. Записная книжка «Юношеских стихотворений» и другие его поэтические произведения, написанные в 1870–1890-е гг., сохранились в деловых бумагах ученого[375].

В мемуарных заметках В.М. Флоринского сообщается, что в силу родственных связей он имел возможность пользоваться библиотекой Пермского архиерейского дома. В ней хранились разные произведения, причем не только духовно-нравственного содержания. Он с особым интересом познакомился с работами Н.И. Новикова («Вивлиофика»), Н.М. Карамзина («История государства Российского»), И. Флавия («Иудейская война»), А.В. Терещенко («Быт русского народа»), И.П. Сахарова («Сказания русского народа о семейной жизни своих предков»), А.С. Норова («Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг.», «Путешествие по Святой Земле в 1835 году»), Ж.Д. Дюрвиля («Плавание на корвете «Астролябия»», «Путешествие к Южному полюсу и в Океанию»), К.Ф. Беккера («Всемирная история»), Ф.К. Лоренца («Руководство к всеобщей истории»), Платона (в переводах В.Н. Карпова), митрополита Макария («История Русской Церкви», «Православно-догматическое Богословие»), митрополита Московского Филарета («Толкование на Книгу Бытия»).

Чтение подобных произведений было для В.М. Флоринского «новым и увлекательным» опытом литературного просвещения: «Все прочитанное…

---

[373] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 16 об.

[374] Там же. Л. 17.

[375] Записная книжка 24 юношеских стихотворений. 1853–1859 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/206. 28 л.; Привет Томскому университету. Стихотворения. 1888 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/207. 2 л.; Стихотворения без названия. 1894 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/208. 2 л.; Стихи В.М. Флоринского // Там же. Ед. хр. КППи-117959/273. 132 л.

настолько расширяло горизонт моих познаний и будило мысль, что я до сих пор считаю перечисленных авторов духовными друзьями моей юности. Они заложили во мне прочные основы не только моей любознательности, но и направления или склонности к научным занятиям в определенной сфере, не имевшей ничего общего с медициной»[376].

В интеллектуальной среде с середины 1840-х гг. книга начинает постепенно уступать свое место «толстому журналу», в котором теперь печатается основная часть литературных и публицистических произведений. Современники В.М. Флоринского писали по этому поводу: «Русская беллетристика сосредоточена в журналах, в которых помещается все мало-мальски заслуживающее внимания. Отдельными изданиями выходят или вещи, уже печатавшиеся в журнале, или забракованные всеми повременными изданиями»; «Почти ничего и не читается у нас кроме газет и журналов, книги у нас не в ходу. Мы знакомимся с их содержанием, ценим их достоинство по журнальным отзывам»[377].

«Толстый журнал» в условиях неразвитости политической жизни в России, прежде всего, консолидировал и формировал общественное мнение по актуальным социально-политическим вопросам. Причем постоянное чтение выбранного издания означало для читателя отождествление себя с определенной социальной или культурной группой. Наиболее активной частью журнальной аудитории в 1840–1860-х гг. стали учащиеся высших и средних учебных заведений, которых привлекали публицистическая заостренность материалов и возможность познакомиться с альтернативными официальной позиции взглядами[378].

В.М. Флоринский в этом смысле не был исключением, в 1840–1850-х гг. он читал издания разных идеологических направлений – либеральные «Современник», «Отечественные записки», «Библиотеку для чтения» и противостоящий им консервативный «Москвитянин». Примечательно, что именно «Современник» стал для него самым «живым и увлекательным» журналом: «Современнику конца сороковых и начала пятидесятых годов я обязан лучшими сторонами своего

---

[376] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 18 об.
[377] От редакции // Русская мысль. 1885. № 1. С. 170; П. Наши журналы // Русь. 1882. № 2. С. 21.
[378] Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту… С. 40–50.

духовного развития. Каждую вновь получаемую книжку мы читали с упоением от доски до доски. Выступавшие тогда на литературной сцене Достоевский, Дружинин и Тургенев были нашими кумирами, от Записок охотника пахло тогда ароматом весны»[379].

По мнению В.М. Флоринского, «новая литература», представленная на страницах «Современника», была особо востребована и даже необходима его поколению, воспитанному в «суровых порядках» 40-х гг. XIX в., поскольку подобные произведения формировали в людях гуманное начало и внушали сочувствие к «униженным и оскорбленным»: «На нас эти идеи *новые* [зачеркнуто] действовали особенно глубоко потому, что мы сами принадлежали к меньшей братии, многое видели и слышали и сами готовились стать в те же бесцветные ряды скромных маленьких тружеников»[380].

Таким образом, еще в семинарии у В.М. Флоринского сформировались определенные литературные предпочтения и «духовная потребность» к чтению. «Друзьями своей юности» он называл различные сочинения религиозно-нравственной, художественной и исторической тематики.

В начале 1860-х гг. В.М. Флоринский знакомится с широко обсуждаемыми тогда в среде учащихся университетов и гимназий запрещенными цензурой трудами А.И. Герцена («Колокол», «Былое и думы», «С того берега»): «Былое и думы прочитал я с удовольствием; статьи и корреспонденция Колокола показались мне неумеренно требовательными, придирчивыми, иногда похожими на сплетни и на злобную выдумку. Думалось, что Герцен, живя в Лондоне, смотрит на Россию с точки зрения прошлого царствования и не доверяет тому, что у нас готовится и делается в действительности»[381]. Несмотря на такое критическое отношение к творчеству публициста, в книжном собрании Флоринских есть несколько его работ[382].

Не менее скептично он относился к популярной тогда философской и социально-политической литературе, отстаивающей идеалы материалистического и

---

[379] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 19 об.
[380] Там же. Л. 19 об.
[381] Там же. Л. 46 об.
[382] Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. London, 1859. Кн. 1. 165 с.; Письмо А.И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д.К. Шедо-Ферроти. 2-е изд. Берлин, 1862. 45 с.

атеистического мировоззрения: «…мы слышали кое-что про учения Вольтера, Бюхнера, Штрауса… но нам казалось это до того кощунственным неправдоподобным, что не внушало никакого желания ближе познакомиться с запретным плодом»[383].

Информацию о литературных предпочтениях В.М. Флоринского того времени дает переписка с женой 1864–1872 гг. Еще до свадьбы в 1864 г. он активно переписывался с будущей супругой, проживавшей тогда с родителями в Новгородской области. Помимо прочего в этих письмах содержится информация о приобретенных им популярных изданиях: «Посылаю Вам последнюю книжку Современника, может быть найдете в ней, что займет Вас. Кажется, не дурно будет Щедрина… Говорят, Вы там совсем зачитались… скоро потребуется посылать Вам новый транспорт серьезных книг… с Вами… потом и говорить будет страшно, тем более что я теперь слишком специализировал свои занятия»; «Очень рад, что Вы там усердно погрузились в серьезное чтение… Ваше развитие моя гордость… пришлю Вам сочинения Помяловского, которые на днях выйдут отдельными изданиями… Дня через три выйдут также следующие книжки Современника и я Вам пришлю. А потом начнем читать: Катарфажа «О происхождении человека» и пожалуй популярную астрономию Араго, Льюиса «На берегу моря»… и много-много других хороших вещей»[384]. Примечательно, что указанная в переписке литература сохранилась в библиотеке ученого.

Таким образом, В.М. Флоринский старался отслеживать литературные бестселлеры, приобретая некоторые из них специально для супруги. В фонде НБ КФУ на данный момент нами выявлено 25 книг, принадлежавших М.Л. Флоринской, по следующим владельческим признакам: переплету с инициалами на корешке «М.Ф» или автографу «М. Флоринской». Они показывают, что в сферу ее интересов входили английские и французские авантюрно-приключенческие романы, история живописи и музыки.

---

[383] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 21 об.

[384] Письмо В.М. Флоринского – М.Л. Флоринской, 11 сентября 1864 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/904-2. 8 л.; Письмо В.М. Флоринского – М.Л. Флоринской, 17 сентября 1864 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/904-3. 4 л.; Письмо В.М. Флоринского – М.Л. Флоринской, 16 октября 1864 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/904-6. 4 л.; Письмо В.М. Флоринского – М.Л. Флоринской, 22 октября 1864 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/904-7. 4 л.

Значительную часть библиотеки В.М. Флоринского составляла *медицинская литература*. Он начал собирать ее еще в период обучения в Медико-хирургической академии (1853–1861). Сначала это был чисто профессиональный интерес, но со временем книжное собрание разрослось в соответствии с развитием научных и личных интересов владельца.

С 1854 г. у молодого медика появятся финансовые возможности не только для удовлетворения «насущных» потребностей, но и для приобретения интересующей его литературы: «С того времени я считал себя вполне обеспеченным, если не сказать настоящим крезом, так как присылаемые из дома деньги, около 100 руб. в год, составляли уже избыток… сделавшись стипендиатом военного ведомства, я жил на полном казенном иждивении, что называется, как у Христа за пазухой»[385].

Самая ранняя владельческая запись сделана 20-летним В.М. Флоринским 12 марта 1854 г. Позади сложный первый курс в Медико-хирургической академии, после которого он постепенно начинает проявлять интерес к медицинским наукам. Он покупает популярное тогда французское пособие Ж.Ф. Мальгэня «Руководство по переломам и вывихам» (Paris, 1847).

В период подготовки докторской диссертации (1859–1861), когда уже определена будущая медицинская специализация (акушерство, женские и детские болезни), В.М. Флоринский приобретает издания, необходимые для написания диссертации[386].

Заграничная командировка предоставила В.М. Флоринскому возможность приобрести актуальную медицинскую литературу. Например, согласно его владельческим записям и путевым заметкам он купил в Париже 17 работ, Берлине – 4, Лондоне – 3, по 2 книги – в Праге, Вене и Дрездене, по 1 книге – в Виттенберге, Гейдельберге (всего 32 издания).

---

[385] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 30.

[386] Дюже А.Л. Руководство к акушерству теоретическому и практическому, с изложением болезней женщины и новорожденного младенца и с кратким начертанием способа кровопускания и прививания коровьей оспы. М., 1836. 422 с.; Кораблев Г.И. Курс акушерской науки и женских болезней : [в 3 т.] М., 1841–1843. Т. 1–3; Бушю Э. Руководство к изучению детских болезней, с предварительными наставлениями о гигиене и физическом воспитании детей. СПб., 1857. 957 с.; Сканцони Ф.В. Руководство к акушерской клинике. М., 1857. 828 с.; Китер А.А. Руководство к изучению акушерской науки : [в 2 ч.]. СПб., 1857. Ч. 1, 2; Кивиш Ф.А. Руководство к частной патологии и терапии женских болезней : [в 3 ч.]. СПб., 1857–1858. Т. 1–3; Гюнтер Ф.А. Женские болезни и их лечение по правилам гомеопатии с прибавлением календаря беременности. М., 1859. 389 с. и др.

В.М. Флоринский отмечал в путевом дневнике, что тратил основную часть своего времени в Европе на «знакомство с новейшей медицинской литературой» (по 5–6 часов в день)[387]. Он не только приобретал необходимые издания, но и посещал платные библиотеки. Результаты его работы представлены в критических обзорах европейской акушерско-гинекологической литературы, изданных в период 1863–1865 гг.[388]

Состав книг, привезенных В.М. Флоринским из Европы, свидетельствует, что он с особым интересом отнесся к работам французской акушерско-гинекологической школы XVII–XIX вв. Он пополнил свою библиотеку трудами Ж. Астюка, Ж. Менара, А. Левре, Ф.А. Деяерна, Ж.-Л. Бодлока, Ж.-Ф. Сакомба, П.А. Дюбуа, Ж. Капюрона, Ж.И. Пауля.

Необходимо уточнить, что В.М. Флоринский предпочитал приобретать французские переводы фундаментальных европейских медицинских сочинений. Например, известный труд голландского врача Хендрика ван Девентера «Новый свет» (Paris, 1754), в том числе переведенный на немецкий (1704) и английский (1716) языки, и пособие по акушерству (Paris, 1754) шотландского ученого Уильяма Смелли (1697–1793) – основоположника современного акушерства как самостоятельного раздела медицины.

Можно предположить, что в этой поездке В.М. Флоринским было куплено гораздо больше книг: не все издания медик отмечал в путевых заметках и не всегда оставлял на них владельческие маргиналии о месте и дате покупки. К примеру, владельческая запись («Florinsky») была оставлена не на всех книгах. На трех изданиях, приобретенных в Берлине и Праге, нами обнаружен, по всей видимости, первый владельческий знак ученого – овальный штамп конгревного тиснения с надписью «Dr. Guillaume Florinsky»[389].

---

[387] Дневник заграничного путешествия… Л. 47 об.

[388] Обзор трудов [на немецком, французском, английском, латинском языках] по части акушерства и женских болезней за 1861 и 1862 гг. // ВМЖ. 1863. Авг. С. 171–248; Сент. С. 37–62; Реферат [иностранной медицинской литературы на немецком, французском, английском, латинском языках] по части патологии и терапии женских болезней за 1861 и 1862 гг. // Там же. Окт. С. 197–219; Дек. С. 341–370; Обзор трудов [на немецком, французском, английском, латинском языках] части акушерства и женских болезней за 1863 и 1864 гг. // ВМЖ. 1865. Окт. С. 23–58; Нояб. С. 59–102; Дек. С. 103–139.

[389] В.М. Флоринский предпочел отказаться от близкого немецкого обозначения своего имени «Wilheum», отдав предпочтение французскому аналогу – «Guillaume».

Еще на рубеже XVIII–XIX вв. в медицине наметились революционные изменения, повлиявшие на ее дальнейшее развитие. Медицинская наука второй половины XIX в. уже строилась на принципах естествознания, последовательно получив две «парадигмальных прививки» от химии и биологии.

В.М. Флоринский старался отслеживать новейшие европейские исследования, прежде всего с помощью отечественной и зарубежной медицинской периодики. В его книжном собрании отложились труды лидирующей в Европе физико-химической школы – физиологов К.Г. Леманна, Э. Дюбуа-Реймона, Э. Брюкке, Г. Гельмгольца. Эти исследователи пытались описать процессы жизнедеятельности, опираясь исключительно на законы физики и химии. Благодаря их работам сложилась комплексная исследовательская программа, формулирующая единство человеческого организма и окружающей среды не на принципах витального и макромеханического, как утверждалось ранее, а на уровне вещественно-энергетического взаимодействия[390].

Кроме того, в библиотеке В.М. Флоринского присутствовали труды И. Шлейдена, Т. Шванна, Р. Ремака и Р. Вирхова – ученых, которые транслировали из биологии в медицину клеточную теорию строения живых организмов и в целом сформулировали новые представления о клетке как о «живом индивидууме». В.М. Флоринского также интересовали революционные для того времени идеи Ч. Дарвина о причинно-следственных связях между организмом и внешней средой, несмотря на то, что эволюционная теория Дарвина тогда еще не была принята врачебным сообществом и долгое время оставалась маргинальной[391].

Помимо этого, В.М. Флоринский собирал отечественные и зарубежные медицинские издания, представляющие библиографическую редкость. Он считал, что каждому ученому необходимо обращаться к истории своего предмета, тем самым «приобретая любовь к старой литературе»: «благодаря этому [можно] отделить старое от нового и разместить накопившиеся в науке факты по тем эпохам и личностям, куда они принадлежат в силу исторической справедливости… Какой

[390] Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н. История и философия медицины. Научные революции XVII–XIX веков. М., 2017. С. 163–174.

[391] Там же. С. 225.

акушер, серьезно занимаясь наукой, не пожелает знать полной литературы своего предмета, не почувствует глубокого уважения к тем знаменитым личностям, которые двигали его науку, и в силу этого не будет заинтересован всем тем, что относится до этих личностей в пределах научного знания. Из этих побуждений люди… дорожат всяким старинным изданием… и поступают совершенно справедливо, потому что нельзя не ценить того, чему мы обязаны, как переходным ступеням, настоящими нашими научными силами»[392].

Среди раритетных изданий в составе его библиотеки находились медицинские трактаты Гиппократа «Magni Hippocratis medicorum omnium facile principis» (Francofurti, 1596), П. Байро «Petri Bayri Taurinensis de medeci de medendis humani» (Lugduni, 1578), К. Вольфа «Gynaeciorum hoc est de mulierum tum aliis» (Basilea, 1566). Кроме того, В.М. Флоринский приобрел первые специализированные акушерские труды португальского врача Р. Кастро и голландского анатома Р. Граафа, а также ставшие к тому времени книжной редкостью издания европейских естествоиспытателей XVI–XVII вв. – Парацельса, Л. Ривьера, Ф. Сильвия, А. Левенгука, Ф. Мориса[393].

С особым интересом В.М. Флоринский относился к старинным русским медицинским рукописям. Так, к 1878 г. в его распоряжении находилось «около 15 таких рукописей». Ученый разделил их на три категории по хронологическому принципу: рукописи-травники, составленные до XVI в.; лечебники XVI–XVII вв.; лечебники и другие медицинские рукописи XVIII в.[394]

По его мнению, первые тексты медицинского характера появились в Древней Руси благодаря греческим монахам: «они должны были пользоваться греческими и латинскими медицинскими сочинениями и, очень вероятно, делали из них извлечения или перевод на русский язык, распространяя таким образом

---

[392] Флоринский В.М. Курс акушерства и женских болезней (гинекология). СПб., 1869. Т. 1, вып. 1. С. VII, 2.

[393] Paracelsus. Opera omnia medico-chemico-chirurgica, tribus voluminibus comprehensa. Genevae, 1658; Castro R. De universa muliebrium morborum medicina. Novo et antehac a nemine tentato ordine opus absolutis simum… Hamburgi, 1662; Graaf R. De mulierum organis generationi inservientibus tractatus novus… Lugduni, 1662; Riverius L. Lazari Riverii Opera omnia… Francofurti, 1674; Riverius L. Praxeos medicae cum theoria, tomus II secundus cui accessit index rerum amplissimus. Lugduni, 1674; Frans de Le Boë. Francisci Deleboe Sylvii Opera medica tam hactenus inedita… Amstelodami, 1679; Leeuwenhoek A. Ontdekkingen en ontledingen van sout-figuren van verscheyden souten. Leyden, 1685; Mauriceau F. Traitem des maladies des femmes grosses, et de celles qui sont accouchemes… Paris, 1694.

[394] Протокол 5-го очередного заседания общества врачей при Императорском Казанском университете, 30 апреля 1878 года // ИУЗКУ. 1878. Т. 45, № 3. С. 405–406.

медицинские познания не только словом и примером, но и в письменной форме». Русские лечебники XVII–XVIII вв. уже имели полную научно-систематическую форму, скомпилированную из европейских медицинских трактатов. В особую категорию он выделяет травники: «в них много чудесного, масса предрассудков, но мало точного знания… эти сочинения имеют немаловажное значение если не в медицинском, то в этнографическом отношении»[395].

Более того, В.М. Флоринский обосновал научную значимость изучения подобных текстов. Во-первых, он предлагал рассматривать их как лингвистические памятники своего времени: «В них можно встретить весьма много чисто народных, медицинских терминов, теперь несправедливо забытых под влиянием иностранной терминологии; по рукописным лечебникам можно восстановить значение многих выражений, встречающихся в других исторических памятниках, понимание которых без этого могло бы быть затруднено». Во-вторых, эти рукописи, с его точки зрения, являются важными источниками по истории всей русской медицины. Наконец, содержащиеся в них сведения и наблюдения можно использовать в современной народной медицине: «Средства, рекомендуемые в них, отличаются общедоступностью, простой и отсутствием сильно действующих веществ. Некоторые из них… могут считаться очень действительными, следовательно, могут быть рекомендованы народу даже в настоящее время, как более простые и дешевые»[396].

В монографии «Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия» В.М. Флоринский дает описания шести рукописей: «Травник начала XVIII в.»; «Зелейник конца XVII – начала XVIII вв.»; «Прохладный ветроград»; «Реестр дохтурских наук, преосвященного Афанасия архиепископа Холмогорского и Важеского 1696 г.»; «Художество врачебное действительное XVIII в.»; «Реестр лекарств и многих иных вещей в травнике господина Симона Сирениуса 1764 г.». В собрании ученого нами обнаружено только три из них[397].

---

[395] Протокол 5-го очередного заседания общества врачей… С. 406.

[396] Флоринский В.М. Русские простонародные травники и лечебники : собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. Казань, 1879. С. XV–XVII.

[397] Списки «Травника», «Зелейника» и «Реестра дохтурских наук», последний из которых, как отмечает В.М. Флоринский, принадлежал библиотеке Соловецкого монастыря.

В.М. Флоринскому принадлежала достаточно большая коллекция печатных народных лечебников XVIII–XIX вв. Так, в монографии «Домашняя медицина» (Казань, 1880) он приводит список 67 лечебников, имеющихся у него «под рукой»[398]. В библиотеке В.М. Флоринского удалось обнаружить только 25 из указанных им изданий. Среди них – работы Д. Тиссо, В. Бухана, Х. Пекена, Л.Б. Гитона де Морво, И.П. Франка, О.К. Каменецкого, Ф.М. Лоевского, П.П. Сумарокова, Е.О. Мухина, П.Н. Енгалычева, И.Г Кашинского, К. Бриль-Крамера, Е.Н. Смельского, К.Э. Бока, В.В. Дерикера, А.И. Жижиленко.

Художественная и публицистическая литература в книжном собрании Флоринских весьма разнообразна по своему содержанию. Так, произведения античной словесности представлены поэмами Гомера (Odysseae rhapsodiae sex, quibus Ulyssis errorum narratio absolvitur. Mosquae, 1830; Ilias. Stuttgart und Tubingen, 1839; Илиада. СПб., 1861), Вергилия (Седьмая книга Энеиды Вергилия. Казань, 1890), В. Флакка (Оды. СПб., 1856), Т. Tacco (Jemrusalem demlivreme. Lille, 1784), баснями Эзопа (Les Fables d'Esope. Paris, 1659) и драматургическими произведениями Софокла (Антигона. СПб., 1893), Эсхила (Семь против Фив. М., 1887; Прикованный Прометей. М., 1888), Еврипида (Гипполит. СПб., 1889; Ифигения в Авлиде. СПб., 1889; Ифигения в Тавриде. СПб., 1890; Ион. СПб., 1891), Плавта (Эпидик [без выходных данных]) и Теренция (Comoediae sex. Lipsiae, 1830–1831. T. 1–6).

Собрание литературы русского классицизма включало сочинения В. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, Г.Р. Державина, И.Ф. Богдановича, Д.И. Фонвизина, И.И. Хемницера, В.А. Капниста, Н.П. Николева. Сам В.М. Флоринский проявлял большой интерес к творчеству писателей-романтиков – В.А. Жуковского, А.А. Бестужева, Д.В. Веневитинова, М.Ю. Лермонтова.

В.М. Флоринский собирал труды не только популярных литераторов-современников (например, А.К. Толстого, С.Т. Аксакова, И.С. Гончарова, И.С. Тургенева, А.Ф. Писемского, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, А.Н. Майкова, Д.В. Григоровича, А.В. Дружинина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Н.Г. Помяловского, В.М. Гаршина и др.), но и мало кому тогда известных или

[398] Флоринский В.М. Домашняя медицина: лечебник для народного употребления. Казань, 1880. С. 17–23.

только начинающих молодых авторов (М. Горького, В.В. Вересаева, И.А. Бунина, А.И. Куприна).

Особое внимание он обращал на сочинения, посвященные актуальным социально-политическим проблемам своего времени. Среди таких изданий укажем очерк «Тарантас» В.А. Соллогуба (СПб., 1845), где автор иронически описывает только зарождавшуюся тогда идеологическую борьбу славянофилов и западников; антинигилистический роман В.П. Клюшникова «Марево» (М., 1865), отстаивающий незыблемость имперских идеалов. Учитывая политические взгляды Флоринского, вполне логичным выглядит присутствие собраний сочинений славянофилов и почвенников – А.А. Григорьева, И.С. Аксакова, А.С. Хомякова и Ю.Ф. Самарина.

При этом подчеркнем наличие в книжном собрании ученого нелегальной литературы XIX в. (издательский конволют «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и «О повреждении нравов в России» М.М. Щербатова (Лондон, 1858)), а также работ Н.Г. Чернышевского (Сочинения. Женева, 1868. Т. 1) и Д. Флетчера (О государстве русском. М., 1848).

Несомненный интерес представляют пять рукописей литературного содержания[399]. Сам В.М. Флоринский высоко ценил сборник второй половины XVIII в., приобретенный им в Семипалатинске в 1886 г. В нем собраны поэтические произведения как известных (М.Н. Херасков, А.П. Сумароков, И.Ф. Богданович), так и малоизвестных (А.О. Абселемов, А.А. Ржевский, В.Д. Санковский, А.А. Нартов) авторов. По предположению ученого, рукопись была написана сибирским чиновником или ссыльным, отслеживавшим литературные новинки и хорошо владевшим латинским языком[400].

Значительная часть изданий в книжном собрании В.М. Флоринского была посвящена *исторической* тематике. Историко-филологическая наука, тесно связанная с художественной литературой и философией, являлась важной составляющей интеллектуальной жизни ученого сообщества второй половины XIX в. Его представители видели в накоплении позитивного знания единственный путь к уточнению и конкретизации обстоятельств возникновения и развития исторической

[399] НБ КФУ. № 4697, 4700, 4705, 4718, 4724, 4735.
[400] Там же. № 4697.

картины мира. Национальная культура представлялась многим исследователям сложным явлением, гармонично сочетающим в себе языковые средства, фольклор и мифологию. Как справедливо отмечал Л.М. Лотман, «одни и те же ученые посвящали свои труды вопросам языка, истории литературы и этнографии. Они изучали и публиковали памятники древнерусской литературы – и создавали монографии о крупнейших писателях, анализировали художественные особенности фольклорных произведений – и тайны мастерства писателей-романтиков и реалистов, характеризовали идейные движения целых эпох»[401].

Особый интерес В.М. Флоринский проявил к славянской истории. Подобное увлечение, как сам он полагал, появилось у него в середине 1860-х гг. в ходе знакомства с археологическими памятниками южной России. С тех пор В.М. Флоринский «ревностно» изучал всю историческую литературу по интересующей его теме: «В путешествиях Палласа, Лепехина, Гмелина, в сочинениях Ашиха, Спасского, графа Уварова и в трудах Одесского и Петербургского археологических обществ я нашел столько любопытных и вызывающих на размышления фактов, что невольно увлекся этим предметом, не переставая интересоваться им до последнего времени»[402]. В книжном собрании сохранились указанные им труды, и на многих из них оставлены многочисленные маргиналии владельца.

Прошлое России В.М. Флоринский тесно связывал с историей всех славянских народов. Так, он всецело разделял «славянскую идею» Ю. Крижанича, изложенную в его трудах, самый известный из которых «Политика»[403]. Хорватский историк второй половины XVII в. считал, что залог будущего политического и культурного возрождения славянства заключается в его единстве, и выступал за создание «общеславянского языка» и «общеславянской истории»[404].

Ученый старался приобретать все новейшие издания в области славяноведения, осваивая новые для него междисциплинарные научные дисциплины, такие как палеография, археография, текстология. В его книжном собрании

---

[401] Лотман Л.М. Русская историко-филологическая наука и художественная литература второй половины XIX в. // Русская литература. 1996. № 1. С. 20–21.

[402] Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам… Ч. 1. С. II.

[403] Общепринятое название сборника трудов, составленного Ю. Крижаничем в 1663–1666 гг. В библиотеке Флоринских хранилась также его монография «Русское государство в половине XVII века (М., 1859–1860. Т. 1–2).

[404] Гольдберг А.Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // ТОДРЛ. М., Л., 1963. Т. XIX. С. 373–390.

имелись работы П.Й. Шафарика, Ю.И. Венелина, О.М. Бодянского, П.Н. Батюшкова, Я.К. Грота, И.И. Срезневского, А.А. Куника, С.А. Гедеонова, Н.И. Костомарова, М.Н. Каткова, П.С. Билярского, И.Е. Забелина, Д.И. Прозоровского, М.С. Соловьева, Н.А. Вышнеградского, Ю.Г. Иверсена, В.И. Сергеевича, Н.П. Авенариуса, Н.Я. Аристова, В.С. Иконникова, А.С. Будиловича, Д.Я. Самоквасова и др.

С особым интересом В.М. Флоринский изучал труды по лингвистике и археологии, поскольку в его понимании именно эти научные дисциплины способны не только осветить многие вопросы дописьменной истории человечества, но и раскрыть особенности древнерусской культуры: «Национальным, несокрушимым и не иссякающим складом для [житейских форм, привычек и технических производств] служат язык и археологические или исторические памятники, коими определяется и самая народность, и ее племенное происхождение. В лексическом составе языка мы найдем живой отпечаток всех культурных понятий, пережитых народом с колыбели его самосознания; в вещественных и исторических памятниках увидим степень устойчивости усвоенных национальных элементов»[405].

Поэтому естественен интерес к В.М. Флоринского к фольклорным материалам – пословицам, поговоркам, песням и обрядам, поскольку в них, по его мнению, скрыты неизменные следы «национального творчества»: «привычки, вкусы, наклонности и верования», которые передаются из поколения в поколение и соблюдаются народом как непреходящие «святыни». Так, ученый приобрел словарь М. Чулкова «Абевега русских суеверий, идолопоклонничества, жертвоприношений, свадебных, простонародных обрядов, колдовства, шаманства и прочего» (М., 1786), содержащий описание религиозных и бытовых обрядов разных народов Российской империи. В.М. Флоринский также собирал все научные издания русского фольклора, публиковавшиеся с 1840-х гг.[406]

---

[405] Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам… Ч. 2, вып. 1–2. С. 495.

[406] Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды : в 4 вып. М., 1837–1839. Вып. 1–4; Касторский М.И. Начертание славянской мифологии, составленное, для получения степени доктора философии, Михаилом Касторским, адъюнктом Императорского Санктпетербургского университета по Кафедре всеобщей истории, славянских древностей и литературы. СПб., 1841. 183 с.; Сахаров И.П. Сказания русского народа : [в 2 т.]. СПб., 1844–1849. Т. 1, 2; Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. 505 с.; Бессонов П.А. Калики перехожие. Сборник стихов и исследований. М., 1851. 846 с.; Русские пословицы и поговорки собранные и объясненные Ф. Буслаевым : [в 2 ч.]. М., 1858. Ч. 1, 2; Вельтман А.Ф. Аттила и Русь IV и V века: свод исторических и народных преданий. М., 1858. 219 с.; Рыбников П.Н. Народные былины старины и побывальщины : [в 2 ч.]. М., 1861–1862. Ч. 1, 2; Сказания о князьях и царях земли русской. СПб., 1861. 16 с.; Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 1863. Вып. 1–2. 396 с.

Обобщающая картина отечественной истории у В.М. Флоринского сложилась под влиянием следующих фундаментальных исторических работ XVIII–XIX вв.: «Ядро Российской истории» А.И. Манкеева (рукопись, первая половина XVIII в.); «Древняя российская история» (СПб., 1766) и «Краткий российский летописец с родословием» М.В. Ломоносова (СПб., 1760); «О древней и новой России» (рукопись, 40–50-х гг. XIX в.); «История государства российского» Н.М. Карамзина (СПб., 1818–1819, 1821, 1824. Т. 1–9, 11); «История русского народа» Н.А. Полевого (М., 1829–1833. Т. 1–6); «Русская история» Н.Г. Устрялова (СПб., 1845. Ч. 1), «Исследования, замечания и лекции о русской истории» М.П. Погодина (М., 1848. Т. 1–4); «История России» Д.И. Иловайского (М., 1876, 1884, 1890. Ч. 1–3). Кроме того, В.М. Флоринский проявил интерес к сочинениям, посвященным отдельным эпизодам военной российской истории[407] и периодам царствования Петра I, Екатерины II, Александра I, Александра II[408].

Важное место в библиотеке занимали издания «первоисточников» XI–XII вв. – Радзивилловская, или Кенигсбергская (Библиотека российская историческая… СПб., 1767. Ч. 1), Никоновская (Древнего летописца часть первая… СПб., 1774. Ч. 1) летописи; «Древняя российская вивлиофика» Н.И. Новикова (М., 1788. Ч. 3); «Летописец Новгородский» (М., 1781); «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел» (СПб., 1813–1828. Ч. 1–5); «Летописи древнего славяно-русского княжеского города Изборска» (Отечественные записки. М., 1825. № 61); «Летописец Переяславля Суздальского» (М., 1851), а также многочисленные погодные и актовые материалы, издаваемые Археографической комиссией[409].

Среди законодательных памятников XVII–XVIII вв. особо отметим «Соборное уложение» Алексея Михайловича (СПб., 1737), «Регламент Камер-коллегии» Анны

---

[407] Писарев А.А. Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим : [в 2 ч.]. М., 1817. Т. 1, 2; Лажечников И. Походные записки русского офицера. 2-е изд. М., 1836. 286 с.; Вяземский П.А. Поминки по Бородинской битве : [стихотворения] и воспоминания о 1812 годе. М., 1869. 60 с.

[408] Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. Leipzig, 1761. 376 p.; Голиков И.И. Деяния Петра Великого : в 15 т. М., 1837–1843. Т. 1–15; Сидоров М.К. Картины из деяния Петра Великого на Севере. СПб., 1872. 230 с.; Соколовский И.В. Петр Великий как воспитатель и учитель народа. Казань, 1873. 148 с.

[409] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. СПб., 1836. Т. 2–4; Акты исторические. СПб., 1841–1842. Т. 1–5; Дополнения к Актам историческим. СПб., 1867–1875. Т. 9–12; Новгородские писцовые книги. СПб., 1868. Т. 3; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1869–1882. Т. 6, 7, 9–12; Летопись по Ипатскому списку. СПб, 1871. [4], IX, 616, 33, 28, 12, [1] с.; Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. XIV, 512, 65 с. и др.

Иоанновны (М., 1731), «Уставную грамоту» Александра I (Варшава, 1831) и целую серию актов, относящихся к периоду правления Петра I и Екатерины II: «Указы с 1714 по 1725 гг.» (СПб., 1739; 1780), «Генеральный регламент» (СПб., 1735), «Устав воинский морской» (СПб., 1746; 1780), «Устав воинский» (СПб., 1780), «Регламент о управлении Адмиралтейства и Верфи» (СПб., 1780), «Духовный регламент» (М., 1861), «Наказ» (СПб., 1768), «Учреждения для управления губерний» (СПб., 1780), «Устав купеческого водоходства» (СПб., 1781), «Устав благочиния или полицейский» (СПб., 1782. Ч. 1).

Помимо того, В.М. Флоринский собрал достаточно большую коллекцию иностранных сочинений (главным образом на французском и немецком языках), посвященных разным вопросам отечественной истории. Среди них – «Записки о Московской войне» Р. Гейденштейна (Gorlitz, 1590), «Жизнь Иоанна Васильевича, великого князя Московии» П. Одербона (Goerlitz, 1596), «История о Великом княжестве Московском» П. Петрея (Lipsiae, 1620), «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского» Ж. Маржерета (Paris, 1669), «Настоящее состояние России» Д. Перри (Compagnie, 1717), «История жизни московских царей» М. Вильегаса (Madrid, 1736), «Описание всех в Российской империи обитающих народов» И.И. Георги (St. Petersbourg, 1776), «История кампаний графа Александра Суворова Рымникского» А.Ф. Антинга (Londres, 1799. Т. 1–2), «Жизнь Екатерины II, Императрицы русской» Ж. Кастера (Paris, 1797), а также работы, посвященные истории российской торговли Марбо (Amsterdam, 1777) и И.Б. Шерера (Paris, 1788) и др.

Заслуживает отдельного упоминания французское издание сочинения Н.А. Жеребцова «Опыт истории цивилизации в России» (Paris, 1858), по всей видимости, неслучайно заключенное в особый владельческий переплет с инициалами на корешке «В.Ф.». Видимо, этот труд, приобретенный в 1862 г. в Париже, символически напоминал В.М. Флоринскому время, проведенное в этом городе.

Особое место в библиотеке ученого занимают сочинения античных и византийских авторов, с которыми он активно работал в период написания монографии «Первобытные славяне» (1879–1894). Это труды Геродота,

Аполлодора Афинского, Страбона, Плутарха, Саллюстия, Флавия Арриана, Корнелия Непота, Тита Ливия, Корнелия Тацита и др. Рабочие материалы с выписками из сочинений указанных авторов сохранились в его архиве[410].

У В.М. Флоринского имелись исследования историков, посвященные разным сюжетам всеобщей истории, в особенности – античного периода: «Скифская история» А.И. Лызлова (М., 1787), «Исследования о сарматах» (Varsovie, 1789) и «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах» Я. Потоцкого (Brunsvic, 1795), «Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века» С.В. Ешевского (М, 1855), «Римская история» Т. Моммсена (М., 1861. Ч. 1.), «О скифском народе Сакар» В.В. Григорьева (СПб., 1871), «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» В.И. Ламанского, «История воин римлян с персами» Г.С. Дестуниса (СПб., 1876. Т. 1). С особым трепетом, судя по воспоминаниям и рабочим записям их владельца, он искал в этих трудах намеки на возможное «преобладающее участие славянского племени» в создании античной культуры[411].

Среди обобщающих трудов по всеобщей истории укажем работы Ф. Ансильона (Изображение переворотов в политической системе европейских государств, с исхода пятнадцатого столетия. СПб., 1838. Т. 1), К.Ф. Беккера (Всеобщая история. СПб., 1843, 1845–1846. Ч. 1, 3–6), Ф.Х. Шлоссера (Weltgeschichte für das deutsche Volk. Frankfurt am Mayn, 1857–1858. Т. 13, 18–19), Г.Т. Бокля (История цивилизации в Англии. СПб., 1863. Т. 1), Д. Леббока (Начало цивилизации и первобытное состояние человека. СПб., 1871).

Большой интерес В.М. Флоринского вызывали исследования и мемуары, посвященные Великой Французской революции – традиционно популярной теме в русской литературно-общественной мысли всего XIX столетия. Сюда входили воспоминания астронома и члена Парижской Академии наук Ж.С. Байи, маркиза

---

[410] О доисторической жизни Сибири // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/123. 28 л.; Записки и выписки по археологии // Там же. Ед. хр. КППи-117959/126. 164 л.; Выписки по археологии // Там же. Ед. хр. КППи-117959/145. 8 л.; Выписки по археологии // Там же. Ед. хр. КППи-117959/146. 16 л.; Выписки из Прокопия Кесарийского, Приска Понтийского, Льва Дьякона, Страбона, Юлия Цезаря // Там же. Ед. хр. КППи-117959/179. 24 л.

[411] Выписки из Я. Потоцкого // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/178. 30 л.; Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам… Ч. 1. С. X–XI.

Шарля де ла Виллета, а также исторические сочинения, где рассмотрены разные аспекты революционных событий во Франции[412].

Анализ состава библиотеки В.М. Флоринского невозможен без учета влияния, которое оказала на него университетская среда Казани 70–80-х гг. XIX в. В это время местная интеллигенция активно интересовалась историей, этнографией и археологией Поволжского края. Устроитель Сибирского университета не был исключением; например, в Казани ему удалось приобрести два редких издания – «Историю о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам» (СПб., 1791) и «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов» (СПб., 1791) Г.Ф. Миллера.

В этот же период В.М. Флоринский активно пополняет свою библиотеку трудами казанских ученых, на некоторых из них оставлены дарственные записи. В частности, в его собрании есть книги с автографами Г.Ф. Дормидонтова, И.И. Канонникова, Н.О. Ковалевского, Д.Н. Корсакова, Н.И. Котовщикова, С.И. Назаряна, Н.А. Осокина, И.Н. Смирнова, В.И. Сорокина, Н.А. Фирсова, С.М. Шпилевского.

К сфере библиографических интересов В.М. Флоринского также стоит отнести работы, посвященные Сибири. Примечательно, что граф Д.А. Толстой считал его «знатоком Сибири» и «чуть ли не сибиряком по рождению». Отчасти соглашаясь с этим утверждением, ученый отмечал: «Сибирью я, действительно, интересовался всегда и по *литературным источникам* [дописано сверху] знал ее дов[ольно] хорошо, может быть, лучше многих петербургских администраторов, имевших с ней дело по бумажным сношениям»[413].

К 1877 г. В.М. Флоринский собрал значительно количество сочинений и не планировал на этом останавливаться: «…я взял на себя труд – и до настоящего момента имел возможность приобрести их до 68 номера в 104 томах». Кроме того, он писал о планах впоследствии передать эту коллекцию Томскому университету и призывал «любителей русского просвещения» последовать его примеру[414].

---

[412] Любимов Н. Первые дни французской революции 1789 года: по неизданным запискам очевидца // Русский вестник. 1886. Т. 185. № 9. С. 94–165; Минье Ф. История французской Революции. СПб., 1866. Т. 1. 441 с.

[413] Эмбриональное состояние Томского университета… Л. 3 об.

[414] Проект предложения к пожертвователям… Л. 74.

Коллекция «Сибирика» оказалось довольно многочисленной частью библиотеки В.М. Флоринского (540 изданий). В основном в нее вошли описания путешествий. Устроитель Томского университета, как и многие другие библиофилы, высоко оценивал подобные издания, поскольку в них содержалась ценная информация по истории, этнографии, экономике, географии региона. Среди них – описания путешествий И. Гмелина, С.П. Крашенинникова, И.И. Лепёхина, Ж.Ф. Лаперуза, П.С. Палласа, Г.И. Шелихова, Г.А. Сарычева, Н.Н. Муравьева, Ф.П. Врангеля, И.Д. Булачева, А.Ф. Миддендорфа, Р.К. Маака, Н.А. Северцова, А.Э. Норденшёльда, Н.М. Пржевальского.

Кроме того, Сибири посвящены 23 работы на французском, немецком, английском и даже датском языках: «Путешествие по различным частям Европы и Азии» Ф. Авриля (Paris, 1692); «Историческое описание Российской империи» Ф.И. Страленберга (Amsterdam, 1757); «Известия и замечания о местоположении северных частей Азии и Америки» С. Энгеля (Lausanne, 1765); «Путешествия и открытия сделанные русскими вдоль берегов Ледовитого моря и Восточного океана» Г.Ф. Миллера (Amsterdam, 1766); «Путешествия через Россию» Д. Белла (Paris, 1766. Т. 1–3); «Путешествие в Сибирь» Ж. Шаппо д’Отроша (Amsterdam, 1769–1770); «Топографическое изучение Российской империи» П. Фалка (St. Petersburg, 1785–1786. Т. 1–3), «Мемуары и путешествия» М.А. Менёвского (Paris, 1791), «Сибирская история» И.Э. Фишера (Paris, [1801]) и др.

В библиотеке В.М. Флоринского отложилось много сочинений, касающихся разных периодов китайской истории и культуры. Вероятно, подобный интерес был связан с приобретением в 1847 г. рукописи Н.Н. Бантыш-Каменского «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствам с 1619 по 1792 год»[415]. Увлекшись работой и изучив все использованные автором источники, В.М. Флоринский решил ее опубликовать, предварительно снабдив издание своими комментариями и дополнениями[416].

---

[415] В фондах ОРРК НБ КФУ хранятся автограф и копия этого сочинения. См.: ОРРК НБ КФУ. № 4729, 4730.

[416] Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год : составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792–1803 г. Казань, 1882. 565 с.

Ученый считал, что «географическая смежность» Китая и Сибири обусловливает их «взаимозависимость», и со временем она будет только расти. В связи с этим необходимо знать о китайской истории как можно больше: «Мы еще слишком мало знаем эту замкнутую страну, и точки нашего соприкосновения с нею пока слишком ничтожны для того, чтобы чувствовать на себе ее влияния; но вместе с тем мы должны признать, что китайская цивилизация, самостоятельно установившаяся в течение тысячелетий, имеет в себе много не только оригинального, но и достойного подражания. В этом смысле взаимное влияние друг на друга двух обширнейших государств может впоследствии дать человечеству новую струю духовной жизни, независимо от образцов западной культуры»[417].

Многие книги, содержащие сведения о восточных и северных странах, В.М. Флоринский приобретал через рижского книгопродавца Н.Л. Киммеля. В архиве ученого частично сохранилась их переписка. В самом раннем из обнаруженных писем от 10 ноября 1880 г. Н.Л. Киммель сообщает, что отправил В.М. Флоринскому через «транспортную контору “Российское Общество”» несколько отобранных им сочинений и изъявил желание поставлять в библиотеку будущего Сибирского университета книги о северных территориях и Сибири[418]. В других письмах рижский продавец, зная тематические интересы своего клиента, предлагал приобрести ему те или иные издания[419]. В архиве ученого удалось выявить только одно письмо 1880 г. адресованное Н.Л. Киммелю. В нем В.М. Флоринский упоминает 66 иностранных изданий, которые он «охотно приобрел бы по указанной цене». Большинство из них посвящено описаниям путешествий по азиатским странам (в особенности Китаю, Монголии и Японии)[420]. Судить о

[417] Флоринский В.М. Предисловие издателя // Дипломатическое собрание дел… С. X.

[418] Письмо Н.Л. Киммеля – В.М. Флоринскому, 10 ноября 1880 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/824. 4 л.

[419] Письмо Н.Л. Киммеля – В.М. Флоринскому, 7 июля 1881 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/824. 2 л.; Письмо Н.Л. Киммеля – В.М. Флоринскому, 13 декабря 1881 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/824. 2 л.; Письмо Н.Л. Киммеля – В.М. Флоринскому, 7 апреля 1885 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/822. 1 л.; Письмо Н.Л. Киммеля – В.М. Флоринскому, 17 мая 1885 г. // Там же. Ед. хр. КППи-117959/822. 2 л.

[420] Среди них – Bernier F. Voyages, contenant la Description des Etats du Grand Mogul. Amsterdam, 1724; Cranz D. Historie von Grönland. Leipzig, 1770; Anderson A. A narrative of the British Embassy to China, in the years 1792, 1793 and 1794: containing the various circumstances of the Embassy. London, 1795; Timkovskiĭ E.F. Travels of the Russian mission through Mongolia to China, and residence in Pekin, in the years 1820–1821. London, 1827; Fortunes R. Wanderungen in China waehrend der Jahre 1843–1845, nebst dessen Reisen in die Theegegenden China's und Indiens 1848–1851. Leipzig, 1854 и др. См.: Письмо В.М. Флоринского – Н.Л. Киммелю, [март 1880 г.] [черновик] // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/880. 4 л.

выполнении подобных заказов достаточно сложно, поскольку данная информация в сохранившихся письмах не всегда присутствует. Поэтому каждое указанное в них издание необходимо сверять с другими источниками.

Несколько таких документов обнаружено в деловых бумагах ученого – это 5 счетов книжного магазина Н.Л. Киммеля, подтверждающих приобретение 11 изданий[421]. Большинство упомянутых в них сочинений опубликованы на немецком языке, что представляет собой особую ценность, поскольку опись немецких книг (222 наименования), принадлежавших В.М. Флоринскому, оказалась утеряна.

Переходя к обзору *философских* сочинений, подчеркнем, что В.М. Флоринский отводил им важную роль в своем духовно-нравственном и интеллектуальном развитии: «Не по душе мне наши медицинские науки, претендующие на положительное, реальное знание, но не удовлетворяющие самым неприхотливым требованиям философского мышления. Не могу я удовлетвориться изучениям лишь того, что вижу и осязаю; хотелось бы проникнуть в глубину вещей, в самые законы и принципы жизни, работать не одними органами чувств, а высшими способностями, данными человеку, – разумным анализом, отвлеченным философским обобщением»[422].

В библиотеке ученого находились сочинения представителей разных философский течений и школ XV–XIX вв.: стоицизма (Л.А. Сенека), эмпиризма (Ф. Бэкон, Р. Декарт), рационализма (Б. Спинозы), немецкого идеализма (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Д.М. Велланский), теизма (Г. Риттер) и позитивизма (О. Конт, Д.С. Милль, Д.Г. Льюис, Г. Спенсер, И.А. Тэн).

Значительное влияние на исторические воззрения В.М. Флоринского оказали идеи Г.В.Ф. Гегеля, Г.Т. Бокля, Г. Спенсера, К. Риттера о географическом детерминизме, историческом процессе и сосуществовании «исторических» и «неисторических» народов, стадиальном сходстве разных цивилизаций. Вследствие этого в работах ученого четко обозначены субъекты мировой истории – Запад, Восток, Европа, Азия. Он был убежден, что все важнейшие события истории

[421] Счета… Л. 11–15.
[422] Дневные записки 1881 г. … Л. 27 об.–28.

происходят на просвещенном и цивилизованном «Западе» и его антагонисте – «Востоке»

Интерес у В.М. Флоринского вызвали философско-религиозные мистические труды начала XIX в.: Ж.Ф. Дютуа-Мамбрини (Божественная философия. М., 1818–1819. Ч. 1–6), К. Эккартсгаузена (Ключ к таинствам натуры. СПб., 1804. Ч. 1–4) и А.И. Ковалькова (Мистическое творение. Орел, 1818). Так, например, в последнем произведении было сформулировано учение русских мистиков конца XVIII – начала XIX в., пытавшихся объединить идею о «вочеловечении Иисуса Христа» с последними достижениями научной мысли и веривших, что это сможет оживить «остывшую веру», придать формальным православным обрядам «истинно духовный характер»[423].

Значительную часть библиотеки Флоринских составляла *религиозная литература*. Сам ученый был верующим человеком, признающим Бога как творца мира и допускающим его участие в жизни человека и общества. В этой связи ученый неоднократно обращал внимание на негативные последствия «обмирщения» русской культуры: «Учителя и учительницы нынешнего поколения смотрят на религию, как на пустой, формальный придаток к воспитанию, не пригодный в практической жизни, не соответствующий нынешним требованиям науки. Религии стыдятся как отсталой рутины. В будущее России готовится нечто бессмысленное, беспочвенное, бессердечное, если только допустить что гнилая клевета нынешнего воспитания привьется на свято-русской почве. Но нельзя этого допустить»[424].

Набор религиозной литературы Флоринских был достаточно традиционным, он состоял из книг, прежде всего необходимых для домашней и храмовой молитвы. Вместе с тем его библиотека показывает, что и в этой сфере их владелец оставался исследователем и библиофилом. Например, об этом говорит наличие изданий Библии на латинском, немецком, французском, эстонском, финском, чешском, сербском, венгерском языках. Прекрасное знание Нового и Ветхого Заветов он не раз проявлял в своих дневниковых заметках и исследовательских работах.

---

[423] Кондаков А.Ю. Либеральное и консервативное направление в религиозных движениях в России в первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 84–101.

[424] Дневные записки 1881 г. … Л. 42.

В.М. Флоринским была собрана достаточно большая коллекция иностранных изданий религиозной тематики (преимущественно немецких): богословские трактаты (например, Gorskji F. Orthodoxae orientalis ecclesiae dogmata seu doctrina christiana de credendis. Petropoli, 1818 [Догматы православной Восточной Церкви, или Христианское учение о том, во что верить и как поступать (лат.)]), труды по истории христианской церкви (Milner J. Geschichte der Kirche Christi. Gnadau, 1819–1821. Bd. 1–2, 5 [История Церкви Христовой (нем.)]); литургическая литература (The book of common prayer, and administration of the sacraments, and other rites and ceremonies of the church. London, [1801] [Книга общих молитв и совершения таинств и других обрядов и церемоний церковных (анг.)], катехизы и проповеди (Hagberg C. Predikningar. Stockholm, 1817 [Проповеди (швед.)]). Исходя из состава этой коллекции, можно предположить, что В.М. Флоринского интересовали возможные связи между христианскими церквями. Представляется также неслучайным наличие в библиотеки ученого значительного количества сочинений о церковных расколах, ересях и сектах[425].

Отдельно стоит отметить в составе собрания В.М. Флоринского рукописные христианские тексты на церковно-славянской кириллице – литургические, исторические и вероучительные[426]. Практически все они были приобретены в Сибири (Томске, Тобольске, Тюмени, Ялуторовске) в период 1886–1881 гг.

Задолго до археографического открытия Сибири в 1960-е гг. В.М. Флоринский знал о существовании богатейших крестьянских библиотек: «Мне нередко приходилось видеть… рукописи в руках крестьян, а впоследствии, когда я пристрастился к этой старине, собирал их в Зауральских и Сибирских захолустьях». Особенно ученого привлекали старообрядческие рукописи, которые

---

[425] Журавлев А.И. Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых, старообрядцах, о их учении, делах и разногласии : [в 4 ч.]. 4-е изд. СПб., 1831. 372 с.; Руднев Н. Рассуждение о ересях и расколах, бывших в русской церкви со времени Владимира Великого до Иоана Грозного. М., 1838. [2], 292, 70, X с; Надеждин Н.И. Исследование о скопческой ереси. [СПб.,] 1845. 384 с.; Мельников П.И. Исторические очерки поповщины. М., 1864. Ч. 1. 382 с. и др.

[426] Рукописная коллекция в настоящее время в настоящее время хранится в ОРРК НБ КФУ; она включает в себя: «Сборник канонов» (конец XV – начало XVI века), «Тайная Тайных» (XVI в.), «Сборник творений отцов церкви» (вторая половина XVI в.), «Проскинитарий» Арсения Суханова (XVII в.), «Сказание о рождении Иоакима патриарха Московского» (первая половина XVIII в.), «Повесть о перенесении образа Николая чудотворца» (вторая половина XVIII в.), «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского (вторая половина XVIII в.), «Катихизис в вопросах и ответах» (1773 г.), «Книга молебных пений» (конца XVII – начало XVIII в.), Сборник церковных служб (начало XIX в.), «Сборник церковных молитв и песнопений» (начало XIX в.) и др.

он впервые увидел в Пермской архиерейской библиотеке: «По преимуществу это были книги церковного и богослужебного содержания… в черных кожаных старинных переплетах с деревянными корочками и медными застежками. Все они были писаны четким крупным уставом и невольно внушали уважение одним своим видом»[427].

Основными способами формирования библиотеки В.М. Флоринского стали покупка книг и получение их в дар. Необходимые или интересные ему экземпляры В.М. Флоринский приобретал в книжных магазинах Санкт-Петербурга (магазины А.С. Суворина, А.И. Глазунова, М.В. Вольфа, антикварная книжная торговля «Посредник»), Казани (магазин А.А. Дубровина), Томске (магазин П.И. Макушина)[428]. Свои работы ему дарили ученые, общественные деятели и публицисты.

Библиотека Флоринских, реконструированная по имущественным описям, владельческим маргиналиям и знакам, документальным свидетельствам о приобретении отдельных экземпляров и записям ученого о прочитанном, дает основания для ее оценки, во-первых, как универсальной по тематике, во-вторых, как отражающей стремление к энциклопедизму в академической среде второй половины XIX столетия. По своему количественному составу и содержанию она отличается от частных книжных собраний XVIII – первой половины XIX в. и может быть сопоставлена с крупными собраниями русских библиофилов из аристократической, научной и купеческой среды[429].

Таким образом, источниковедческая значимость всего корпуса материалов о книжной и предметных коллекциях В.М. Флоринского не исчерпывается возможностью восстановления их состава. В совокупности с анализом научных трудов ученого информация о библиотеке, принадлежавших ему произведениях искусства, антикварных и археологических артефактах дает основание для выводов относительно коллекционной деятельности ученых второй половины XIX столетия.

---

[427] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 19.

[428] Счета… Л. 1–9, 16–25, 29, 31, 85–92.

[429] Это подтверждают данные известного справочника У.Г. Иваска, дающего широкую картину развития частного библиофильства в России второй половины XIX в. См.: Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: опыт библиографического указателя [Ч. 1] // Русский библиофил. 1911. № 3. С. 55–74; № 4. С. 45–54; № 6. С. 71–85; № 8. С. 68–77; Его же. Частные библиотеки в России: опыт библиографического указателя. [Ч. 2]. СПб., 1912. 80 с.

1. В отличие от библиофильского собрания в библиотеке ученого на первый план выходит не редкость или ценность собираемых изданий, а их научная и культурно-историческая значимость. В частности, книжное собрание Флоринских отражает, прежде всего, интерес главы семьи к изданиям по медицине и истории.

2. В аналогичном ключе, видимо, следует рассматривать коллекции предметов и артефактов. Для ученых рассматриваемого периода собирательская деятельность олицетворяла возможности расширения не только собственного кругозора, но и спектра научных и социальных интересов. Так, «собирательство для себя» у В.М. Флоринского – исследователя по призванию и чиновника по роду деятельности – органично трансформировалось в размышления о научном и общественном значении музеев как институтов национальной памяти.

Следовательно, при реконструкции связи «поливидовой архив–владелец» важно установить механизмы, благодаря которым собирательство становилось источником формирования жизненных стратегий. Полагаем, что по аналогии со старообрядческими собраниями книг и икон[430] коллекции и библиотеки ученых можно рассматривать как своеобразный мегатекст – носитель системных сведений, объемы которых значительно превосходят информационный потенциал отдельных книг и предметов, поскольку их поиск, отбор и систематизацию всегда сопровождают рефлексии владельцев.

Именно по этой причине источниковедческий анализ состава коллекций русских ученых второй половины XIX столетия способен дать достаточный материал для воссоздания интеллектуального пространства науки и ее связях с общественно-просветительской деятельностью конкретных ученых.

[430] См., напр.: Поздеева И.В. Поливидовой территориальный архив Верхокамья … С. 24–35; Дутчак Е.Е. Кириллические книжные собрания… С. 75–88.

3 РАБОЧАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ И ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА В. М. ФЛОРИНСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основными источниками для решения задач данной главы являются тексты В.М. Флоринского, в которых с разной степенью полноты он изложил свое ви́дение организационной и инфраструктурной модели Томского университета:

1. Подготовительные материалы, черновые наброски и публичные выступления (Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета; Заметка по вопросу выбора места для Сибирского университета; Речь по поводу открытия Императорского томского университета)[431].

2. Университетская хозяйственно-финансовая документация из архива ученого (Реестр грузов полученных в Томске, 1879–1884 гг.; Счет Товарищества метахромотипии Ракочий, Сидорский и К° с записями В.М. Флоринского; Инвентарь имущества Сибирского университета)[432].

3. Деловая переписка В.М. Флоринского с владельцами книжных коллекций и книготорговцами.

4. Дневниковые материалы В.М. Флоринского:

– *Путевые заметки и дневные записки 1880 г. (14 мая – 3 сентября): автограф*[433]. Рукопись в 4° (22,5 х 19,0) на 48 несшитых листах, написана на бумаге со штемпелем производителя[434], имеет авторскую пагинацию[435].

---

[431] Заметка по вопросу выбора места для Сибирского университета, 1877 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КПИ-117959/173. 11 л.; Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета, 1877 г. // Там же. Ед. хр. КПИ-117959/822. Л. 72–74. Флоринский В.М. Речь по поводу открытия Императорского томского университета, произнесенная 22 июля 1888 г. // Первый университет в Сибири. Томск, 1889. С. 3–8.

[432] Инвентарь имущества Сибирского университета, 1888 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КПИ-117959/276. 12 л.; Реестр грузов полученных в г. Томске для учебных пособий и принадлежностей Сибирского университета, 1879–1884 гг. // Там же. Ед. хр. КПИ-117959/822. Л. 493–497; Счет Товарищества метахромотипии Ракочий, Сидорский и К° // Там же. Ед. хр. КПИ-117959/822. Л. 413.

[433] НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КПИ-117959/102.

[434] Здесь и далее: бумага русская машинная со штемпелем фабрики наследников купца А.С. Сумкина, Вологодская губерния, производилась в 1869 г. [См.: Клепиков С.А. Филиграни и штемпели… № 202].

[435] В НМРТ рукопись соединили с текстом воспоминаний В.М. Флоринского о поездках в Петербург в 1880 г. и поместили в папку под названием «Сибирь накануне университета». Датировка бумаги по маркировочным знакам и раздельная пагинация самого В.М. Флоринского позволяют полагать, что это соединение искусственное.

– *Дневные записки 1881 г. (20 мая – 15 августа): автограф*[436]. Рукопись в 4° (22,7 х 18,7) на 46 несшитых листах, написана на бумаге со штемпелем производителя, имеет авторскую пагинацию и авторское название «От Екатеринбурга до Томска».

– *Дневные записки за январь – март 1887 г. с выписками из научной литературы по ботанике и лингвистике*: *автограф* (конец XIX в.)[437]. Рукопись в 4° (21,0 х 18,0) на 80 листах (тетрадь: л. 1–73 – дневные записи; л. 74–80 – выписки); имеет значительные утраты текста (по авторской пагинации – л. 33–43, 130–151, 177–391).

5. Мемуары В.М. Флоринского:

– *«Эмбриональное состояние Томского университета от первого высочайшего повеления 25 апреля 1875 г. до закладки университетских зданий»: автограф* (конец XIX в.). Рукопись в 4° (22,3 х 17,8) на 36 несшитых листах, написана на бумаге со штемпелем производителя, имеет авторскую пагинацию.

Полагаем, что этот текст следует отнести к типу мемуаров «современных историй», поскольку в нем зафиксированы «общественно-значимые события для передачи их в эволюционном целом»[438].

– *Воспоминания о поездках в Петербург в октябре и декабре 1880 г.: автограф* (не ранее 1896 г.)[439]. Рукопись в 4° (22,5 х 19,0) на 5 несшитых листах, написана на бумаге со штемпелем производителя, имеет авторскую пагинацию[440].

Поскольку мемуары не датированы, установить точное время их написания не представляется возможным. Можно предположить, что воспоминания были написаны В.М. Флоринским в томский период жизни (1881–1896), когда он имел возможность после 8 часов вечера «удаляться в свою келью» и «свободно писать и думать до глубокой ночи» («вечернее писанье в тихой, уединенной келье»).

---

[436] НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/103.

[437] Там же. Ед. хр. КППи-117959/106.

[438] Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015. С. 354.

[439] НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/102. Датировка рукописи сделана на основе маркировочного знака бумаги – штемпелю фабрики наследников купца И.А. Первушина в Вятской губернии, которая производилась в 1896 г. [См.: Клепиков С.А. Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX–XX вв. Дополнение к таблице, опубликованной в 1956 г.) // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. № 107].

[440] См. сноску № 435.

Уже после смерти В.М. Флоринского путевые заметки и дневные записки 1880 г., мемуары «Эмбриональное состояние Томского университета…», «Воспоминания о поездках в Петербург…» частично и в переработанном виде были опубликованы в журнале «Русская старина» под названием «Заметки и воспоминания В.М. Флоринского». Вопрос о том, кто подготовил публикацию, пока остается открытым.

Публикация содержит подробный рассказ о периоде от 25 апреля 1875 г. до 26 августа 1880 г., т.е. от представления генерал-губернатором Западной Сибири Н.Г. Казнаковым проекта учреждения университета до закладки его главного корпуса. Публикаторы сочли необходимым дополнить текст воспоминаниями В.М. Флоринского о поездках в Петербург «по делам Сибирского университета» в октябре и декабре 1880 г. и событиях февраля–марта 1881 г. (убийство Александра II, отставка генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, студенческие волнения в Казани)[441] его рассуждениями о их возможном влиянии на открытие Томского университета: «…наступают другие времена, выходят на сцену другие люди, может быть, с другими планами и взглядами, и при такой общей пертурбации мне придется ощупью вести трудное, может быть для многих теперь не симпатичное, дело созидания нового университета на далекой русской окраине. Дай Бог довести его до конца»[442].

О том, что В.М. Флоринский окажется прав – университет будет открыт только 22 июля 1888 г., готовившим к изданию его воспоминания в 1906 г. было хорошо известно. Видимо, составляя текст из воспоминаний разных лет, публикаторы «Заметок и воспоминаний В.М. Флоринского» стремились подчеркнуть императорскую волю в появлении «рассадника просвещения» на территории Сибири (университет именно «дарован») и показать роль В.М. Флоринского, оценивающего свою деятельность как «цель жизни», «венец земных трудов» и «духовное служение» государству на территории «пустынной и не просвещенной Сибири».

---

[441] Дневниковые и мемуарные записи этого периода (октябрь 1880 г. – март 1881 г.) не были обнаружены в архиве В.М. Флоринского. Возможно, что они остались у издателя.

[442] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Июнь. С. 621

Вспомогательными источниками для решения задач данной главы, помогающими реконструировать визуальный облик Томского университета к моменту его открытия, выступили описание В.М. Флоринским университетских помещений, опубликованное в сборнике «Первый университет в Сибири»[443]; альбом с литографиями интерьеров Главного университетского корпуса[444].

3.1 Проект по организации университетского пространства: опыт анализа заказов императорских портретов и православных икон

При рассмотрении роли В.М. Флоринского в создании первого университета Северной Азии следует учитывать ключевые особенности имперского колонизационного дискурса второй половины XIX в. Так, «центр» стремился не только извлечь ресурсы из «периферии», но и распространить на нее свои духовно-символические идеалы. Огромное сибирское пространство, экономически слабое и не связанное коммуникациями, нуждалось в создании сети «имперских центров», которые становились рычагами культурного и политического влияния в регионе. В этих условиях наука и образование рассматривались «центром» как самостоятельные инструменты гомогенизации окраины[445].

В.М. Флоринский как автор концепции Сибирского университета, несомненно, был знаком с самыми разными проектами колонизации края. Идея создания просветительского института, тесно связанная с освоением азиатских территорий, захватила ученого. Именно на этом поприще по-настоящему могли раскрыться таланты «просвещенного бюрократа»: «Это увлекательное дело, к которому я вначале прикоснулся случайно и, казалось, мимолетно, впоследствии, силой обстоятельств, втянуло меня в совершенно иную сферу *служебной* [дописано сверху] деятельности, *овладело* [зачеркнуто] заставило посвятить ему лучшую половину моей жизни, расстаться со столичным комфортом и…

---

[443] Флоринский В.М. Описание Томского университета // Первый университет Сибири. Томск, 1889. С. 83–93.

[444] Императорский Томский университет. Томск, [1890-е]. 15 с., 47 л. фотогр.

[445] Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 18, 48–49; Хетчер М. Внутренний колониализм // Этнос и политика. М., 2000. С. 210; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразования обществ. Сравнительное изучение цивилизации. М., 1999. С. 135, 147.

надеждами верного обеспечения в будущем и переселиться в далекую, холодную и некультурную Сибирь»[446].

В целом «университетский вопрос» был чрезвычайно близок В.М. Флоринскому, поскольку, с его точки зрения, отечественное высшее образование находилось в глубоком «нравственном» кризисе и как никогда нуждалось в «знающих» людях. При этом он был уверен, что всю систему разрушать не стоит, а надо ограничиться отдельными «распределительными мерами», в частности назначением «хороших» попечителей учебных округов: «Вместо того, чтобы наряжаться в мундир Петра Великого и постоянно мечтать о пересадке к нам немецких учебных порядков, следовало бы толковее и сердечнее относиться к применению наших существующих уставов, развивая их последовательно, но не ломая всего строя. Консерватизм более всего уместен в учебном деле. Оно должно иметь свои местные корни, свои устойчивые традиции»[447].

В.М. Флоринский относил себя к группе «русских профессоров», которые видели университет «изнутри» и имели представление о его «хороших и слабых сторонах». Он хотел применить на практике свои экспертные знания в области образования и считать себя причастным к «полезному государственному делу»[448].

После долгих раздумий в 1875 г. В.М. Флоринский переходит на службу в Министерство народного просвещения в качестве непременного члена Медицинского совета[449]. В это же время он был приглашен в особую министерскую комиссию по пересмотру университетского устава 1863 г. Участвуя в ее деятельности, ученый смог в 1875 г. ознакомится «на месте с нуждами и потребностями» всех российских университетов. Полученные знания, безусловно, были использованы им при создании Сибирского университета. Например, при

---

[446] Эмбриональное состояние Томского университета… Л. 2 об.

[447] Дневные записки 1881 г. … Л. 15 об.

[448] Дневные записки 1887 г. … Л. 70.

[449] Сам В.М. Флоринский признавался, что решение оставить ученую деятельность в Медико-хирургической академии и посвятить себя «служению» государству уже на административном поприще было переломным моментом в его жизни: «…расстаться с медицинской академией и профессурой для меня было большою потерею. Я так сроднился с этой деятельностью и с местом своего воспитания, так много был обязан академии, выведшей меня на большую дорогу, давшей мне средства основательно завершить образование в чужих краях, что без тяжелого чувства не мог смотреть на предстоящую перемену в моей жизни». См.: Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Янв. С. 94.

составлении его бюджета он ссылался на статьи расходов недавно открытого Новороссийского университета (1865 г.). Стоит отметить, что в архиве ученого сохранилась делопроизводственная документация Варшавского университета с его пометками[450].

Сам В.М. Флоринский считал своим несомненным достоинством как эксперта, во-первых, понимание принципов организации западной модели науки и образования, во-вторых, убеждение в избирательном и рациональном их переносе на русскую почву. Однако нельзя забывать, что его карьерный рост и высокое общественное положения были обусловлены и личным знакомством с высокопоставленными государственными деятелями – Д.А. Толстым, А.П. Ширинским-Шихматовым и, конечно, великим князем Константином Николаевичем.

По воспоминаниям военного министра Д.А. Милютина, он в результате «несколько скандальной» истории (лечение ребенка актрисы Кузнецовой – «любовницы Константина Николаевича») имел даже влияние на великого князя[451]. Сам В.М. Флоринский писал по этому поводу: «С его императорским высочеством я имел счастье много раз встречаться раньше в качестве приватного врача Его Высочества… Великий князь всегда относился ко мне весьма благосклонно и много раз в свободные минуты удостаивал меня поучительными беседами по разным вопросам, в том числе и по вопросу о Сибирском университете после его возникновения»[452].

В «черном варианте» проекта создания Сибирского университета 1875 г. В.М. Флоринский утверждал, что «отдаленная от всех университетских центров» Сибирь остро нуждается в высшем образовании. Такая потребность прежде всего связана с необходимостью подготовки собственного кадрового состава: «учителей, врачей, чиновников», способных «к изучению и промышленному эксплуатированию» региона. В будущем это позволило бы государству не только получить развитый

---

[450] Материалы Варшавского университета // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/290. 89 л.; Некрылов С.А. Томский университет… С. 101–102.

[451] Дневник Д. А. Милютина… С. 201.

[452] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Янв. С. 100.

регион, но и сократить расходы на содержание «пришлых чиновников»: «Сибирь нуждается в высшем рассаднике просвещения для поднятия интеллектуального уровня всей страны, для изучения и исследования ее богатой природы и вообще для того, чтобы этот обширный край мог по справедливости пользоваться от правительства теми же дарами просвещения, как и остальные русские области»[453].

Основать университет В.М. Флоринский предлагал в Томске, поскольку прежний «сибирский культурный центр» Тобольск превратился в «захудалый, глухой, заурядный город». Он объяснял свой выбор, во-первых, географическим положением и транспортной доступностью города («в самом центре Сибири, на границе между восточной и западной ее половиною»), во-вторых, экономической развитостью Томска и, как следствие, «устойчивостью» его населения. При этом В.М. Флоринский подчеркивал необходимость сбора дополнительной статистической информации о возможных городах-претендентах «по вопросам, имеющим отношение к сооружению и дальнейшему существованию университета»[454].

По инициативе ученого 16 мая 1877 г. «из лиц, практически знакомых с Сибирью по службе или долговременному пребыванию в том краю», была образована министерская комиссия по избранию города для Сибирского университета. Помимо В.М. Флоринского в ее состав вошли министр народного просвещения А.П. Ширинский-Шихматов, тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович, главный инспектор училищ Западной Сибири А.П. Дзюба и вице-губернатор Акмолинской области М.Н. Курбановский[455].

Лично незнакомый с особенностями сибирской городской повседневности В.М. Флоринский обратился к своему приятелю А.И. Дмитриеву-Мамонову[456], с просьбой собрать о Томске необходимую для принятия окончательного решения статическую информацию: «1) о числе жителей города по сословиям; 2) торговых оборотах, о городских доходах; 3) о числе ссыльных и распределении их по городам Томской губернии;.. 4) о числе каменных и деревянных домов и о ценах

---

[453] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Янв. С. 84

[454] Там же. С. 86.

[455] Там же. С. 100–101.

[456] Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов (1847-1915) председатель Томского губернского правления и вице-губернатор в период с 1877 по 1881 гг.

на квартиры; 5) о состоянии городской и других больниц Томска;.. 6) о состоянии местной духовной семинарии и о числе учащихся в ней;.. 7) о справочных ценах на строительные материалы и рабочие руки; 8) о пригодности места, отведенного под университет [в частности, он просил отправить план места, где будут расположены университетские здания, и план самого города]»[457]. Аналогичные сведения об Омске как о другом городе-претенденте должны были собрать А.П. Дзюба и М.Н. Курбановский.

Изучив присланные данные, В.М. Флоринский укрепился во мнении, что университет необходимо основать именно в Томске. Более того, в ответном письме к А.И. Дмитриеву-Мамонову он призвал пропагандировать среди томского купечества идею пожертвований, поскольку частные средства жизненно важны для будущего университета: «Содействие общества в этом отношении придало бы университету новые силы, поощрило бы ученые труды и предприятия профессоров, облегчало бы приобретение многих учебных пособий и научных сокровищ, необходимых и желательных в наибольших размерах для всякого музея и кабинета. При таких благоприятных условиях можно было бы рассчитывать на привлечение к университету и наилучших ученых деятелей»[458].

В результате комиссия пришла к заключению – «учреждаемый Сибирский университет целесообразнее и полезнее открыть в городе Томске». Вскоре решение было одобрено Государственным советом и завизировано 16 мая 1878 г. подписью Александра II[459].

14 марта 1880 г. был учрежден Строительный комитет для возведения зданий Сибирского университета во главе с томским губернатором В.И. Мерцаловым, а членом комитета от Министерства народного просвещения назначался В.М. Флоринский. Полномочия ученого были весьма широки. Так, он должен был не только контролировать все этапы строительных работ, но и подготовить университет к учебному процессу. Кроме того, в его обязанности входили

---

[457] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Янв. С. 106.

[458] Труды комиссии, учрежденной по высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города Сибирского университета. СПб., 1878. С. 97.

[459] Там же. С. 157; Краткий исторический очерк Томского университета… С. 8.

организация хранения всего университетского имущества и изыскание дополнительных частных средств[460].

В.М. Флоринский как член Строительного комитета должен был посещать Томск ежегодно с середины мая и до конца августа, чтобы на месте контролировать весь ход строительных работ. После этого в зимние каникулы, в «свободное от лекций время», он ездил с подобными отчетами в Министерство народного просвещения. Весной 1880 г. В.М. Флоринский впервые отправился в поездку из Казани в Томск, впечатления о которой он изложил в путевых заметках: «Такая отдаленная поездка в неизвестный для меня край, о котором много раз приходилось читать и слышать самые разноречивые рассказы, естественно возбуждало живое любопытство… Чтобы лично проверить все мною прежде слышанное и читанное о Сибири, с которою судьба, по-видимому, связывает меня на продолжительный срок, я “счел за благо” запастись на дорогу письменными принадлежностями, чтобы занести в тетрадь живые сведения и личные впечатления»[461].

С точки зрения В.М. Флоринского, трудно переоценить значение присоединения Сибири к России, поскольку этот регион обеспечил империи необходимый «территориальный запас» для внутренней колонизации: «Только теперь мы… почувствовали, что *своевременное* [дописано сверху] “разыскание новых землиц” дает нам возможность расти и крепнуть в своих пределах, вместо того, чтобы *искать* [зачеркнуто] выселяться в другие части света, за океан, как это вынуждены делать остальные европейские народности»[462].

Более того, он считал, что благодаря именно азиатским территориям государство сможет распространить свое экономическое и культурное влияние на Китай, Японию и Америку. При этом Россия как представительница западной цивилизации должна выступить в роли учителя для азиатских государств, а с Америкой начать культурное общение «как равная с равным»[463].

---

[460] ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
[461] Путевые заметки и дневные записки 1880 г. … Л. 1–1 об.
[462] Там же. Л. 8.
[463] Флоринский В.М. Соображения по вопросу существующих границах России с Китаем… С. 440–441.

В будущем Сибирь, по мнению В.М. Флоринского, может стать «процветающим» краем империи. Это произойдет прежде всего благодаря общему «духу времени» и предстоящему «культурному прогрессу», который произойдет в России в XX столетии. Ученый называет «три грандиозные задачи», которые необходимо осуществить государству на азиатских территориях: «1) населить ее пустыри трудолюбивым народом из добровольных переселенцев; 2) провести от *Волги* [дописано сверху] *Москвы* [зачеркнуто] до Амура железную дорогу и благоустроить водные пути сообщения и 3) дать Сибири *собственные центры* [дописано сверху] просвещения»[464].

В.М. Флоринский приводит положительный пример колонизации Шадринского уезда, когда благодаря правительственным мерам и имперским институтам (в данном случае Далматовскому монастырю) «каторжное, беглое, ссыльное» население в короткий срок превратилось в «трудолюбивых, кротких, нравственных и религиозных» крестьян[465].

Университет, с его точки зрения, сыграет особую роль в «будущности» всего этого региона, и в перспективе он сможет стать «прогрессивной силой» и принесет неоценимую пользу интересам всего государства в непростое время, когда «старые университеты» в «полном хаосе», а общество стремится «не к просвещению, а к политическим оргиям»: «Пусть [Сибирский университет] откроет в недрах народной жизни источники новых деятельных сил и докажет потомству, что при помощи света, правды и разума можно превратить страну ссылки, скорби и запустения в благоустроенную, равноправную и равносильную с остальными русскими областями, нераздельную часть великого Российского государства»[466].

Вместе с тем В.М. Флоринский понимал, что многие сомневались в правильности создания университета в Сибири. Например, в Петербурге, куда в январе 1887 г. он приехал по делам Строительного комитета, директор Департамента народного просвещения Н.М. Аничков сообщил ему, «что идея о Сибирском университете не нравится большинству лиц власть имущих; на это смотрят как на

---

[464] Путевые заметки и дневные записки 1880 г. … Л. 11.
[465] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 5 об.
[466] Флоринский В.М. Речь по поводу открытия Императорского томского университета… С. 4.

либеральную затею прошлого царствования, – затею не только не нужную, но даже опасную в политическом смысле»[467].

Однако его главными оппонентами стали ближайшие советники Александра III – К.П. Победоносцев и М.Н. Катков, из-за давления которых в 1886 г. открытие уже построенного университета оказалось под большим вопросом. В.М. Флоринский провел ряд личных бесед с высокопоставленными чиновниками, от которых зависело решение вопроса, и попытался убедить их в его необходимости для Сибири и Российской империи в целом.

В дневниковых записях 1887 г. В.М. Флоринский подробно изложил содержание встреч с К.П. Победоносцевым, И.А. Вышнеградским, Д.А. Толстым, великим князем Константином Николаевичем. Например, министру финансов И.А. Вышнеградскому он объяснял, «что отклонение вопроса об открытии Сиб[ирского] университета показало бы, во-первых, полное пренебрежение к воле покойного государя, даровавшего Сибири это благо, во-вторых, оно было бы весьма неблаговидно по отношению к жертвователям. Такое бесцеремонное отношение к обществу и к царскому слову не может вызвать доверие к существующему правительству, точно так же как не внушало бы доверия и к частному лицу, если бы кто-либо стал практиковать подобный образ действий» [468]. В частности, подобные личные «доверительные» беседы с высокопоставленными министерскими чиновниками дали ему возможность стать «авторитетным экспертом по данному вопросу»[469].

В итоге В.М. Флоринский достиг главной цели, с учетом некоторых корректировок в идеологическом русле контрреформ в 1888 г. университет был открыт. В данном случае как имперские «корректировки» можно расценивать его открытие без присвоения названия «Сибирский» и в составе одного медицинского факультета, а позднее – принятие решений о запрете посылать в город политических ссыльных и издавать либеральную «Сибирскую газету».

---

[467] Дневные записки 1887 г. … Л. 11.
[468] Там же. Л. 156.
[469] Там же. Л. 44–45.

В этом ключе, на наш взгляд, следует искать связь между представлениями В.М. Флоринского о «национальной» и «полезной» науке и разработанной им модели Сибирского университета. Исходя из поливидового характера информации текстуального и «вещественного» наследия ученого, полагаем, что для ее реконструкции необходимо учитывать не только его программные документы, публичные выступления и воспоминания, но и созданный им с помощью православных икон и портретов царствующей династии «визуальный ряд» первого университета Зауралья.

Такой подход, помимо прочего, позволяет восстановить, как в организованном «просвещенным бюрократом» В.М. Флоринским университетском пространстве воплотились имперские проекты по освоению сибирского края[470]. Для решения этой задачи нами использована прямая и косвенная информация документов из архива ученого и иллюстративных материалов изданий, посвященных Томскому университету в первые годы существования[471]. В совокупности они показывают, чем мог руководствоваться «заказчик» изображений святых и монархов и как они были включены в интерьер университета.

Привлеченные документы представлены, во-первых, счетом Товарищества метахромотипии Ракочий, Сидорский и К° с записями В.М. Флоринского (Приложение Е), во-вторых – инвентарем всего имущества Сибирского университета 1888 г., подтверждающем поступления данного «товара»; в-третьих, реестром грузов 1879–1884 гг., составленным В.М. Флоринским, в котором отмечен факт приобретения «трех поясных портретов Государя в золоченных рамках от Дациора»[472].

Особое внимание стоит обратить на производителя портретов. Дзузеппе (Иван Христофорович) Дациаро (1806–1865) был основателем литографических

[470] Подробнее об этом см.: Дутчак Е.Е., Качин Н.А. Сибирский университет как «храм науки»: иеротопический проект В. М. Флоринского // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. Омск, 2017. Вып. 14. С. 25–34.

[471] Первый университет Сибири. Томск, 1889. 94 с.; Императорский Томский университет [альбом]. Томск, [1890-е]. 15 с., 47 л. фотогр.

[472] Реестр грузов… Л. 493–497; Счет Товарищества метахромотипии… Л. 413; Инвентарь имущества Сибирского университета… 12 л.

магазинов-мастерских в Москве, Санкт-Петербурге и Париже. Во второй половине XIX в. его фирма, уже перешедшая к наследникам, получила высший коммерческий статус «Поставщиков Двора Его Императорского Величества»[473]. Поэтому вполне закономерно, что именно ей, обеспечивающей присутственные места империи изображениями царствующих особ, поручалось выполнить заказ. Всего В.М. Флоринским было приобретено 4 портрета – поясные изображения Александра III предназначались для зала совета и зала факультетских заседаний, портреты в полный рост Александра II и Александра III размещались в актовом зале.

Изготовитель икон – Товарищество метахромотипии Ракочий, Сидорский и К° – не имел столь высокого статуса, но его продукция была не менее востребована. С 1874 г., когда открытое по инициативе генерал-лейтенанта С.А. Хрулева заведение перешло в руки компаньонов, его целью стало распространение в коммерческих масштабах «хорошо и точно воспроизведенных» копий образов праздников и святых – отдельно и в иконостасах, на дереве и холсте, с золотым фоном и чеканной работой (изготовителем обещалось, что такая икона «не чернеет и не лупится»). В результате продукция, широко рекламируемая через сеть епархиальных периодических изданий и рассчитанная на разные «кошельки», находила покупателей «в самых отдаленных местах Российской империи»[474]. Кстати, рекламная активность Товарищества была зафиксирована даже в анналах русской классической литературы. Так, одно из писем Ф.Л. Штехеля А.П. Чехову (1886) написано на бланке-прейскуранте этой конторы и имеет автограф адресата рядом с напечатанной типографским шрифтом фразой «Член товарищества и распорядитель»[475].

Характеризуя этот заказ, важно отметить, что именно в нем проявились индивидуально предпочтения В.М. Флоринского: в отличие от предписанных монарших портретов, выбор икон для государственных учреждений и учебных заведений по сложившейся традиции оставался в ведении их руководителей.

---

[473] Северюхин Д. Старый художественный Петербург… С. 162–164.
[474] Вестник Первой всероссийской выставки монастырских работ и церковной утвари. 1904. № 11. С. 9.
[475] См.: Чехов А.П. Полное собрание сочинений : [в 30 т.]. М., 1974. Т. 19: Письма 1875–1886. С. 174.

Для актового зала, расположенного на втором этаже главного университетского здания и «примыкавшего к церкви», В.М. Флоринский выбирает изображение Александра Невского – святого-правителя, иконография которого, как установлено исследователями, развивалось в соответствии с этапами его мифологизации. До конца XIV в. князю, умершему в 1263 г., не было посвящено даже местного церковного празднования. Лишь с открытием мощей при митрополите Киприане (1381) утвердится его изображение как схимника. После общерусской канонизации в 1547 г. и завоевания Казанского ханства оно дополнится представлением князя в облике воина[476]. В эпоху Петра I, как считает Д.Г. Мироненко, берет отсчет «императорская (Петровская)» иконография Александра Невского, и монашеский, княжеский и воинский типы изображений подчиняются задаче обосновать древность российской императорской власти[477]. Это воплотилось в учреждении Ордена св. Александра Невского как высшей военной награды (1725) и придании посвященному князю крестному ходу статуса государственной церемонии (1743).

В церковно-сакральном дискурсе второй половины XIX в. князь уже становится антикатолическим символом и «светским защитником идеалов православия»[478]. Смещение отражено и текстом прейскуранта Товарищества к одной из продаваемых икон: «Священное изображение “Александр Невский” в память важнейших событий царствования почившего Государя императора (освобождение крестьян и славян), для народных школ на бумаге по 75 копеек»[479].

Для зала совета В.М. Флоринский заказал образ Николая Барградского. Под этим названием известен иконографический тип Николая Чудотворца из базилики г. Бари, по легенде, написанный на основе прижизненного изображения святого. В русском церковном календаре с XII столетия он знаменовал собой праздник перенесения его мощей из Византии в 1087 г. Отчасти появление в университетском помещении этого изображения объяснимо индивидуальными предпочтениями

---

[476] Бегунов Ю.К. Иконография святого благоверного… С. 172–176.

[477] Мироненко Д.Г. Иконография святого Александра Невского… 24 с.

[478] Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 119–132.

[479] Прейскурант изделиям Товарищества метахромотипии Ракочий, Сидорский и К. [Электронный ресурс] // Тамбовские епархиальные ведомости. 1884. № 9. Электрон. дан. URL: https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=2476#n=53, (дата обращения: 04.10.2018).

ученого. В 1863 г., во время своего почти двухмесячного путешествия по Италии, В.М. Флоринский посещает город Бари, связанный с именем самого почитаемого в русском православии святого и сообщает об этом в своих путевых заметках.

Однако выбор для строящегося университета этого изображения связан не только с личными впечатлениями В.М. Флоринского. О присутствии государственного мотива говорят несколько примечательных обстоятельств. С конца XVII в. Бари становится обязательным местом паломничества путешествующих по Европе Романовых. Так, в 1698 г. его посещает царевич Алексей, в 1852 г. – великий князь Константин Николаевич, в 1892 г. – цесаревич Николай Александрович[480]. В последней трети XIX в. итальянский город идеологически связывается еще и с Александром Невским как борцом с католическим Тевтонским орденом. Поэтому в Петербурге в память «избавления императора Александра II от покушения в Париже в 1867 г.» строится «барградская» часовня, посвященная одновременно Николаю Чудотворцу и древнерусскому князю (1879)[481]. Таким образом, в политическом и религиозном смысле эти две фигуры в глазах человека последней трети XIX в. были объединены.

В связи с этим понятен замысел ученого – разместить в центральных университетских помещениях портреты Александра II и Александра III рядом с изображениями двух святых – защитников христианской веры и православных народов. Подобное соседство подчеркивало государственный мотив создания первого и Императорского университета Азиатской России.

Неслучайно также, что по задумке В.М. Флоринского пригласительные билеты по случаю открытия Томского университета получили символический рисунок: «…под сенью царской порфиры изображено здание университета. По бокам здания – березы и ели, как эмблемы сибирской природы; под университетом же изображены три вензеля Государей – Александра I, Александра II, Александра III, волею коих возник, сооружен и открыт Томский университет» (Приложение Ж)[482].

---

[480] Патриаршее подворье святителя Николая Чудотворца в городе Бари [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: http://bargrad.com (дата обращения: 16.05.2018).

[481] Краткое описание Бар-градского Николо-Александровского храма в Петрограде. Пг., 1916. 31 с.

[482] Открытие Императорского Томского университета … С. 3.

Для университетских аудиторий В.М. Флоринский приобретает образ самого древнего и чтимого изображения Христа – «Спас Нерукотворный». Этот заказ выглядит вполне логичным; но неожиданным и при этом весьма информативным выглядит другое его решение: разместить литографические копии «Спасителя с Гвидорени» (sic!) в научные кабинеты при кафедрах, предназначенные для проведения разного рода экспериментов («ученых опытов»)[483].

Речь идет об итальянском живописце Гвидо Рени (1575–1642), вслед за И. Босхом, В. Тицианом и А. ван Дейком создавшем художественную версию евангельского рассказа о выдаче Понтием Пилатом своего пленника иудеям. В России тип изображения Христа в терновом венце («Ecce Homo» / «Се, Человек») известен с XVIII в., однако настоящую популярность приобретает лишь спустя столетия, по мнению С.И. Михайловой, не без влияния вышедшей в 1863 г. «Земной жизни Иисуса Христа» Э. Ренана[484].

Однако увлечение В.М. Флоринского европейской живописью (возможно, не без влияния жены) не разделялось в административной среде, где в то время складывается лобби защитников традиционной иконописи. Так, в письме от 5 декабря 1885 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов выражал беспокойство, что приобретенные В.М. Флоринским для университета иконы «будто бы написаны не в Православном стиле» и просил предоставить их местному архиепископу «для осмотра»[485]. Скорее всего, В.М. Флоринский в своих предпочтениях не был одинок[486], о чем косвенно свидетельствуют открытие в 1900 г. по инициативе защитников традиционной иконописи «высочайше утвержденного» Комитета попечительства о русской иконописи и

---

[483] В.М. Флоринским планировалось открытие 7 кабинетов – физического, гистологического, ботанического, физиологического, фармацевтического, химического, анатомического.

[484] Михайлова С.И. Образ Спасителя в терновом венце в русской религиозной живописи второй половины XIX в. Эскиз Н. А. Кошелева из собрания Музея Москвы // Вестник славянских культур. 2014. № 4 (34). С. 196–207.

[485] Письмо министра народного просвещения И.Д. Делянова – В.М.Флоринскому, 5 декабря 1885 г. // ГАТО. Ф. 126. Д. 61. Л. 20-20 об.

[486] М.Н. Соколов считает, что индивидуализация религиозных чувств в XIX столетии, привела к появлению в церковной сфере двух «сакрумов»: консервативного, восходящего к древнерусскому пониманию обряда и его зримых символов, и нового, «увлеченного обаянием искусства», устанавливавшего «подчеркнуто изящный канон». См.: Соколов М.Н. Ab arte restaurata. Сакральность эстетического в «иеротопии» Нового времени // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. М., 2009. С. 172–201.

появление запрета на ввоз из-за границы печатных изображений, заменяющих иконы[487].

В этой связи сложно согласиться с мнением Л.А. Успенского, считавшего регрессом «духовное возрождение», которое происходило «вне прямой связи с традиционным церковным образом, иконой»[488]. На примере устроителя Сибирского университета можно говорить о функциональном расширении иконопочитания в эпоху modernity. С одной стороны, оно выступает как свидетельство веры, а с другой – демонстрирует стремление к просвещению и «естественному саморазвитию».

Впервые на родство категорий «просвещение» и «крещение», известное еще в допетровской Руси, обратил внимание Ю.И. Лотман[489]. В значении «просвещать, значит, крестить» они используются в церковных песнопениях, посвященных Владимиру Святому – первому христианскому правителю Руси: «Правоверью наставнице и всея Руси просветителю, крещением просветиль еси всех нас»[490]. По мнению Ю.М. Лотмана, эти древние смыслы при жизни Петра I получили новый контекст – «второе крещение Руси» стало рассматриваться как создание новой светской культуры. Например, в трагикомедии Феофана Прокоповича «Владимир» петровские реформы сопоставляются с христианизацией Руси («просвещением»), где государственный рационализм осмыслялся как «прямая вера», а сам Петр I как сторонник западного просвещения «приобретает черты равноапостольного князя Владимира»[491]. В сходном «просветительско-христианском» ключе трактовалась моравская миссия солунских братьев, тысячелетие которой в 1863 г. по распоряжению Синода отмечалось введением дня славянской письменности.

Таким образом, сам факт строительства университета расценивался В.М. Флоринским как ситуация «культурного крещения» нецивилизованной территории. Имперский институт высшего образования должен был стать, по

---

[487] Ковалева М.Д., Шипунова М.В. Комитет попечительства о русской иконописи (1901–1918): история и деятельность // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 17 (139). С. 70–80.

[488] Успенский Л.А. Богословие православной иконы. М., 1996.

[489] Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. М., 2002. С. 107–108.

[490] Алексеев П.А. Церковный словарь. СПб., 1818. Ч. 1. С. 348.

[491] Лотман Ю.М. История и типология русской культуры... С. 108.

мнению ученого, форпостом «русской» («православной») культуры в Азии. Это подтверждается его выбором разместить образы святого князя Владимира и создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия «в киоте и серебряной вызолоченной ризе» в университетских музеях и аудиториях[492].

Важно отметить, что «новая» и «просвещенная» Сибирь в понимании устроителя университета могла возникнуть только в результате миссионерского подвига. В этой связи интересны его рассуждения относительно преимуществ Томска перед Омском в споре за университетский статус. Так, он обращает внимание на «непросвещенность» и срединное положения Томска: «Как и ни мизерен покажется Томск… *будущим университетским деятелям* [дописано], но как университетский центр он для Сибири без сомнения лучше. Так поставила его география, и примешивать к этому вопросу личные удобства и симпатии едва ли было бы справедливо перед потомством. Миссионеры идут на свою проповедь, не соображаясь с тем, где для них было бы комфортнее, а где они нужнее. Точно так же и просветительская роль Сибирского университета будет плодотворнее в том центральном пункте, откуда его лучи будут равномерно расходиться во все концы Восточной и Западной Сибири... Мы первые пионеры в глухой сибирской тайге, должны принести маленькую жертву во имя великой идеи *справедливости и будущей* [дописано] общественной пользы»[493].

Например, Омск, который В.М. Флоринский впервые посетил в 1882 г., описывался им как вполне «цивилизованный» административный центр Западной Сибири с «недурной архитектурой, большой частью каменной», «учебными заведениями, красивыми по наружности и благоустроенными внутри», «широкими правильно распланированными улицами», «домами с террасами и садами, с внутренний отделкой и меблировкой комнат». На его фоне Томск выглядел «грязным и грубым городом», частью «непросвещенного» азиатского пространства.

Даже население Омска в оценках В.М. Флоринского «гораздо интеллигентнее» в силу размещения здесь с 1838 г. Главного управления Западной Сибирью.

---

[492] Первый университет Сибири. Томск, 1889. С. 88.
[493] Дневные записки 1881 г. … Л. 4 об.–5.

Томская интеллигенция, по его наблюдению, состояла из чиновников, учителей средних учебных заведений и врачей: «В большинстве это люди слабых способностей, ограниченных знаний и неустойчивого характера. Мираж либерализма… туманит глаза [местной интеллигенции] и не позволяет ориентироваться в личностях. Из-за этого тумана ссыльные пигмеи представляются серьезными людьми, да и сами их почитатели воображают себя заправскими деятелями, тогда как на самом деле они недозрелые продукты нашей несчастной школы 60–70-х гг., способные лишь на одну болтовню и на выпускание мыльных пузырей»[494].

Обратил внимание В.М. Флоринский и на «духовную атмосферу» Томска, требующую скорейшего «обновления и нравственного оздоровления»: «Ни в одном учебном заведении в Томске, включая сюда и духовную семинарию, нет домовой церкви. Ученикам представляется по их усмотрению посещать приходские храмы и, конечно, никто туда не ходит. Да и церквей в учебном районе города слишком мало, всего три… Из этого можно видеть, насколько Томск религиозен и чего можно ожидать от его школы в этом отношении. Все это плохие задатки, но, Бог даст, все это устраниться в будущем»[495]. Видимо, уже как профессиональный медик В.М. Флоринский полагал, что «нездоровую» атмосферу как раз может исцелить университет, который при правильной организации и бдительном руководстве «даст толчок к новой и светлой жизни».

Миссионерский и в известной мере врачующий характер университетской концепции раскрывается еще в одном предложении В.М. Флоринского – предоставить семинаристам возможность обучаться в Сибирском университете, причем на льготных условиях (вступительные экзамены требовалось сдать только по двум предметам – русскому и латинскому языкам). Действительно, наплыв семинаристов на первых порах был значителен. Например, из 72 принятых в год открытия университета 40 человек были выпускниками семинарий, 30 – окончили гимназию, двое переведены из университетов

[494] Дневные записки 1881 г. … Л. 10–10 об.
[495] Там же. Л. 22–22 об.

Европейской части России[496]. Сам ученый не скрывал, что видит в семинаристах «наиболее надежный контингент» сибирского студенчества[497].

Видимо, в логике идей физического и нравственного врачевания общества следует рассматривать его выбор изображений Василия Великого и великомученика Пантелеймона для зала факультетских заседаний и лабораторий. Эти два образа, на первый взгляд, полярны и несопоставимы: Василий Великий – ученый-теоретик, медик, астроном, математик и богослов, внесший значительный вклад в распространение античной учености, о котором предельно уважительно отзывались современники: «…каждую науку он изучил до такого совершенства, как будто не учился ничему другому… имевший глубокие познания в медицине – это был как корабль, столь нагруженный ученостью, сколь сие вместительно для человеческой природы»[498]. В.М. Флоринскому этот ученый мог быть интерес еще и своим сочинением «Советы юношам», в котором писал, что «внешние науки» вовсе не бесполезны для христианина, они дают знания, необходимые для нравственного совершенствования и интеллектуального роста. Объединение этих идей с образом врача-практика Пантелеймона, лечащего бедняков бесплатно[499], олицетворяло собой «полезное знание», поиском которого, в понимании В.М. Флоринского, должна была заниматься университетская наука.

Принципом «полезности» В.М. Флоринский руководствовался, закупая оборудование, материалы и научную литературу для будущего университета. Закономерным поэтому можно считать его активное участие в деятельности открытого в 1889 г. Томского общества естествоиспытателей и врачей, целью которого стало практическое изучение Сибири по разным отраслям научного знания: «…в нашей университетской корпорации всего естественнее должна была возводиться мысль о расширении границ научной деятельности и о привлечении в свою среду возможно большого числа деятельных сил… Наше поле представляет

---

[496] Всего в 1888 г. было подано 236 заявлений. См.: Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Томск, 1960. С. 56–57.

[497] Дневные записки 1881 г. … Л. 16–16 об.

[498] «Василий Великий» [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. [Б.м.], 2017. Электрон. дан. URL: http://www.pravenc.ru/text/150791.html (дата обращения: 16.05.2018).

[499] Шевченко Ю.Л. Святые целители и врачи // Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н.И. Пирогова. 2006. Т. 1, № 1. С. 13–15.

собою непочатую целину, правда, трудную для обработки, но зато более плодотворную. Какого бы из местных вопросов мы ни коснулись, он будет представлять особый интерес новизны, так как научные исследования нашего края едва только начаты»[500]. При этом В.М. Флоринский критиковал своего коллегу Н.И. Пирогова, который отстаивал идеал «чистой» и независимой науки. Подобная идея казалась устроителю Сибирского университета бессмысленной и даже политически опасной[501].

Американская исследовательница русской картографии XVII в. В. Кивельсон пришла к важным для понимания критериев, которыми руководствовался В.М. Флоринский при отборе икон для университета, заключениям: «Московиты реагировали на то, что происходило с ними в Сибири, очень разными способами, но всегда в рамках культурной модели, основанной на религиозных убеждениях»[502]. В частности, такой культурной моделью могут считаться представления специализации чудотворных икон и святых, максимально полно отраженные народным («деревенским») вариантом православия, видимо, воспринятые В.М. Флоринским еще в детстве. Например, его тревога за приобретенные книжные коллекции вполне естественно оформилась в желание заказать для библиотеки Иверскую икону Богоматери, считающуюся в народном православии защитницей от пожаров и символом урожая в широком смысле слова.

Еще одним примером использования православной агиографии для создания образа «храма науки» стало посвящение университетской церкви Казанской иконе Богородицы (храм был освящен еще до официального открытия – 29 июля 1887 г.). Согласно народной интерпретации она должна была помогать «прозрению слепых очей» и в соответствии с иеротопической логикой В.М. Флоринского означать как сущность научного познания, так и его конкретные результаты (в данном случае – медицинские).

Сочетание государственной идеи и крестьянского практицизма, которым так гордился В.М. Флоринский, выразилось, помимо, прочего в его попытках

---

[500] Флоринский В.М. Вступительная речь… С. 22–23.
[501] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 40–43 об.
[502] Кивельсон В. Картографии царства. Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 180.

распространить на университетскую корпорацию нормы патриархального уклада. Оценка ученых-преподавателей и студентов как разных поколений «одной семьи» виделась ему не только ответом на вызовы времени, но и инструментом сплочения и развития самой университетской корпорации: «Обе эти половины связаны между собой самыми тесными узами, родственными по существу, одинаковыми по стремлению… Общность духовных интересов учащих и учащихся, естественно, требует полной гармонии между теми и другими, единства взглядов и стремлений. Только при этом условии может быть мир и спокойствие в близкой семье и полное преуспевание в выполнении общих задач»[503]. Государству в рамках этой системы отводилась роль «заботливого родителя», который должен осуществлять «благоразумное руководство».

Таким образом, В.М. Флоринский, являвшийся по семейному воспитанию «носителем» иеротопического мышления, а по образованию, профессии и мировоззрению «просвещенным бюрократом», может считаться приверженцем именно имперской идеи православного освоения азиатских территорий[504]. Все это в совокупности определяло его отношение к строительству университета. Поставленные на службу прогрессу условный, символичный язык иконы и тщательно подобранный пантеон должны были обозначить его «сакральность», коррелирующую с сакральностью русской монархии.

В.М. Флоринский искренне верил в то, что появление университета обязательно приведет к изменению городского ландшафта и «оживит» сибирскую окраину в целом. Национальной, полезной и огражденной от европейских «quasi-гуманных идей» науке отводилась главная роль в этом процессе[505]. Видимо, сама идея создания национальной науки «витала в воздухе», поэтому университет, задуманный В.М. Флоринским как «духовное орудие» в деле «покорения» Сибири и символически «начавшийся» с открытия церкви, вскоре оказался привлекательным для

---

[503] Флоринский В.М. Речь по поводу открытия Императорского томского университета… С. 6.

[504] Дутчак Е.Е., Кашпур В.В. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 118.

[505] Мысли и воспоминания о моем детстве… Л. 42.

либеральной профессуры и студентов, «выдавленных» из Европейской России уставом 1884 г.[506]

По замыслу В.М. Флоринского, неотъемлемой частью сибирского «храма науки» должна была стать библиотека. Именно в ней должны храниться книги, являющиеся для ученого сообщества особо почитаемой «святыней» и служащие ему для преумножения научного знания. Такое понимание роли библиотеки органично вписывалось в его концепцию университетского пространства и его представления об общественной и культурной миссии Императорского Томского университета.

3.2 Корпус документов В. М. Флоринского по истории формирования университетской библиотеки

В.М. Флоринский изложил свой подход к организации библиотеки еще в 1877 г. в «Проекте предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета» (Приложение И)[507]. Его можно назвать своеобразным программным документом, содержащим основные принципы комплектования фондов и представляющим саму библиотеку как неотъемлемую часть университетского пространства.

Именно библиотека, по мнению В.М. Флоринского, была тем самым базовым, структурообразующим элементом «прочного фундамента» университета: «Для всякого учебного учреждения библиотека составляет необходимейшее пособие – источник духовной силы, без которого немыслима ученая жизнь»[508]. В проекте он также отмечал, что главной проблемой, с которой столкнется новое учебное заведение, – удаленность от основных центров науки, аккумулирующих важнейшие источники информации.

---

[506] Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной науки. Томск, 1998. С. 226–228, 455.

[507] НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/822. Л. 72–74.

[508] Проект предложения к пожертвователям… Л. 72.

В этих условиях университет мог ликвидировать свой конкурентный недостаток только за счет универсального библиотечного фонда, куда должны были входить основополагающие научные труды: «В столичных университетах ученый исследователь всегда имеет возможность отыскать литературные источники в любом из богатых книгохранилищ; но в Томске… можно рассчитывать только на местную университетскую библиотеку. Поэтому она должна заключать в себе возможно полное собрание литературы по всем отраслям знаний»[509].

У основателя Сибирского университета сложились определенные представления о «правильном» формировании фонда библиотеки. По его мнению, книжное собрание университета должно состоять, прежде всего, из многотомных фундаментальных трудов («старые сочинения», «труды, творящие науку»), которые написаны известными учеными прошлого. Каждому исследователю, как считал В.М. Флоринский, необходимо знать историю изучения своего предмета и разрабатывать научную тему на «исторической почве» в опоре на труды предшественников.

Разбирая книги в 1881 г., поступившие для библиотеки, В.М. Флоринский высоко их оценивал: «Перебирая многотомные фолианты французской литературы (напр[имер] *знаменитую* [дописано] энциклопедию Diderot et d'Alemberta, творения Кюве, Бюффона, бесконечные издания Панкука и пр. и пр.), невольно удивляешься колоссальному труду и терпению, положенным на эти издания. Сравнительно с ними нынешние *ученые* [дописано] работки представляются школьными тетрадками»[510].

При этом ученый подчеркивал, что уже «новая наука» повсеместно диктует свои правила, а «старые авторитеты», как его любимый учитель Рудольф Вирхов, «развенчиваются» и считаются «отсталыми и устаревшими». Этот естественный процесс заставил его задуматься над вопросом – должен ли научный прогресс заключаться «в беспрерывной смене старых кумиров и в увлечении новыми божками, новыми идеями и новыми методами научных работ»? И тут же отвечал

[509] Проект предложения к пожертвователям… Л. 72.
[510] Дневные записки 1881 г. … Л. 28.

на него категоричным отрицанием: «Плоха та наука, которая забывает свои корни, заботясь лишь о весеннем цветке… По-моему, хорошо не то, что модно, а то, что прочно и устойчиво; прочность же создается не иначе, как на старых фундаментах»[511].

Именно поэтому Сибирскому университету нужна хорошо организованная и универсальная по составу библиотека, считал В.М. Флоринский, удовлетворяющая исследовательский интерес ученых разных специальностей. И в этом деле особенно важны «старые сочинения», которые сохраняют преемственность поколений, не теряя при этом научной значимости: «Обширная и всесторонняя по содержанию библиотека есть необходимейший и самый прочный фундамент нашего духовного развития, и плохой тот профессор, который будет иметь перед глазами только новости текущего дня, не интересуясь, что делали и как думали наши предшественники. Профессор без хорошей библиотеки – это воин без оружия… Мыслящий профессор должен искать в книге не текущие новости, а новые идеи. Для этой цели старая хорошая книга сплошь и рядом дает больше пищи, нежели современный газетный листок, которым, к сожалению, у нас слишком много увлекаются»[512].

В.М. Флоринский признавал, что в отличие от «новейшей текущей литературы» найти такие сочинения будет достаточно сложно: «Для приобретения их недостаточно иметь средства – нужно иметь случай. Этих сочинений нельзя найти в книжных магазинах, очень часто нельзя найти и у лучшего букиниста. Поэтому ценность их определяется не одним только достоинством содержания, но и редкостью или трудностью приобретения»[513].

В «Проекте…» В.М. Флоринский представил структуру организации книжного фонда, разделенного на: 1) фундаментальную библиотеку; 2) специальные библиотеки при профессорских кабинетах; 3) студенческую библиотеку[514].

---

[511] Дневные записки 1881 г. … Л. 28–28 об.
[512] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Март. С. 585
[513] Проект предложения к пожертвователям… Л. 73.
[514] Там же. Л. 74.

Кроме того, в этом программном документе В.М. Флоринский охарактеризовал будущую стратегию пополнения книжных фондов, поставив перед собой главную задачу – организовать универсальную по своему составу библиотеку еще до открытия университета. При этом он обратил особое внимание на два момента. Во-первых, формирование специализированной коллекции «Сибирика», в которую должны были войти сочинения по изучению разных сторон жизни сибирского края. Он отмечал, что такое собрание крайне необходимо для того, чтобы будущий университет стал не только учебным учреждением, но и центром научного изучения Сибири «по всем царствам природы, по истории и этнографии ее жителей».

Во-вторых, приобретение частных книжных собраний, тщательно подобранных их владельцами. Ученый-медик уже знал, каким образом можно было заполучить подобные коллекции. Его надежды были обращены к собирателям или их наследникам, которые могли продать или пожертвовать свои «книжные сокровища» для Сибирского университета во имя идеалов русской науки: «Из уважения к науке они не захотят, чтобы собранное ими в течение жизни с любовью и благоговением было расточаемо через руки букинистов и непросвещенной толпы. Они не променяют дорогих их сердцу интересов науки на несколько десятков рублей, вырученных с продажи, на пуды печатной бумаги»[515].

Выбранный подход к комплектованию фондов достаточно быстро оправдал себя, и в Сибирском университете оказалась родовая библиотека Строгановых[516]. В своих мемуарах устроитель университета подробно останавливается на истории ее приобретения.

Осенью 1875 г. В.М. Флоринский как член особой комиссии по пересмотру общего университетского устава работал в Одессе, где познакомился с графом А.Г. Строгановым. Будучи еще в Петербурге, он узнал о существовании родовой

---

[515] Проект предложения к пожертвователям… Л. 73.

[516] По поводу характера этого собрания в научной литературе существуют полярные точки зрения. Нам представляются более убедительными аргументы Г.И. Колосовой о Строгановской библиотеке именно как «родовой». См.: Колосова Г.И. Личные библиотеки в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки ТГУ // Русская книга в Сибири: фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек. Новосибирск, 1988. С. 31–46; Крупцева О.В. Экслибрисы в книжном собрании графа Г.А. Строганова в Томске // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2. С. 78–86.

библиотеки графов Строгановых, «хранившейся с конца пятидесятых годов в кладовых внутри Гостиного двора в Петербурге»[517], прежним владельцем которой был Г.А. Строганов – известный государственный и общественный деятель. После его смерти библиотека перешла по наследству детям, у которых, как замечал В.М. Флоринский, имелись свои богатые книжные коллекции.

В беседе с А.Г. Строгановым, затронув тему открытия Сибирского университета, В.М. Флоринский не мог не поинтересоваться у графа о его планах относительно этого ценного собрания: «Я не упустил случая напомнить… что знаменитый род Строгановых, триста лет тому назад принимавший деятельное участие в снабжении Ермаковой дружины материальными средствами… отнесется также сочувственно и к духовному покорению Сибири, орудием которого предназначается быть Томскому университету»[518]. А.Г. Строганов выразил готовность предать ее «для нужд будущего университета», но попросил провести переговоры по этому вопросу со своим братом – С.Г. Строгановым. Тот тоже дал согласие, выдвинув условие, что архив его отца будет передан в Одессу, а найденные там «редкие рукописи» – в Публичную библиотеку. Вопрос был решен, и в 1879 г. Строгановская библиотека поступила в Министерство народного просвещения, а в июле 1880 г. была доставлена в Томск.

Устроитель Сибирского университета признавался, что, принимая библиотеку графов Строгановых, он не знал ее состава, да и сами жертвователи, по всей видимости, «имели о ней неясное представление». Приступив в Томске к разбору ящиков с книгами, В.М. Флоринский отметил: «О значении Строгановской библиотеки я здесь распространяться не буду. Скажу лишь вкратце, что это оказался неоценимый научный клад, такое сокровище, каким едва ли могут обладать даже самые богатые и старые наши столичные университеты»[519].

В мемуарах В.М. Флоринский неоднократно повторял о ее исключительной ценности для университета и давал экспертную оценку некоторым ее раритетам: «На днях, в одном из ящиков нашли больше десятка рукописей, почти

[517] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Март. С. 583.
[518] Там же. С. 584.
[519] Там же. С. 584–585.

исключительно духовного содержания, на латинском и французском языках, писанных на пергамене, с *художественными* [дописано сверху] виньетками и заставками. Между ними оказалось также одно замечательное русское печатное [дописано сверху] издание – это Радищева, Путешествие из Петербурга в Москву. Важность этого экземпляра заключается в том, что он принадлежал А.С. Пушкину… В том же ящике оказалась еще рукопись, принадлежащая Пушкину, – это русский перевод записок Манштейна… Судя по почерку, этот перевод и список, вероятно, принадлежит началу текущего столетия, следов[ательно] он был сделан раньше издания перевода Мальгина (Москва, 1823 г.)… Две последние находки вдвойне интересны: как библиографические редкости и как *дорогие* [дописано сверху] воспоминания о нашем великом поэте. По этим отрывкам его библиотеки… можно судить, какими духовными интересами дорожил Александр Сергеевич»[520].

Таким образом, родовая библиотека Строгановых стала настоящей книжной жемчужиной Томского университета и объектом изучения нескольких поколений исследователей[521]. Достигнутый успех в получении столь ценной библиотеки мотивировал В.М. Флоринского на дальнейшие поиски необходимых университету книжных редкостей.

Сразу после известия об открытии Сибирского университета в Министерство народного просвещения стали поступать многочисленные предложения о продаже тех или иных личных собраний. По указанию министра Д.А. Толстого В.М. Флоринскому делегировались полномочия контролировать поступившие коллекции, организовать их прием и разборку, а также находить новые источники привлечения пожертвований на приобретение книг.

---

[520] Путевые заметки и дневные записки 1880 г. … Л. 41.

[521] Милютин А.И. Библиотека Строгановых // Русский библиофил. 1914. № 2. С. 5–24; № 4. С. 26–40; Крупцева О.В. Издания восемнадцатого века о Сибири в библиотеке Г.А. Строганова // Третьи Макушинские чтения. 12–14 мая 1994. Новосибирск, 1994. С. 205–207; Ее же. Книжная коллекция Г.А. Строганова в Томске (новые сведения) // Проблемы литературных жанров : материалы X Междунар. науч. конф. 15–17 окт. 2001 г. Томск, 2002. С. 27–29; Её же. Рукописные каталоги библиотеки Г.А. Строганова // Девятые Макушинские чтения : материалы науч. конф., 15–16 мая 2012 г., г. Барнаул. Новосибирск, 2012. С. 65–69; Колосова Г.И. Русские книги XVIII в. в Строгановском книжном собрании, хранящемся в Научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7). С. 67–73; Жеравина О.А. Образы саламанкских ученых в серии портретов выдающихся испанцев (из книжного собрания Строгановых Научной библиотеки Томского государственного университета) // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 2 (6). С. 57–64; Её же. Российская тема в английских изданиях из библиотеки Строгановых // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2. С. 38–44.

В 1877 г. по рекомендации В.М. Флоринского потомственный почетный гражданин Красноярска и меценат П.И. Кузнецов, будучи в Петербурге, приобрел из дублетного фонда Публичной библиотеки «до 380 томов книг и 134 брошюр», ранее принадлежавших профессору Петербургской духовной академии В.Н. Карпову[522]. Собрание преимущественно состояло из изданий религиозного содержания.

Не без участия В.М. Флоринского в Томске в 1879 г. оказались также библиотеки В.А. Жуковского и князей Голицыных. Примечательно, что при разборе этих собраний он оставил на некоторых приглянувшихся ему рукописях пометы и экспертные записи, характеризующие его как библиофила, знающего ценность этих фолиантов (Приложение К)[523].

В поисках книг В.М. Флоринский использовал все имеющиеся личные связи с коллегами и друзьями, просил информировать его о личных библиотеках, которые могут быть подарены или проданы университету за небольшую сумму.

Так, еще в Медико-хирургической академии он подружился с И.Т. Глебовым, известным отечественным физиологом и анатомом. В фондах НМРТ сохранилось два письма И.Т. Глебова, которые были отправлены В.М. Флоринскому, перебравшемуся к тому времени в Казань. В письме от 15 декабря 1878 г. он интересовался, как прошел переезд Василия Марковича в Казань, и спрашивал: «О моем обещании поделиться моей библиотекой с будущим Сибирским университетом помню и, если угодно, готов и сейчас выделить часть ее, но кому передать?»[524].

В письме от 5 января 1879 г. И.Т. Глебов подтверждал свое намерение передать часть библиотеки и сообщал о том, что после смерти историка и критика русской литературы, профессора Санкт-Петербургского университета А.В. Никитенко осталась его «замечательная» библиотека, которую можно выкупить у вдовы профессора за небольшую сумму: «Для университета это будет драгоценное приобретение… Если хотите, можете познакомиться близко и подробно с этой библиотекой. Есть каталог. Если угодно, я похлопочу, его вдова вышлет Вам, только

---

[522] Флоринский В.М. Предисловие… С. I–II.

[523] Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета / сост. В.А. Есипова. Томск, 2009. Вып. 2. 605 с.

[524] Письмо И.Т. Глебова – В.М. Флоринскому, 15 дек. 1878 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/822. Л. 88.

сообщите адрес, куда и как выслать. Во всяком случае напишите мне ответ насчет этого предмета»[525].

В.М. Флоринский, видимо, достаточно быстро ответил на письмо И.Т. Глебова. Изучив каталог, он пожелал приобрести книжное собрание профессора. Средства на ее покупку в размере 2 000 рублей были выплачены из суммы, специально пожертвованной (5 000 рублей) Томской городской думой на покупку книг для университета[526].

Действительно, библиотека А.В. Никитенко, насчитывающая более 2 тыс. томов, оказалась уникальным книжным собранием, где были представлены издания гуманитарного содержания на русском языке. Причем свыше 250 книг имели дарственные надписи его известных современников – В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, А.Н. Островского, И.А. Гончарова и др.[527]

Возвращаясь к судьбе библиотеки И.Т. Глебова, укажем, что она по завещанию владельца была передана университету его супругой в 1885 г. В состав этого книжного собрания в основном входили медицинские издания на немецком, французском и латинском языках XVIII – первой половины XIX в.

Устроителю Сибирского университета удалось установить доверительные отношения с директором Императорской публичной библиотеки – И.Д. Деляновым и сменившим его в 1882 г. А.Ф. Бычковым. В.М. Флоринский, приезжая в Петербург по служебным делам, проводил много времени в ее дублетном фонде в надежде найти нужные для университета книги. В результате им было отобрано свыше 3,3 тыс. томов редких художественных и научных изданий XVII–XVIII вв.[528] В декабрьских записях дневника 1880 г. В.М. Флоринский отмечал: «Для Сибирского университета еще отобрал из дублетов Публичной библиотеки большую партию книг. Иван Давыдович Делянов и Афанасий Федорович Бычков

---

[525] Письмо И.Т. Глебова – В.М. Флоринскому, 5 янв. 1879 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/465. Л. 2.

[526] Милютин А.И. Библиотека… С. 233.

[527] Колосова Г.И. Собрание книг А.В. Никитенко в фондах Научной библиотеки Томского университета // Книга в России XVII – начала XIX в.: проблема создания и распространения : сб. науч. тр. Л., 1989. С. 124–131; Ее же. Библиотека профессора, историка литературы А.В. Никитенко: подходы и методы исследования // Проблемы литературных жанров : материалы X Междунар. науч. конф., посвященной 400-летию г. Томска, 15–17 октября 2001 г. Томск, 2002. Ч. 1. С. 21–26.

[528] Флоринский В.М. Предисловие… С. II.

настолько любезны, что не потребуют немедленной уплаты и позволяют оставить отобранные экземпляры на хранение в библиотеке до тех пор, пока Сибирский университет изыщет средства для расплаты и пересылки»[529].

Знаток книжных редкостей и известный эксперт на отечественном книжном рынке А.Ф. Бычков также смог оказать существенную помощь В.М. Флоринскому в деле формирования университетской библиотеки. Так, в письме от 29 марта 1881 г. он сообщал В.М. Флоринскому о продаже книжного собрания профессора Петербургской духовной академии Д.И. Ростиславова: «Несколько дней тому назад я отправил Вам каталог [библиотеки], принадлежавшей д.с.с. Ростиславову. Библиотека эта хорошая и с пользою могла бы быть приобретена для Томского университета. Владелец ее желает получить за нее 300 рублей, и мне кажется, что цена эта довольно умеренная»[530]. В.М. Флоринский, ознакомившись с каталогом библиотеки (преимущественно это были книги по богословию, философии и естественнонаучным дисциплинам), решил ее приобрести. Сумма в размере 309 рублей была собрана благодаря стараниям томского купца И.В. Ефимова, который смог организовать подписку по Сибири[531].

В феврале 1882 г. А.Ф. Бычков проинформировал В.М. Флоринского о книжной коллекции графа Д.Н. Блудова: «Эта библиотека, как Вы увидите сами, может пополнить библиотеку Сибирского университета сочинениями по части исторических и юридических наук… Графиня Антонина Дмитриевна очень хочет, чтобы библиотека ее отца, одного из видных государственных деятелей в России, сохранилась в каком-либо учебном учреждении»[532]. По всей видимости, В.М. Флоринский не смог собрать необходимую сумму для ее покупки, и сейчас книжное собрание Д.Н. Блудова хранится в фондах Российского государственного исторического архива.

---

[529] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Июнь. С. 608.

[530] Письмо А.Ф. Быкова – В.М. Флоринскому, 29 марта 1881 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/69. Л. 1.

[531] Флоринский В.М. Предисловие… С. III.

[532] Письмо А.Ф. Быкова – В.М. Флоринскому, 11 февраля 1882 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/69. Л. 1.

Благодаря стараниям А.Ф. Бычкова в библиотеку Сибирского университета попали книги из библиотеки А.Д. Шумахера – сенатора, директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. В архиве В.М. Флоринского сохранилось письмо А.Д. Шумахера, отправленное в апреле 1882 г., где он сообщал: «…три ящика с книгами (с прилагаемым списком) приносится мною в дар учрежденного в Сибири университета»[533], уже в июне 1882 г. А.Ф. Бычков пишет В.М. Флоринскому: «Имею честь препроводить при сем к Вашему превосходительству список книг, пожертвованных сенатором Шумахером Сибирскому университету и вместе с сим, что как означенные книги, так и книги, пожертвованные г. министром народного просвещения Н.Д. Деляновым и другими лицами, препровождены в числе шести ящиков в департамент народного просвещения для доставления по принадлежности»[534]. В 1883 г. эти книги вместе с библиотеками Д.И. Ростиславова, И.А. Тютчева и изданиями от Цензурного комитета и Главного управления по делам печати были получены в Томске (всего 38 ящиков)[535].

Эта информация позволяет обратить внимание на особый вид учетных документов, составляемых В.М. Флоринским – «Реестр грузов полученных в г. Томске для учебных пособий и принадлежностей Сибирского университета» (Приложение Л), где им указывались номера квитанций, места отправления грузов, число ящиков с книгами и их общий вес, дата получения и сумма транспортных расходов. Источник дает возможность детализировать историю комплектования фондов университетской библиотеки. Так, первые посылки из Петербурга были доставлены в Томск на имя директора Томской губернской гимназии И.К. Смирнова через контору Российского общества транспортирования клади: в августе 1879 г. в Томск пришло 30 ящиков (собрания А.В. Никитенко, А.И. Артемьева, В.И. Лапшина и 4 ящика из Публичной библиотеки), в октябре 1879 г. – 88 ящиков (собрания В.А. Жуковского, Н.М. Якубовича, книги из

[533] Письмо А.Д. Шумахера – В.М. Флоринскому, 15 апреля 1882 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/822. Л. 1.

[534] Письмо А.Ф. Быкова – В.М. Флоринскому, 22 июня 1882 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/822. Л. 186.

[535] Реестр грузов… Л. 495.

Публичной библиотеки, в числе которых было 36 ящиков с книгами, принадлежавших С.М. Голицыну); в июле 1880 г. – 142 ящика Строгановской библиотеки. Таким образом, за период 1879–1880 гг.[536] в Томск было транспортировано 264 ящиков весом 2 881 пудов. Все книжные грузы, поступившие до 1885 г., размещались в Биржевом корпусе купца А.И. Грехова[537].

В 1883 г. по представлению В.М. Флоринского и с разрешением министра народного просвещения И.Д. Делянова из Томской губернской гимназии в университетскую библиотеку были переданы «ученые журналы и книги по естествознанию и горной промышленности». В.М. Флоринский писал об этом: «Коллекция этих специальных книг, более 1 500 томов, досталась гимназии случайно, после смерти местного золотопромышленника Асташева. В университете эти издания могут принести существенную пользу как справочный материал по исторической разработке разных научных вопросов из области естествознания и промышленности»[538].

После переезда в октябре 1877 г. в Казань В.М. Флоринский, уже являясь ординарным профессором Казанского университета, не забывал о нуждах Сибирского университета и благодаря новым знакомствам смог организовать приобретение нескольких личных библиотек представителей казанской интеллигенции.

Например, из библиотеки профессора А.И. Артемьева В.М. Флоринским было отобрано 1 500 томов книг, преимущественно издания по истории, этнографии, географии и статистике[539]. Его сын в письме к В.М. Флоринскому от 2 мая 1879 г. сообщал: «…книги из библиотеки моего покойного отца, которые вы отобрали как пригодные для библиотеки будущего Сибирского университета, мы [могли] бы продать за 1 500 рублей, если Вы эту сумму найдете слишком большой… сообщите

---

[536] Издатели мемуаров не знали этих деталей или решили их объединить, поэтому в опубликованном тексте указана единая дата доставки всех указанных книжных грузов в Томск – весна 1880 г. См.: Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Март. С. 582–583.

[537] Реестр грузов… Л. 493–497.

[538] Флоринский В.М. Предисловие… С. III.

[539] Милютин А.И. Библиотека… С. 233.

сколько вы можете дать за эти книги»[540]. В результате библиотека А.И. Артемьева была приобретена за 900 рублей Министерством народного просвещения из средств Томской думы и уже в 1880 г. прислана в Томск[541].

29 января 1881 г. в Томск из Казани были доставлены книги, пожертвованные Казанским университетом и Обществом естествоиспытателей, а также 162 тома изданий из библиотеки профессора чистой математики Казанского университета А.В. Васильева – основателя казанской физико-математической научной школы и автора труда «Жизнь и научное дело Н.И. Лобачевского». Библиотека А.В. Васильева примечательна наличием в ней трудов Парижской академии наук с 1699 по 1790 г., собранных его родственником И.М. Симоновым – почетным членом Парижской Академии наук и профессором астрономии Казанского университета. Вероятно, не без участия В.М. Флоринского в библиотеке Сибирского университета оказалось книжное собрание А.Н. Орлова – члена Казанской судебной палаты. 21 июня 1883 г. она в количестве 875 изданий, преимущественно по уголовную праву, поступила в Томск[542].

Архив В.М. Флоринского раскрывает также некоторые аспекты появления в стенах Томского университета библиотеки В.А. Басова – известного отечественного хирурга, профессора Московского университета. В июне 1883 г. вице-директор департамента Народного просвещения Г. Узов сообщил В.М. Флоринскому: «Действительный статский советник Басов обратился в Министерство Народного Просвещения с докладной запиской, в которой предложил принять в дар для Сибирского университета оставшуюся после смерти его дяди, заслуженного профессора Московского университета, В.А. Басова медицинскую библиотеку из 1 600 названий. При этом Басов ходатайствует, чтобы в случай принятия этого дара Министерством, означенная библиотека была помещена, не раздробляясь в собрании книг, под именем библиотеки В.А. Басова и чтобы расходы по упаковке и пересылке этой библиотеки Министерство приняло на свой счет». Далее министерский чиновник

---

[540] Письмо Н. Артемьева – В.М. Флоринскому, 2 мая 1879 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/393. Л. 1.

[541] Реестр грузов… Л. 493; Милютин А.И. Библиотека… С. 234.

[542] Милютин А.И. Библиотека… С. 234.

поинтересовался у В.М. Флоринского, «не имеется ли в виду Вашего Превосходительства каких-либо средств на присылку этой библиотеки, так как в распоряжении Министерства нет никаких свободных средств»[543].

В.М. Флоринскому удалось найти деньги на транспортировку. По этому поводу сын профессора в письме от 26 июня 1884 г. напишет: «…отправил библиотеку покойного профессора В.А. Басова в количестве свыше 1 630 названий в шести ящиках на имя Сибирского университета в Томск» вместе с карточным каталогом, составленным им «без всякой систематизации с соблюдением единственно того, чтобы каждая карточка заключала в себе одно только название». Кроме того, отправитель письма изъявил беспокойство за сохранность отправленных атласов по хирургии «так как от сырости рисунки могут несколько потускнеть»[544]. Устроитель Сибирского университета, оценивая библиотеку профессора В.А. Басова, замечал: «[В] 1884 году [9 июля] Томский университет получил очень ценный вклад по отделу медицинских наук. При передаче этой библиотеки было поставлено условием, чтобы она не разбивалась по разным шкафам, а была помещена как отдельное целое с надписью на шкафах имени жертвователя, что было исполнено… Библиотека заключала в себе более 3 000 томов книг и атласов, почти исключительно по хирургии и сродным с нею наукам»[545].

В июле 1883 г. Сибирскому университету свою библиотеку подарил томский доктор Н. Корнатовский. В письме к В.М. Флоринскому он сообщал: «Я и моя жена Екатерина Николаевна, имея библиотеку из 650 книг, состоящую из научных сочинений и атласов по разным отраслям медицины и беллетристических произведений многих знаменитых авторов (Вольтера, Гете, Шиллера, Вольтера, Руссо, Байрона, Гюго и др.), принадлежащих моей жене, на латинском, французском, немецком, английских, итальянских языках, решились пожертвовать эти книги в библиотеку Сибирского университета»[546]. Владелец отмечал, что их желание

---

[543] Письмо Г. Узова – В.М. Флоринскому, 11 июнь 1883 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/753. Л. 1.

[544] Письмо В.П. Басова – В.М. Флоринскому, 26 июня 1884 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/403. Л. 1–2.

[545] Флоринский В.М. Предисловие… С. IV–V.

[546] Письмо Н.С. Корнатовского – В.М. Флоринскому, 4 июля 1883 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/550. Л. 1.

отдать книги именно сюда «происходит от глубокого уважения, которое я и моя жена питают как лично к вам, так и к Вашей полезной деятельности», благодарил Н. Кортановский также устроителя университета за его профессиональные советы и наставления в своей врачебной практике в Томске: «Вы как истинный друг человечества постоянно с охотой откликались на мой просьбы, и я, пользуясь Вашим руководством и вниманием, мог оказывать существенную пользу моим больным. История отведет Вам подобающее место на своих скрижалях, как известному ученому и деятелю на пользу просвещения конца XIX столетия»[547].

В.М. Флоринский в предисловии к первому тому печатного каталога библиотеки посчитал важным перечислить имена дарителей и учреждений, которые пожертвовали университету книжные коллекции или отдельные сочинения. В их числе был известный отечественный изобретатель и инженер П.К. Энгельмейер, который в письме к В.М. Флоринскому от 20 марта 1883 г. сообщал: «Я желаю пожертвовать в библиотеку Томского университета следующее: 1) Dictionnaire des sciences Médicales… (60 vols) 1812–1822; 2) Journal supplémentaire des sciences médicales. (37 vols) 1818–1830. Соблаговолите написать на имя Софии Петровны Энгельмейер, куда и как отправить ей эти книги, находящиеся у нее, чтобы это ей ничего не стоило»[548].

В 1885 г. В.М. Флоринский становится попечителем Западно-Сибирского учебного округа и переезжает вместе с семьей в Томск, где к этому времени в результате его плодотворной деятельности удалось собрать свыше 70 тыс. томов книг и журналов. Такое большое количество книг предстояло еще систематизировать и описать, а кроме того – отрегулировать принципы работы самой библиотеки. В.М. Флоринский решил поручить это своему коллеге по Казанскому обществу археологии, истории и этнографии С.К. Кузнецову, предложив ему должность библиотекаря Сибирского университета[549].

---

[547] Письмо Н.С. Корнатовского – В.М. Флоринскому, 4 июля 1883 г. … Л. 2.

[548] Письмо П.К. Энгельмейера – В.М. Флоринскому, 20 марта 1883 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/807. Л. 1.

[549] Должности директора библиотеки тогда не было, но библиотекарь, по существу, являлся заведующим библиотекой и отвечал за формирование, организацию, сохранность и каталогизацию фондов, а также обслуживание читателей.

Стоит отметить, что между ними практически сразу сложились весьма напряженные отношения. Так, в письмах А.Н. Островскому С.К. Кузнецов критиковал административные способности попечителя учебного округа, отмечая в нем «непомерную амбициозность и злопамятность»[550]. На отношениях двух ученых в том числе сказались их разногласия в оценке археологического памятника Томский могильник[551].

Трудно сказать, насколько С.К. Кузнецов был объективен в своих оценках личности В.М. Флоринского как ученого и администратора. Судя по его воспоминаниям, первые годы работы в Сибири давались ему весьма тяжело: «Работа душит до того, что я мысленно считаю себя сосланным на каторгу… Почему-то мне сдается, что меня убьет эта библиотека, и убьет скоро»[552].

Можно предположить, что со временем эмоции ушли, и С.К. Кузнецов, изменил свое мнение. Так, в кратком очерке 1898 г., посвященном истории Томского университета, он отмечал заслуги В.М. Флоринского в создании Сибирского университета, в особенности его инициативу по учреждению Археологического музея и усилия по подготовке и изданию печатных каталогов библиотеки[553].

Впоследствии известный библиофил и историк книги И.Г. Иваск отметит заслуги и самого С.К. Кузнецова: «Неустанная бессменная работа библиотекаря-радетеля, библиотекаря-книголюба, библиотекаря-энциклопедиста – вот какие неувядающие цветы вплетены в венок Стефана Кировича на протяжении 17-летнего служения его делу культуры и науки в Сибири»[554].

Получив должностные полномочия попечителя Западно-Сибирского учебного округа, В.М. Флоринский использовал их для пополнения фондов университетской библиотеки. Во время служебных поездок он обратил внимание на книжные собрания учебных заведений, в составе которых могли храниться ценные издания XVIII –

---

[550] Смирнов А.С. «…Чего стоила мне эта библиотека!..». Письмо первого библиотекаря Томского университета С.К. Кузнецова библиофилу А.Н. Островскому. 1886 г. // Отечественные архивы. 2014. № 2. С. 103–118.

[551] Смирнов А.С. Третейский суд о Томском могильнике // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 369. С. 96–103.

[552] Цит. по: Смирнов А.С. «…Чего стоила мне эта библиотека!..»… С. 108, 115.

[553] Кузнецов С.К. Императорский Томский университет // Сибирский торгово-промышленный календарь за 1898 год. Томск, 1898. С. 611–615.

[554] Иваск У.Г. С.К. Кузнецов [Некролог] // Библиографические известия. 1913. № 3. С. 257.

первой половины XIX в. В 1887 г. он обратился к министру народного просвещения с прошением об их передаче в библиотеку университета[555]. В частности, из Березовского уездного училища было привезено несколько редких изданий, среди которых оказался автограф второго тома сочинения «История обозрения Сибири» П.А. Словцова (1767–1863) с авторскими комментариями, пометами и подготовительными материалами[556].

Несмотря на финансовые трудности, В.М. Флоринский не забывал о покупке отдельных особо ценных изданий. Так, в одном из писем, адресованных А.И. Дмитриеву-Мамонову, он писал: «Будущей весной непременно заеду к вам, если только изберу путь через Тобольск. Относительно “Иртыша превращающегося в Ипокрену”, то его нет ни в библиотеке Сибирского, ни Казанского университета. Я знаю этот журнал по экземпляру, находящемуся в библиотеке нашего профессора Булича, и то не по полному. Если бы возможно было достать экземпляр этого издания и не за особенно дорогую цену, то я был бы очень благодарен за эту находку. Для библиотеки Сибирского университета это был бы ценный вклад, как редкое и первое литературное Сибирское издание»[557].

Из документов, хранящихся в архиве ученого, мы узнаем, что ему поступал целый ряд предложений о покупке собраний, оставшихся после смерти владельцев. Многие из них, вспоминал В.М. Флоринский, ему пришлось отклонить в силу их высокой стоимости или тематической «непригодности» для университета.

Перечислим лишь некоторые из непоступивших в Томский университет в силу указанных причин: «собрание древних рукописей» А.Н. Попова – исследователя древней русской письменности, почетного доктора русской словесности Московского университета, впоследствии оказавшееся в фондах Российской государственной

---

[555] Ивановская Е.В. К вопросу о формировании фонда Научной библиотеки Томского государственного университета: книги из библиотек уездных училищ Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2 (14). С. 77–80.

[556] См. об этом: Есипова В.А. Семья Словцовых и рукописное наследие Сибири (по материалам Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета) // Чукмалдинские чтения: библиофильские интересы российской провинции : тез. науч.-практ. конф. Тюмень, 2010. С. 90–95; Есипова В.А. Автограф П.А. Словцова из коллекции отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 2010. С. 361–364; Есипова В.А. Как работал сибирский историк XIX в.: реконструкция круга источников и методов работы (П.А. Словцов и Ф.А. Прядильщиков) // Вторые Чукмалдинские чтения: книга как памятник культуры: тез. науч.-практ. конф. Тюмень, 2011. С. 25–31.

[557] Дмитриев-Мамонов А.И. К истории первого университета… С. 55.

библиотеки[558]; собрание книг медицинского содержания учителя В.М. Флоринского в медико-хирургической академии А.А. Китера[559]; более 4 тыс. томов книг Г.И. Коппа, в основном по истории средневековой литературы и фольклору разных европейских народов (в 1883 г. оно было приобретено Московским университетом за 3 000 рублей)[560]. Особо В.М. Флоринский сожалел о ценной, с его точки зрения, коллекции кириллических книг почетного гражданина города Чигирина Ф.М. Болдарева, которую не удалось приобрести «по неимению в то время денежных средств». Ее каталог, перечислявший 60 изданий и 2 рукописи, сохранился в архиве ученого[561].

Даже после назначения С.К. Кузнецова устроитель Сибирского университета не оставался безучастным к деятельности библиотеки. Именно им были разработаны принципы размещения книг по трем отделениям: иностранному, русскому и медицинскому. По его распоряжению из большого количества дублетов формировались фонды студенческой и кафедральных библиотек. По замыслу В.М. Флоринского, неделимыми книжными коллекциями должны были остаться только родовая библиотека Строгановых и частные собрания некоторых профессоров-медиков – В.И. Басова, В.Г. Лашкевича, П.А. Вальтера, П.А. и А.П. Загорских. Для «лучшего порядка в распределении, описании и проверке» В.М. Флоринский предложил издать печатный каталог. Его первый том вышел в 1889 г. и включил в себя 20 тыс. названий книг, размещенных в «иностранном отделении»; в предисловии к нему В.М. Флоринский кратко охарактеризовал все частные книжные собрания и отдельные дарственные издания, переданные до открытия университета[562].

Первым организационно-методическим документом, регулирующим деятельность библиотеки стали «Правила пользования библиотекой Императорского

---

[558] Письмо А.А. Зборжевского – В.М. Флоринскому, 8 октября 1881 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/508.

[559] Письмо К. Китера – В.М. Флоринскому, 16 апреля 1879 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/535.

[560] Письмо К. Лебедева – В.М. Флоринскому, 9 марта 1883 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/580; Сорокин В.В. История библиотеки Московского университета (1800–1917 гг.). М., 1980. С. 137.

[561] Флоринский В.М. Заметки и воспоминания… Март. С. 574.

[562] Флоринский В.М. Предисловие… С. I–VIII.

Томского университета», составленные В.М. Флоринским и С.К. Кузнецовым[563]. В доработанном виде они были утверждены министром народного просвещения И.Д. Деляновым 15 июля 1892 г.[564]. В разделе «Пользование библиотекой» говорилось о разделении всех имеющихся книг на три категории по степени их доступности. К первой категории относились «сочинения запрещенные цензурой и издания, подлежащие тайне», читать которые разрешалось в помещениях библиотеки и только с разрешения Совета университета; ко второй – рукописи, редкие издания, эстампы, гравюры, работать с такими экземплярами можно было уже без санкции Совета. Все остальные книги относились к третьей категории и выдавались на дом. В этом же разделе разъяснялась – кто и в каком количестве имеет возможность получать книги домой. Стоит отметить также 53-й параграф, где указывалось, что «никто не может пользоваться отпуском из Томска, не предоставив письменного удостоверения библиотеки о возвращении взятых им книг»[565].

22 июля 1888 г. в своей приветственной речи на официальном открытии Томского университета В.М. Флоринский отметил готовность библиотеки участвовать в развитии «рассадника высшего образования»: «Относительно учебных и научных пособий Томский университет может считать себя особенно счастливым. Люди, близко принимающие к сердцу потребности высшего просвещения, помогли ему подготовить к открытию учебных курсов богатые коллекции по многим отраслям естествознания»[566].

В результате целенаправленной деятельности В.М. Флоринскому удалось решить трудную задачу, которую он ставил перед собой – еще до открытия Сибирского университета создать универсальную по своему составу библиотеку, которая могла стать базисом для успешной научно-педагогической деятельности. Так, к 1888 г. в фондах библиотеки хранилось более 96 тыс. томов книг и журналов, а к 1898 г. в библиотеке было накоплено свыше 162 тыс. томов. В этом отношении

---

[563] В архиве В.М. Флоринского нами выявлен черновой проект документа. См.: Правила для управления и пользования библиотекой Томского университета // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/580. 10 л.

[564] [Флоринский В.М., Кузнецов С.К.] Правила пользования библиотекой Императорского Томского университета // ИТУ. 1893. Кн. 5. Отд. 1–2. С. 94–106.

[565] Там же. С. 102.

[566] Флоринский В.М. Речь по поводу открытия Императорского томского университета… С. 7.

прочные позиции Сибирского университета на фоне других императорских университетов были очевидны: Петербургский университет открылся с библиотекой 7 784 томов (к 1895 г. – 230 тыс. томов), Казанский университет располагал к своему открытию только несколькими десятками книг (1895 г. – 146 тыс.), Московский университет – 30 тыс. томов к 1812 г. (1895 г. – 240 тыс.)[567].

В условиях ограниченного финансирования В.М. Флоринский использовал рычаги меценатства, благотворительности, личные и профессиональные связи для комплектования фонда библиотеки современными научными трудами и раритетными коллекциями. Под его личным контролем в Сибирском университете появились книжные собрания многих известных отечественных ученых и государственных деятелей: А.Г. и С.Г. Строгановых, князей Голицыных, В.А. Жуковского, В.И. Карпова, Н.М. Якубовича, Д.И. Ростиславова, А.И. Артемьева, А.В. Никитенко, И.Т. Глебова, И.Д. Асташева, А.Д. Шумахера, И.Д. Делянова, Н. Корнатовского, С.Н. Орновского, П.А. Валуева, А.П. Орлова, А.В. Васильева, В.А. Манассена, В.А. Басова, П.А. и А.П. Загорских (всего 25 личных книжных собраний), а также ценные дары из фондов императорской Публичной библиотеки, Академии наук, Санкт-Петербургского цензурного комитета и Главного управления по делам печати. Уже современники отмечали, что эти книжные коллекции закладывают прочный фундамент для научно-исследовательской деятельности Сибирского университета.

Таким образом, анализ проектов, программной и рабочей документации, публичных выступлений и деловой переписки В.М. Флоринского позволяет высказать несколько наблюдений, дополняющих исследования по истории становления сибирской науки и образования.

Во-первых, письменное наследие В.М. Флоринского-администратора дает богатейший материал для визуализации вербальных исторических данных. В частности, его рабочие документы прямо указывают портретные или иконографические изображения, которым он отдавал предпочтение. Это дает

---

[567] Филимонов М.Р. Книжные сокровища Сибири… С. 23; Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб., 2004. С. 162.

возможность наглядно представить, как выглядел открытый при его участии первый университет Сибири и, значит, понять, какие именно имперские символы виделись ему наиболее адекватными для демонстрации национального значения создаваемого в Азиатской части Российской империи научно-образовательного центра.

Во-вторых, оно доказывает, что В.М. Флоринский, решая вопросы формирования книжного фонда библиотеки и концептуально обосновывая регламент ее работы, хорошо понимал главную проблему университета в Зауралье – удаленность не только от европейских, но и от российских центров науки и образования. В.М. Флоринский предлагал компенсировать недостаток за счет внутренних ресурсов: библиотека и комплекс музейных учреждений изначально создавались им как общая информационная база университета.

В-третьих, оно помогает очертить смысловое поле термина «университетский администратор» применительно к изучаемому периоду. С одной стороны, собственная принадлежность к профессорской корпорации, непрерывная исследовательская и преподавательская деятельность формировали твердое убеждение В.М. Флоринского в том, что занятие наукой невозможно без «внутренней свободы». С другой стороны, служебные обязанности объективно делали его проводником образовательной политики эпохи Александра II. В попытках совместить эти две идентификационные программы, вероятно, следует искать не только истоки его подчас взаимоисключающих высказываний о «национальной» и «полезной» науке, но и причины оценок его деятельности как «реакционной» на протяжении почти всего XX столетия.

Текстуальное наследие В.М. Флоринского-администратора и его конкретные шаги по созданию научной информационной базы свидетельствуют о том, что именно при его непосредственном участии был заложен фундамент для развития широкого спектра исследований в первом российском университете Зауралья.

Официальным признанием его заслуг как члена Строительного комитета и попечителя Западно-Сибирского учебного округа стало присвоение в 2003 г. Музею археологии и этнографии Сибири ТГУ имени В.М. Флоринского и

учреждение в 2004 г. решением Ученого совета университета именной стипендии для аспирантов гуманитарных факультетов. Свое законченное выражение мемориализация памяти ученого приобрела в ходе празднования в 2018 г. 140-летия Томского университета, когда в университетской роще был открыт памятник «Профессорам В.М. Флоринскому и Д.И. Менделееву от благодарных сибиряков» и организована российско-итальянская экспедиция «Москва–Томск. По следам Флоринского на колесах багги»[568].

[568] Д.И. Менделеев и В.М. Флоринский в истории Томска / Э.В. Галажинский [и др.] Томск, 2016. 92 с.; Томский государственный университет – дело всей России : дайджест по истории возникновения первого Императорского университета в Сибири / сост.: С.Ф. Фоминых, И.А. Дунбинский Томск, 2018. 130 с.; Выпускник ТГУ приехал в Томск с экспедицией, посвященной Флоринскому [Электронный ресурс] // Томский государственный университет. Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: http://www.tsu.ru/news/vypusknik-tgu-priekhal-v-tomsk-s-ekspeditsiey-posv (дата обращения: 13.12.2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научное исследование личных архивов и коллекций имеет давнюю традицию. Интерес историков объясним – содержащаяся в них прямая и косвенная информация способна существенно обогатить изучение индивидуальных биографий и показать антропологическое измерение самых разных явлений социальной действительности.

Вместе с тем нетрудно заметить неравномерность в использовании их в качестве исторических источников: если мемуарное и эпистолярное наследие широко публикуется и потому регулярно привлекается для обоснования или иллюстрации исследовательских выводов, то состав личных и семейных коллекций попадает в поле зрения гораздо реже. Подобный избирательный подход приводит, с одной стороны, к утрате связи «созданного» и «собранного», которая была важна и очевидна для их «творцов» и владельцев; с другой – к явному отставанию источниковедческих разработок, посвященных их научной интерпретации как единого информационного комплекса, от исследований отдельных видов источников – дневников, переписки, воспоминаний и т.д.

Представляется, что архив и коллекции В.М. Флоринского – незаурядной исторической личности, разностороннего ученого и государственного деятеля второй половины XIX в. – являются уникальной «исследовательской площадкой» не только для детализации истории сибирской науки и образования, но и для понимания «болевых точек» и одновременно перспектив источниковедческого исследования информационных массивов сложной видовой природы.

Во-первых, анализ историографии вопроса показал, что информационные возможности архива и коллекций В.М. Флоринского используются не в полном объеме. Так, к настоящему времени фрагментарно опубликованы только письма известных деятелей науки и культуры, крупных государственных чиновников, адресованные В.М. Флоринскому, и его воспоминания 1875–1881 гг. Однако по-прежнему нуждаются в системном изучении собранные им «для себя» и «для университета» коллекционные материалы и составленная самим В.М. Флоринским учетная документация.

Во-вторых, рассмотренные в совокупности материалы архива и коллекций дают достаточный материал для решения актуальных научных вопросов, касающихся логики построения интеллектуального пространства отечественной науки второй половины XIX века и реконструкции творческой лаборатории ученого-администратора.

Избранный ракурс исследования позволил дифференцировать группы источников по проблемно-тематическому принципу, выделив информационные массивы, с максимальной полнотой отражающие отдельные сферы деятельности В.М. Флоринского как практикующего врача и ученого, как коллекционера и общественного деятеля и, наконец, как администратора.

В частности, мемуары и архив В.М. Флоринского как никакой другой источник несут в себе отпечаток личности автора, его психологические и ментальные установки. Их изучение дало возможность реконструировать социокультурный портрет медика, вышедшего из семинарской среды и сделавшего карьеру благодаря собственному уму, таланту и трудолюбию.

Сам В.М. Флоринский не разделяет периоды учебы в семинарии и академии, оба они интерпретируются им в мемуарах как время формирования личности и профессионального становления. Постепенно, уже со второго курса Императорской Медико-хирургической академии, он начинает встраиваться в новое для него интеллектуальное пространство и воспринимает медицинскую карьеру как удачное приложение своих способностей и «богоугодное дело» во благо государства. Его трактовка успешной карьеры включает в себя такие категории, как служение Отечеству, народу, постоянное самосовершенствование и признание участия божественного провидения в человеческой судьбе. При этом важную роль в профессионализации ученого играет образ «чужого», через него он конструирует свою идентичность как «русского медика», а впоследствии как «русского профессора».

Принадлежность к врачебной корпорации приобщала В.М. Флоринского к кругу идей, имеющих государственное звучание, и обеспечила вхождение в состав российской «просвещенной бюрократии». В условиях усложнения форм управления

страной на протяжении XIX в. этот вид «ученого чиновничества» пытался рационализировать имперское управление, прежде всего опираясь на научное («специализированное») знание и широкую сеть специалистов на местах.

Кроме того, в мемуарах устроителя Сибирского университета прослеживается своеобразный тип политического мышления, сочетавшего в себе, с одной стороны, мировоззрение реформатора, сторонника либеральных преобразований, а с другой – консерватора, безоговорочно поддерживающего идеалы самодержавия. Под влиянием духа времени (реформы 60–70-х гг. и общественного движения 70–80-х гг. XIX в.) он воспринял идеи либеральных консерваторов, оставаясь при этом непримиримым противником любых антиправительственных выступлений.

Материалы хозяйственно-финансовой документации, в особенности описи семейного имущества 1881 и 1938 гг., фиксируют фактический состав собранных В.М. Флоринским коллекций и в сопоставлении с его научными трудами и воспоминаниями становятся самостоятельным историческим источником по изучению системных связей коллекционных и научных интересов их создателя. Так, страсть В.М. Флоринского к коллекционированию раритетов и артефактов постепенно трансформировалась в особую программу, где собирательство уже переставало быть самоцелью и становилось фундаментом для развития знания о прошлом и в последующем – основанием для разработки концепции научного музейного хранения и просвещения народа.

Универсальное книжное собрание В.М. Флоринского отражает интеллектуальные приоритеты и эстетические запросы владельца и дает возможность реконструировать его повседневные читательские практики, особенности его творчества и направления его деятельности как администратора, отвечающего за открытие первого университета в Зауралье. В частности, состав его личной библиотеки, информация о книгах, купленных для университета, в совокупности с документами его архива выступают «носителем» информации при изучении представлений «просвещенной бюрократии» о том, как должны быть организованы университетские наука и образование и какую роль они могут сыграть в колонизируемом регионе.

Проекты, программная и рабочая документация, деловая переписка и публичные выступления В.М. Флоринского показывают действия университетского администратора, решающего вопросы организации науки и образования в условиях ограниченного финансирования. Так, по его замыслу, неотъемлемой частью Сибирского университета как «храма науки» должна была стать библиотека. Он смог решить проблему по комплектованию ее книжного фонда и концептуально обосновал саму важность существования подобного учреждения при университете.

Кроме того, обнаруженные нами документы о распределении православных икон по университетским помещениям показали, как символика христианской иконописи была использована В.М. Флоринским для конструирования научной и социальной миссии Сибирского университета. По его мнению, подобный имперский институт высшего образования впоследствии должен был стать форпостом «русской» («православной») культуры в Азии, в котором «национальной» и «полезной» науке отводилась главная роль. На следующем этапе исследования эти материалы могут расширить источниковую базу исследований имперского колонизационного дискурса второй половины XIX в., сложившихся на государственном уровне подходов к «интеллектуальному освоению» Сибири и конкретных мероприятий по их реализации.

В.М. Флоринский последовательно формировал собственный архив документальных свидетельств «предыстории» Сибирского университета (1875–1888). Он отбирал туда документы, с его точки зрения, отражающие именно «государственную версию» истории основания университета. В этом смысле он может считаться «создателем» имперского нарратива, где Сибирский университет представал как закономерный результат имперской просветительской политики, и тем самым опровергалось мнение областников о его строительстве «снизу», сибирской интеллигенцией и на «местные средства». В этом же ключе, на наш взгляд, следует интерпретировать значение и смысл его действий по организации университетского пространства: подобранный им визуальный ряд также должен был символизировать созидательную роль православной монархии.

Таким образом, разнообразие и широта информации, которую дают архив и коллекции В.М. Флоринского, позволяют высказать некоторые суждения относительно тех направлений источниковедения, которые сегодня нуждаются в коррекции и развитии.

Во-первых, требуется развитие исследовательских подходов к личным архивам и коллекциям не только с позиций исторического источниковедения (их информационных возможностей), но и с точки зрения их феноменологического описания – рефлексии историков по поводу возможностей выявления структурно-функциональных связей, в рамках которых возникли подобные информационные комплексы – продукты целенаправленной интеллектуальной деятельности человека. Такая постановка вопроса, в свою очередь, ставит задачу совмещения специфических источниковедческих и архивоведческих методов с проблемным анализом историографии.

Во-вторых, личные архивы и коллекции необходимо изучать комплексно, как систему, элементы и части которой воспринимались создателем как единое целое. Именно логические связи между ними требуют восстановления и разработки методики их реконструкции. Возможно, одним из эффективных шагов в этом направлении может стать информация визуальных исторических источников, представляющих особенности повседневной жизни и ключевые символы исторической эпохи, – альбомов, фотографий, иллюстративной продукции разного назначения.

В-третьих, современное научное издание мемуарного и эпистолярного наследия должно отражать весь ход творческой работы создателя над текстом, поскольку возникающие в процессе размышлений зачеркивания, дописывания и редакторские правки являются уникальным корпусом данных для интеллектуальной и социальной истории.

Полагаем, что именно такой подход к изучению архивов и коллекций видных исторических деятелей отвечает современной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации и современному пониманию источниковедения как когнитивной науки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Список сокращений наименований периодических и продолжающихся изданий

АЕ	Археографический ежегодник
ВЕ	Вестник Европы
Вестник МГУ	Вестник Московского государственного университета
Вестник ПСТГУ	Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
Вестник РУДН	Вестник Российского университета дружбы народов
Вестник СПбГУ	Вестник Санкт-Петербургского государственного университета
Вестник СПбГУКИ	Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств
Вестник ТГПУ	Вестник Томского государственного педагогического университета
Вестник ТГУ	Вестник Томского государственного университета
ВМЖ	Военно-медицинский журнал
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИОАИЭ	Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
ИТУ	Известия Императорского Томского университета
ИУЗКУ	Известия и Ученые записки Императорского Казанского университета
МВ	Медицинский вестник
ПЗОРВ	Протоколы заседаний Общества русских врачей
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы

Список сокращенных наименований учреждений, организаций и обществ

ГАТО	Государственный архив Томской области
ГМИИРТ	Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан
ИПБ	Императорская публичная библиотека (с 1992 г. РНБ)
МАЭС	Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского
МХА	Императорская Медико-хирургическая академия (с 1881 г. Военно-медицинская академия)
НМРТ	Национальный музей Республики Татарстан
ОАИЭ	Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
ОРКП НБ ТГУ	Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета
ОРРК НБ КФУ	Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГО	Императорское Русское географическое общество
ТАССР	Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Законодательные и нормативные акты

1. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года [Электронный ресурс]. – СПб., 1830. – Собр. 1-е. – Электрон. дан. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1 (дата обращения: 16.05.2018).

2. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года [Электронный ресурс]. – СПб., 1830–1900. – Собр. 2-е. – Электрон. дан. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=263 (дата обращения: 16.05.2018).

3. Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания : [в 10 т.]. – СПб. : Синод. тип., 1876. – Т. IV. – 356 с.

4. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения : [в 2 т.]. – 2-е изд. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1875. – Т. 1. – 1864 стб., 43 с., 44 стб.

5. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения : [в 2 т.]. – 2-е изд. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1875. – Т. 2, отд. 1. – 1576 стб., 69 с., 53 стб.

6. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения : [в 2 т.]. – 2-е изд. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1876. – Т. 2, отд. 2. – 1668 стб., 60 с., 58 стб.

7. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения : [в 16 т.]. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1866. – Т. 1. – 988 стб., 43 с., 32 стб.

8. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения : [в 16 т.]. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1866. – Т. 2. – 1104 стб., 74 с., 58 стб.

9. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения : [в 16 т.]. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1866. – Т. 3. – 1118 стб., 130 с., разд. паг.

10. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения : [в 16 т.]. – СПб. : Тип. Сойкина, 1905. – Т. 7. – 1354 стб.

Делопроизводственная и хозяйственно-финансовая документация В. М. Флоринского

11. Диплом выпускника Медико-хирургической академии, 22 июня 1858 г. // РГВИА. – Ф. 316. – Оп. 69. – Д. 23. – Л. 128.

12. Дипломы В. М. Флоринского об избрании почетным членом различных обществ // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/267–268. – 9 л.

13. Документы В. М. Флоринского, связанные с его служебной деятельностью // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/264. – 34 л.

14. Документы о награждениях В. М. Флоринского // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/265. – 6 л.

15. Должностная инструкция по поводу заграничной командировки В. М. Флоринского // РГВИА. – Ф. 316. – Оп. 30. – Д. 19. – Л. 7–8.

16. Инвентарь имущества Сибирского университета // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/276. – 12 л.

17. Книга для записей семейных расходов 1865 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/113. – 113 л.

18. Книга для записей семейных расходов 1867–1871 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/113. – 174 л.

19. Книга для записей семейных расходов 1871–1875 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/113. – 153 л.

20. Книга для записей семейных расходов 1876–1879 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/113. – 108 л.

21. Книга для записей семейных расходов 1879–1883 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/113. – 86 л.

22. Книга для записей семейных расходов 1884–1888 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/113. – 92 л.

23. Книга для записей семейных расходов 1892–1893 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/113. – 45 л.

24. Краткий отчет о занятиях за границей доктора В.М. Флоринского, 5 сентября 1863 г. // РГВИА. – Ф. 316. – Оп. 32. – Д. 28. – Л. 10–11 об.

25. Личные документы В. М. Флоринского // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/270. – 6 л.

26. Отчет о работе Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского за 1938 г. // ОРРК КФУ. – 120 с.

27. Постановление конференции Медико-хирургической академии об отправлении В. М. Флоринского за границу для специального изучения избранных им предметов, 15 февраля 1861 г. // РГВИА. – Ф. 316. – Оп. 60. – Д. 256. – Л. 21.

28. Прошения о продлении заграничной командировки, 24 января 1863 г. // РГВИА. – Ф. 316. – Оп. 30. – Д. 19. – Л. 34.

29. Рапорт А. Я. Красовского об определении В. М. Флоринского адъюнкт-профессором кафедры акушерства, женских, и детских болезней, 23 сентября 1863 г. // РГВИА. – Ф. 316. – Оп. 32. – Д. 28. – Л. 24–24 об.

30. Реестр грузов полученных в г. Томске для учебных пособий и принадлежностей Сибирского университета, 1879–1884 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/822. – Л. 493–497.

31. Свидетельство В. М. Флоринского об окончании Пермской духовной семинарии // РГВИА. – Ф. 316. – Оп. 63. – Д. 6257. – Л. 1–1 об.

32. Список выпускников Медико-хирургической академии 1858 г. // РГВИА. – Ф. 316. – Оп. 69. – Д. 193. – Л. 122.

33. Счет Товарищества метахромотипии Ракочий, Сидорский и К°, 14 апреля 1884 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/822. – Л. 413.

34. Счета // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/273. – 145 л.

35. Экзаменационная ведомость на степень доктора медицины В. М. Флоринского // РГВИА. – Ф. 316. – Оп. 30. – Д. 129. – Л. 3–4 об.

36. Ведомость о числе лиц, произведенных в ученые медицинские степени за 1840 и 1841 годы // Медико-статистические известия. – 1842. – Окт. – С. 60–62.

37. Положение о гражданских и служебных преимуществах, соединяемых с медицинскими, фармацевтическими и ветеринарными степенями, 16 февр. 1849 г. // ЖМНП. – 1849. – Ч. LXII. – С. 143–150.

38. Прейскурант изделиям Товарищества метахромотипии Ракочий, Сидорский и К. [Электронный ресурс] // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 9. – Электрон. версия печат. публ. – URL: https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=2476#n=53, (дата обращения: 04.10.2018).

Воспоминания и переписка В.М. Флоринского

39. Воспоминания о поездках в Петербург в октябре и декабре 1880 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/102. – 5 л.

40. Воспоминания о Томске. Заметки во время проезда по Сибирской железной дороге 1890 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/108. – 23 л.

41. Дневник заграничного путешествия 1861 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/100. – 55 л.

42. Дневные записки 1881 г. : «От Екатеринбурга до Томска» // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/103. – 46 л.

43. Дневные записки 1887 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/106. – 80 л.

44. Записная книжка 1878–1889 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/114. – 20 л.

45. Записная книжка 1880–1883 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/114. – 57 л.

46. Записная книжка 1890–1897 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/114. – 87 л.

47. Записная книжка 1894 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/114. – 55 л.

48. Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени. Казань, 1882 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/205. – 50 л.

49. Переписка В. М. Флоринского, 1853–1898 гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/378–912.

50. Письмо министра народного просвещения И. Д. Делянова – В. М. Флоринскому, 5 декабря 1885 г. // ГАТО. – Ф. 126. – Д. 61. – Л. 20–20 об.

51. Путевые заметки и дневные записки 1880 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/102. – 48 л.

52. Эмбриональное состояние Томского университета от первого высочайшего повеления 25 апреля 1875 г. до закладки университетских зданий 1875–1880-е гг. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/224. – 36 л.

53. Флоринский В. М. Заметки и воспоминания / В. М. Флоринский // Русская старина. – 1906. – Янв. – С. 75–109.

54. Флоринский В. М. Заметки и воспоминания / В. М. Флоринский // Русская старина. – 1906. – Февр. – С. 288–311.

55. Флоринский В. М. Заметки и воспоминания / В. М. Флоринский // Русская старина. – 1906. – Март. – С. 564–596.

56. Флоринский В. М. Заметки и воспоминания / В. М. Флоринский // Русская старина. – 1906. – Апр. – С. 109–156.

57. Флоринский В. М. Заметки и воспоминания / В. М. Флоринский // Русская старина. – 1906. – Май. – С. 280–323.

58. Флоринский В. М. Заметки и воспоминания / В. М. Флоринский // Русская старина. – 1906. – Июнь. – С. 596–621.

59. Ястребов Е. В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому / Е. В. Ястребов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. – 221 с.

Научные и публицистические работы В.М. Флоринского

60. Выписки из Прокопия Кесарийского, Приска Понтийского, Льва Дьякона, Страбона, Юлия Цезаря // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/179. – 24 л.

61. Выписки из Я. Потоцкого // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/178. – 30 л.

62. Выписки по археологии // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/145. – 8 л.

63. Выписки по археологии // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/146. – 16 л.

64. Дополнения к тексту «Археологический музей Томского университета» // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/117. – 86 л.

65. Дополнения к тексту «Археологический музей Томского университета» // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/118. – 42 л.

66. Загадки Шадринского уезда, Пермской губернии // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/211. – 2 л.

67. Заметка по вопросу выбора места для Сибирского университета, 1877 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/173. – 11 л.

68. Замечания на способ ведения духовных росписей // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/165. – 20 л.

69. Записки и выписки по археологии // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/126. – 164 л.

70. Записки и наброски по Сибири // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/170. – 15 л.

71. Значение медицинской науки в общем движении человеческой культуры, 1885 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/188. – 12 л.

72. К вопросу о сибирских железных дорогах, 1880 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/171. – 24 л.

73. О доисторической жизни Сибири // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/123. – 28 л.

74. О проявлении бессознательного мышления // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/187. – 23 л.

75. О сибирских рунических письменах // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/161. – 14 л.

76. Обские древности // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/124. – 22 л.

77. Основы воспитания // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/184. – 29 л.

78. Песни семинарские // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/213. – 2 л.

79. По археологии // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/138. – 27 л.

80. По Новгородско-Сибирским наречиям словарь, заметки. Сибирские пословицы и загадки // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/196. – 123 л.

81. Правила для управления и пользования библиотекой Томского университета // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/580. – 10 л.

82. Припев балалайщика (Тульская губерния 1854 г.) // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/210. – 1 л.

83. Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета, 1877 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/822. – Л. 72–74.

84. Разыскание народностей, создавших курганы // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/142. – 44 л.

85. Религия // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/159. – 12 л.

86. Руны и сибирские письмена // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/160. – 66 л.

87. Сибирские древности. Предметы религиозного значения // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/121. – 94 л.

88. Туран и его древнее население // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/135. – 10 л.

89. Факты и догадки по вопросам Камской Болгарии // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/137. – 34 л.

90. Цели и задачи духовной жизни человека // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/188. – 10 л.

91. Часть черновой рукописи каталога и примечания по Археологическому музею // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/116. – 456 л.

92. Правила пользования библиотекой Императорского Томского университета // ИТУ. – 1893. – Кн. 5, отд. 1–2. – С. 94–106.

93. Труды комиссии, учрежденной по высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета / [сост. В. М. Флоринский]. – СПб. : [Б. и.], 1878. – 309 с.

94. Флоринский В. М. Воспоминание о деятельности Н. И. Пирогова в Медико-хирургической Академии / В. М. Флоринский // ИУЗКУ. – 1881. – Т. 3. – С. 8–21.

95. Флоринский В. М. Башкирия и башкиры : путевые заметки / В. М. Флоринский // ВЕ. – 1874. – № 12. – С. 722–176.

96. Флоринский В. М. Вступительная речь на первом заседании Томского общества естествоиспытателей и врачей, произнесенная 29 октября 1889 г. / В. М. Флоринский // ИТУ. – 1889. – Кн. 1, отд. 3. – С. 21–26.

97. Флоринский В. М. Докторский экзамен / В. М. Флоринский // МВ. – 1861. – № 21. – С. 189–192.

98. Флоринский В. М. Докторский экзамен / В. М. Флоринский // МВ. – 1861. – № 22. – С. 197–201.

99. Флоринский В. М. Докторский экзамен / В. М. Флоринский // МВ. – 1861. – № 23. – С. 205–208.

100. Флоринский В. М. Докторский экзамен / В. М. Флоринский // МВ. – 1861. – № 24. – С. 213–216;

101. Флоринский В. М. Домашняя медицина : лечебник для народного употребления / В. М. Флоринский. – Казань : Унив. тип., 1880. – 875 с.

102. Флоринский В. М. Медицинский отчет Императорского С.-Петербургского воспитательного дома за 1857 г. / В. М. Флоринский // МВ. – 1861. – № 14. – С. 125–128.

103. Флоринский В. М. Мнение русского иностранца о нашем медицинском быте / В. М. Флоринский // МВ. – 1862. – № 3. – С. 17–21.

104. Флоринский В. М. О разрывах промежности во время родов / В. М. Флоринский. – СПб. : Тип. Я. Трея, 1861. – 208 с.

105. Флоринский В. М. Ответ г. Раухфусу по поводу его антикритики / В. М. Флоринский // МВ. – 1861. – № 41. – С. 385–389.

106. Флоринский В. М. Отчет о состояние акушерской, женской и детской клиники и госпитального женского отделения [Медико-хирургической академии]

за 1858–1859 учебный академический год / В. М. Флоринский // ВМЖ. – 1860. – Ч. 77, март. – С. 229–274.

107. Флоринский В. М. Отчет о состояние акушерской, женской и детской клиники и госпитального женского отделения [Медико-хирургической академии] за 1858–1859 учебный академический год / В. М. Флоринский // ВМЖ. – 1860. – Ч. 77, апр. – С. 327–351.

108. Флоринский В. М. Отчет о состояние акушерской, женской и детской клиники и госпитального женского отделения [Медико-хирургической академии] за 1859–1860 учебный академический год / В. М. Флоринский // ВМЖ. – 1861. – Ч. 82, окт. – С. 111–147.

109. Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни : опыт славянской археологии : [в 2 ч.] / В. М. Флоринский. – Томск : Тип. П. И. Макушина, 1894. – Ч. 1. – 390 с.

110. Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни : опыт славянской археологии : [в 2 ч.] / В. М. Флоринский. – Томск : Тип. П. И. Макушина, 1896. – Ч. 2, вып. 1–2. – 571 с.

111. Флоринский В. М. Предисловие / В. М. Флоринский // Каталог главной библиотеки Императорского Томского университета : [в 3 т.]. – Томск, 1889. – Т. 1. – С. I–VIII.

112. Флоринский В. М. Предисловие издателя / В. М. Флоринский // Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год : составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792–1803 г. – Казань : [б. и.], 1882. – С. III–XII.

113. Флоринский В. М. Проект публичного историко-этнографического музея при Казанском обществе археологии, истории и этнографии / В. М. Флоринский // ИУЗКУ. – 1879. – Т. 46. – С. 424–438.

114. Флоринский В. М. Проницающая рана коленного сустава / В. М. Флоринский // ВМЖ. 1857. – Ч. 70. – С. 1–12.

115. Флоринский В. М. Речь по поводу открытия Императорского томского университета, произнесенная 22 июля 1888 г. / В. М. Флоринский // Первый университет в Сибири. – Томск : Изд. ред. «Сибирского вестника», 1889. – С. 3–8.

116. Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники : собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетий / В. М. Флоринский. – Казань : тип. Имп. ун-та, 1879. – 229 с.

117. Флоринский В. М. Соображения по вопросу существующих границах России с Китаем / В. М. Флоринский // Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год : составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792–1803 г. – Казань : [б. и.], 1882. – С. 535–544.

118. Флоринский В. М. Усовершенствование и вырождение человеческого рода / В. М. Флоринский. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 151 с.

Мемуары современников В.М. Флоринского

119. Дмитриев-Мамонов А. И. К истории первого сибирского университета в Сибири (1875–1899) : памяти В. М. Флоринского / А. И. Дмитриев-Мамонов // Всемирный вестник. – 1905. – № 10. – С. 28–67.

120. Дневник Д. А. Милютина : [в 4 т.] / под ред. П. А. Зайончковского. – М. : [б. и.], 1947. – Т. 1. – 256 с.

121. Легра Ж. Томск / Ж. Легра ; пер. с франц. О. В. Крупцевой // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – Т. 10. – С. 10–34.

122. Макушин П. И. Газетно-издательская деятельность во время царизма / П. И. Макушин // Северная Азия. – 1928. – Кн. 2. – С. 91–100

123. Сеченов И. М. Автобиографические записки / И. М. Сеченов. – М. : Изд-во Акад. мед. наук СССР, 1952. – 292 с.

124. Станевич Ц. К. Воспоминания. 1856–1861. Времена студенчества в Медико-Хирургической Академии / Ц. К. Станевич. – Вильно : тип. А. Минскера, 1898. – 68 с.

Философские и художественные произведения

125. Бэкон Ф. Новая Атлантида / Ф. Бэкон ; пер. с франц. – М. : В типографии г-жи Божуковой, 1821. – 188 с.

126. Вундт В. М. Душа человека и животных : [в 2 т.] / В. М. Вундт ; пер. с нем. Е.К. Кемница. – СПб. : П. А. Гайдебуров, 1865–1868. – Т. 1, 2.

127. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук в кратком очерке : [в 3 ч.] / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Тип. Александра Семена, 1861–1868. Ч. 1–3.

128. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. М. Владиславцева. – СПб. : Тип. Тиблена, 1867. – 627 с.

129. Кэри Г. Руководство к социально науке / Г. Кэри ; пер. с англ. Л. Н. Шаховской. – СПб. : Издание кн. Шаховского, 1869. – 704 с.

130. Льюис Д. Г. Огюст Конт и положительная философия / Д. Г. Льюс ; под ред. Н. Неклюдова, Н. Тиблена. – СПб. : Тип. Н. Тиблена и К., 1867. – 581 с.

131. Помяловский Н. Г. Очерки бурсы / Н. Г. Помяловский – СПб. : тип. Рюмина и К°, 1865. – 247 с.

132. Толстой Л. Н. Исповедь графа Л. Н. Толстого. Вступление к ненапечатанному сочинению / Л. Н. Толстой. – Genève : M. Elpidine, libraire-éd, тип. «Общего дела», 1884. – 83 с.

133. Rousseau J. J. Oeuvres complètes de J. J. Rousseau / J. J. Rousseau. – [Paris] : [s. n.], 1793. – T. 25 : [Les confessions. T. 3]. – 414 p.

Каталоги и описи коллекционных материалов

134. Алфавитный указатель книг, пожертвованных В. М. Флоринским в библиотеку Томского университету // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/738. – 31 л.

135. Документы (протокол, акты, описи) по разбору вещей профессора Флоринского Василия Марковича, обнаруженных замурованными в доме № 39 по улице Карла Маркса за 1938 г. // НМРТ. – Ф. Р-2021. – Оп. 2Ф. – Д. 55. 135 л.

136. Опись имущества Флоринских 1881 г. // НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. – Ед. хр. КППи-117959/273. – Л. 76–77, 133–135.

137. Археологический музей Томского университета : [каталог] / [сост. В. М. Флоринским]. – Томск : Типо-Литогр. В. М. Михайлова и П. И. Макушина, 1888. – 275 с.

138. Каталог главной библиотеки Императорского Томского университета : [в 3 т.]. – Томск : Типо-Литогр. В. М. Михайлова и П. И. Макушина, 1892. Т. 3 : Медицинское отделение. – 570 с.

Литература

139. Астафьев В. В. Очерк истории медицинского факультета Казанского университета (1805–1930 гг.): научные школы / В. В. Астафьев, И. Г. Низамов, Р. И. Жданов // Общественное здоровье и здравоохранение. – 2015. – № 4. – С. 44–52.

140. Астафьев В. В. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и его уникальный опыт интерпретации исторических памятников / В. В. Астафьев // Вопросы музеологии. – 2011. – № 1 (3) – С. 81–85.

141. Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. / А. Ю. Андреев. – М. : Знак, 2005. – 432 с.

142. Базаров А. А. «Запазушные библиотеки» буддистов Забайкалья и культура малоформатных изданий : медицинские и астрологические трактаты / А. А. Базаров, Д. Л. Доржиева, С. М. Найданова // Библиосфера. – 2017. – № 2. – С. 33–36.

143. Бакланова Н. А. Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источника для истории русской культуры / Н. А. Бакланова // АЕ за 1962 год. – М. : АН СССР, 1963. – С. 197–205.

144. Балыкова Л. А. Мемориальная библиотека И. С. Тургенева как источник для изучения биографии и творчества писателя : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л. А. Балыкова. – СПб., 2003. – 22 с.

145. Бегунов Ю. К. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского / Ю. К. Бегунов // Князь Александр Невский и его эпоха : исследования и материалы. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – С. 172–176.

146. Библиотека В. А. Жуковского в Томске : [в 3 ч.] / Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич, Н. Б. Реморова [и др.] ; отв. ред. Ф. З. Канунова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978–1988. – Т. 1–3.

147. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) : в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. – Казань : Типо.-литогр. Имп. ун-та, 1904. – Ч. 2. – 455 с.

148. Биография университетских архивов / Н. С. Алмазова, Т. Амалу, Е.А. Вишленкова и др. ; под ред. Е. А. Вишленковой, К. А. Ильиной, В. С. Парсамова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 300 с.

149. Битэм Д. Бюрократия. Социология политики : классические и современные теории : учеб. пособие / Д. Битэм ; пер. с анг. М. В. Масловского. – М. : Новый учебник, 2004. – С. 120–128.

150. Бородулин В. И. История медицины. Лекция 3. Клиническая медицина в первой половине 19-го века [Электронный ресурс] / В. И. Бородулин. – Электрон. дан. – [Б. м., б. г.]. – URL: http://www.historymed.ru/training_aids/lectures/index_page3.php (дата обращения: 01.10.2018).

151. Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России / А. Н. Боханов. – М. : Наука, 1989. – 192 с.

152. Бредникова О. Е. Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) / О. Е. Бредникова // Вестник СПбГУ. Сер. 12, Социология. – 2008. – № 4. – С. 492–498.

153. Бродель Ф. Время мира / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1992. – 678 с.

154. Бубнов В. А. Василий Маркович Флоринский – организатор и создатель науки в Сибири / В. А. Бубнов // Вестник Курганского гос. ун-та. Сер. Физиология, психология, медицина. – 2014. – № 6. – С. 3–15.

155. Будагова Л. Н. Дарственные надписи на книгах как источник культурно-исторической информации / Л. Н. Будагова // Книга в пространстве культуры : тез. науч. кон. – М. : ИСБ, 1995. – С. 10–13.

156. Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. / А. А. Будко. – СПб. : Нестор-История, 2010. – 399 с.

157. Булгакова Л. А. Материальное положение врачей в дореформенной России / Л. А. Булгакова // Государственная власть и общественность в истории

центрального и местного управления России : сб. ст. памяти М. М. Шумилова / отв. ред. Р. Ш. Ганелин. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 163–178.

158. Булгакова Л. А. Медицина и политика: съезды врачей в контексте русской политической жизни / Л. А. Булгакова // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов : материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб. : Изд-во Дмитрий Буланин, 2003. – С. 213–235.

159. Булгакова Л. А. Служебные права врачей в царствование Николая I / Л. А. Булгакова // Из истории русской интеллигенции : сб. матер. и ст. к 100-летию со дня рождения В. Р. Лейкиной-Свирской. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – С. 349–374.

160. Бушуева Л. А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. / Л. А. Бушуева. – Казань : Центр инновационных технологий, 2012. – 288 с.

161. Бюрократия в современном мире : теория и реалии жизни / отв. ред. В. Н. Шевченко. – М. : Ин-т филос. РАН, 2008. – 195 с.

162. Василий Великий [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. – Электрон. дан. – URL: http://www.pravenc.ru/text/150791.html (дата обращения: 04.10.2018).

163. Васильев К. Г. История эпидемий в России (материалы и очерки) / К. Г. Васильев, Л. Е. Сегал. – М. : Медгиз, 1960. – 398 с.

164. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1982. – 528 с.

165. Вишленкова Е. А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный» : самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) / Е. А. Вишленкова // Ab Imperio. – 2011. – № 2. – С. 47–82.

166. Вишленкова Е. А. «Изложить предмет сциентифически» : русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) / Е. А. Вишленкова, З. С. Гатина // Российская история. – 2015. – № 3. – С.154–169.

167. Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» / Е. А. Вишленкова. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.

168. Вишленкова Е. А. Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века : от представительства во власти к самоорганизации / Е. А. Вишленкова // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. : А. Гладышев, Т. Булыгина. – Саратов ; Ставрополь : Сев.-Кав. фед. ун-т, 2015. – Вып. 10. – С. 182–200.

169. Вишленкова Е. А. История университета как история памяти корпорации? / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова // Ab Imperio. – 2004. – № 3. – С. 271–310.

170. Вишленкова Е. А. Медицинские советы и врачебные общества в Петербурге первой половины XIX века / Е. А. Вишленкова // История медицины. – 2016. – Т. 3, № 2. – С. 186–201.

171. Вишленкова Е. А. Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России (1830–1840-е гг.) / Е. А. Вишленкова // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 172–200.

172. Вишленкова Е. А. Русские профессора : университетская корпоративность или профессиональная солидарность / Е. А. Вишленкова, Р. Х. Галиуллина, К. А. Ильина. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 656 с.

173. Вишленкова Е. А. Terra Universitatis : Два века университетской культуры в Казани / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2005. 500 с.

174. Володин Б. Ф. Всемирная история библиотек / Б. Ф. Володин. – СПб. : Профессия, 2004. – 431с.

175. Воробьев О. Возвращение Флоринского / О. Воробьев // Красное знамя. – 1996. – 21 марта.

176. Гатина З. С. Врачебная экспертиза в системе управления Российской империи первой половины XIX века : автореф. дис. … канд. ист. наук / З. С. Гатина. – СПб., 2017. – 28 с.

177. Гатина З. С. Система научной аттестации в медицине в России в первой половине XIX в. / З. С. Гатина, Е. А. Вишленкова // Вестник СПбГУКИ. – 2014. – № 1 (18). – С. 168–178.

178. Георгиева Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников / Н. Г. Георгиева // Вестник РУДН. Сер. История России. – 2016. – Т. 15, № 1. – С. 7–19.

179. Герасимов И. Новая имперская история и вызовы империи / И. Герасимов, С. Глебов, Я. Кусбер, М. Могильнер, А. Семенов // Ab Imperio. – 2010. – № 1. – С. 19–52.

180. Герцен А. И. Сочинения : в 9 т. / А. И. Герцен. – М. : Гослитиздат, 1955. – Т. 5. – 771 с.

181. Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. – Тель-Авив : Изд-во Открытого ун-та, 1995. – Ч. 5–6. – 308 с.

182. Голева О. П. Некоторые аспекты изучения надписей на книгах / О. П. Голева // Букинистическая торговля и история книги : межвед. сб. науч. трудов. – М. : Изд-во МПИ, 1990. – Вып. 1. – С. 157 –161.

183. Голикова С. В. Медицинское знание в российском законодательстве первой половине XIX века. Рекрутский устав 1831 года / С. В. Голикова // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 201–217.

184. Гольдберг А. Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича / А. Л. Гольдберг // ТОДРЛ. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1963 . – Т. XIX. – С. 373–390.

185. Горячева А. А. Классицизм в духовных семинариях XIX века / А. А. Горячева // Вестник ПСТГУ. Сер. Педагогика и психология. – 2012. – № 1 (24). – С. 105–117.

186. Груздев В. С. Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней Императорской Военно-медицинской академии и соединенной с ней академической акушерско-гинекологической клиники / В. С. Груздев. – СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1898. – 459 с.

187. Грум-Гржимайло К. И. Взгляд на состояние медицины в России / К. И. Грум-Гржимайло // Друг здравия. – 1833. – № 3. – С. 16–18.

188. Д. И. Менделеев и В. М. Флоринский в истории Томска / Э. В. Галажинский, Г. В. Майер, С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2016. – 92 с.

189. Д. И. Менделеев и В. М. Флоринский у истоков Томского университета : [воспоминания, письма и документальные материалы] / сост. С. Ф. Фоминых [и др.] ; под ред. Г. В. Майера, С. Ф. Фоминых. – Томск : Том. гос. ун-т, 2009. – 96 с.

190. Данилевский И. Н. Александр Невский : парадоксы исторической памяти / И. Н. Данилевский // «Цепь времен» : проблемы исторического сознания. – М. : ИВИ РАН, 2005. – С. 119–132.

191. Дегальцева Е. А. В. М. Флоринский в Сибири: сатрап и патриот / Е. А. Дегальцева // Актуальные вопросы Сибири : 6-е науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 5–6 октября 2007. – Барнаул, 2007. – Ч. 1. – С. 221–227.

192. Дедюлина Е. С. Основные положения системы воспитания Фридриха Фребеля / Е. С. Дедюлина // Очерки по истории педагогических учений / сост. В. В. Успенский, В. Н. Ивановский, А. В. Ельчанинов [и др.]. – М. : «Польза» В. Антикъ и К., 1911. – С. 171–189.

193. Дмитриенко Н. М. Профессор В. М. Флоринский – основоположник сибирского музееведения / Н. М. Дмитриенко // Музеи университетов Евразийской ассоциации и их роль в сохранении культурного наследия. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 29–36.

194. Дубовицкий П. А. Несколько слов по поводу статьи г. профессора Бессера «О выборе профессоров» / П. А. Дубовицкий // МВ. – 1862. – № 46. – С. 447–451.

195. Дубовицкий П. А. О замещении профессоров кафедр в Медико-хирургической академии / П. А. Дубовицкий // МВ. – 1862. – № 37. – С. 357–362.

196. Думный В. Люди будущего или люди без будущего? Социал-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX – XX столетий / В. Думный. – М. : МГУП, 2003. – 531 с.

197. Дунбинский И. А. Анализ идеи славянской идентичности в работе В. М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» / И. А. Дунбинский, С. А. Меркулов // Русин. – 2017. – № 4. – С. 61–72.

198. Дунбинский И. А. К вопросу о дате основания Ботанического сада при Императорском Томском университете / И. А. Дунбинский, С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых // Вестник Томского гос. ун-та. – 2016. – № 409. – С. 55–60.

199. Дутчак Е. Е. Кириллические книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия / Е. Е. Дутчак // Вестник РУДН. Сер. История России. – 2011. – № 4. – С. 75–88.

200. Дутчак Е. Е. Конфессиональная книжность как память культуры : опыт изучения старообрядческих скитских собраний конца XIX – начала XXI в. / Е. Е. Дутчак // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4 (25). – С. 156–163.

201. Дутчак Е. Е. Сибирский университет как «храм науки»: иеротопический проект В. М. Флоринского / Е. Е. Дутчак, Н. А. Качин // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2017. – Вып. 14. – С. 25–34.

202. Дутчак Е.Е. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации / Е. Е. Дутчак, В.В. Кашпур // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С. 116–129.

203. Есипова В. А. Семья Словцовых и рукописное наследие Сибири (по материалам Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета) / В. А. Есипова // Чукмалдинские чтения : библиофильские интересы российской провинции : тез. науч.-практ. конф. Тюмень, 24–25 ноября 2010 г. – Тюмень : Мандр и К., 2010. – С. 90–95.

204. Есипова В. А. Автограф П. А. Словцова из коллекции отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета / В. А. Есипова // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 29–30 октября 2009 г. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 361–364.

205. Есипова В. А. Как работал сибирский историк XIX в. : реконструкция круга источников и методов работы (П. А. Словцов и Ф. А. Прядильщиков) // Вторые Чукмалдинские чтения : книга как памятник культуры : тез. науч.-практ. конф. Тюмень, 23–24 ноября 2011 г. – Тюмень : Титул, 2011. – С. 25–31.

206. Есипова В. А. Кузнецов Степан (Стефан) Кирович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья : материалы к энциклопедии Томской области. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 76–78.

207. Жеравина О. А. Образы саламанкских ученых в серии портретов выдающихся испанцев (из книжного собрания Строгановых Научной библиотеки Томского государственного университета) / О. А. Жеравина // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2012. – № 2 (6). – С. 57–64.

208. Жеравина О. А. Российская тема в английских изданиях из библиотеки Строгановых / О. А. Жеравина // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 2. – С. 38–44.

209. Жеравина О. А. Формирование первоначального фонда научной библиотеки Томского государственного университета сквозь призму концепции «университетская исследовательская библиотека» / О. А. Жеравина, Г. И. Колосова // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 64–69.

210. Жук А. В. Василий Маркович Флоринский, его место и значение в отечественной археологии / А. В. Жук // Вестник Омского гос. ун-та. Сер. Исторические науки. – 2015. – № 1 (5). – С. 100–115.

211. Зайченко П. А. Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева : очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1995) / П. А. Зайченко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1960. – 486 с.

212. Замятин Д. Н. Географические образы путешествий / Д. Н. Замятин // Культурное пространство путешествий : матер. науч. форума. – СПб. : Центр изучения культуры, 2003. – С. 10–13.

213. Замятин Д. Н. Образы путешествий : социальное освоение пространства / Д. Н. Замятин // Социологические исследования. – 2002. – № 2. – С. 12–22.

214. Зимин И. В. Подготовка медицинских кадров в России : XIX – начало XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук / И. В. Зимин. – СПб., 2004. – 588 с.

215. Змеев Л. Ф. Врачебные сочинения русских людей не-врачей / Л. Ф. Змеев // Русский архив. – 1984. – II, № 8. – С. 592–598.

216. Змеев Л. Ф. Русские врачи писатели / Л. Ф. Змеев. – СПб. : [тип. Ф. Елеонского и К.], 1886. – Вып. 1, тетр. 2. – 182 с.

217. Иванов А. Ю. Казанский государственный медицинский университет в зеркале социокультурной истории / А. Ю. Иванов. – Казань : Медицина, 2014. – 247 с.

218. Иванов С. Б. Воспоминания В. М. Флоринского как источник по истории открытия Императорского Томского университета / С. Б. Иванов // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 25–26 октября 2007 г. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – С. 239–243.

219. Иванова Р. Г. Протоколы заседаний медицинского факультета Казанского университета (1814-1917 гг.) как исторический источник : дис. … канд. ист. наук / Р. Г. Иванова. – Казань, 2018. – 272 с.

220. Ивановская Е. В. К вопросу о формировании фонда Научной библиотеки Томского государственного университета : книги из библиотек уездных училищ Западно-Сибирского учебного округа / Е. В. Ивановская // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 2 (14). – С. 77–80.

221. Иваск У. Г. С. К. Кузнецов [Некролог] / У. Г. Иваск // Библиографические известия. – 1913. – № 3. – С. 257–258.

222. Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Индрик, 2006. – 700 с.

223. Илизаров Б. С. Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива / Б. С. Илизаров // Новая и новейшая история. – 2000. – № 3. – С. 182–205.

224. Ильина К. А. Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века : дис. … канд. ист. наук / К. А. Ильина. – Казань, 2011. – 208 с.

225. Ильина О. Н. Личные библиотеки как источник по истории культуры / О. Н. Ильина // Вестник СПбГУКИ. – 2003. – № 1. – С. 63–69.

226. Императорский Томский университет [альбом]. – Томск : [б. м.], [1890-е]. – 15 с., 47 л. фотогр.

227. Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней Императорской Военно-медицинской академии и соединенной с ней академической акушерско-гинекологической клиники / сост. В. С. Груздев. – СПб. : тип. П. П. Сойкина, 1898. – 456 с.

228. История императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии за сто лет. 1798–1898 / под ред. Н. П. Ивановского. – СПб. : Тип. Мин. внутр. дел, 1898. – 1156 с.

229. История медицины (материалы к курсу истории медицины) / под ред. Б. Д. Петрова. – М., 1954. – Т. 1. – 281 с.

230. История Пермской духовной семинарии архимандрита Иеронима : [в 4 ч.] – 2-е изд. – Екатеринбург : изд. свящ. И. В. Шестакова, 1900. – Ч. [1–2]. – 403 с.

231. Источниковедение : учеб. пос. / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева. – М. : ВШЭ, 2015. – 688 с.

232. Каленова Т. А. Университетская роща / Т. А. Каленова. – Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1984. – 416 с.

233. Калиничева И. Б. Частное коллекционирование западноевропейской живописи в Санкт-Петербурге в середине XVIII – начале XX веков : автореф. дис. … канд. искусств. наук / И. Б. Калиничева. – М., 1995. – 22 с.

234. Каравашкин А. В. Опыт исторической феноменологии : труд путь к очевидности / А. В. Каравашкин, А. Л. Юрганов. – М. : РГГУ, 2003. – 385 с.

235. Каравашкин А. В. Регион Докса. Источниковедение культуры / А. В. Каравашкин, А. Л. Юрганов. – М. : РГГУ, 2005. – 210 с.

236. Каталог русским и западно-европейским медалям и монетам, хранящимся в минц-кабинете Императорской Академии художеств / сост. Д. Прозоровский. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1868. – 158 с.

237. Качин Н. А. В. М. Флоринский : в поисках сибирской модели «классического университета» / Н. А. Качин // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2015. – № 6 (38). – С. 11–18.

238. Качин Н. А. Собирая «хранилище духовной пищи»: из истории создания В. М. Флоринским книжного фонда Научной библиотеки Томского университета / Н. А. Качин // Вестник Томского гос. ун-та. – 2016. – № 406. – С. 90–96.

239. Качин Н.А. Создавая «прочный фундамент»: из истории формирования В. М. Флоринским книжного фонда Научной библиотеки Томского университета / Н. А. Качин // Вестник Томского гос. ун-та. – 2017. – № 417. – С. 80–87.

240. Ковнер С. История медицины : в 2 ч. / С. Ковнер. – Киев : В Унив. тип., 1878. – Ч. 1, вып. 1. – 184 с.

241. Колосова Г. И. Библиотека профессора, историка литературы А. В. Никитенко : подходы и методы исследования / Г. И. Колосова // Проблемы литературных жанров : материалы X Междунар. науч. конф., посвященной 400-летию г. Томска, 15–17 окт. 2001 г. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – Ч. 1. – С. 21–26.

242. Колосова Г. И. Василий Маркович Флоринский – основатель библиотеки Томского университета / Г. И. Колосова. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. – 128 с.

243. Колосова Г. И. Личные библиотеки в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки ТГУ / Г. И. Колосова // Русская книга в дореволюционной Сибири : фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1988. – С. 31–46.

244. Колосова Г. И. Русские книги XVIII в. в Строгановском книжном собрании, хранящемся в Научной библиотеке Томского государственного университета / Г. И. Колосова // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2012. – № 3 (7). – С. 67–73.

245. Колосова Г. И. Собрание книг А. В. Никитенко в фондах Научной библиотеки Томского университета / Г. И. Колосова // Книга в России XVII – начала XIX в. : проблема создания и распространения : сб. науч. тр. – Л. : БАН, 1989. – С. 124–131.

246. Кондаков А. Ю. Либеральное и консервативное направление в религиозных движениях в России в первой четверти XIX века / А. Ю. Кондаков. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 343 с.

247. Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет : [в 2 т.] / М. К. Корбут. – Казань : [тип. Татполиграф], 1930. – Т. 2. – 382 с.

248. Костина Т. В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863 гг. : дис. … канд. ист. наук. / Т. В. Костина. – Казань, 2007. – 226 с.

249. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета : за первые 25 лет его существования (1888–1913). – Томск : Типо-литогр. Сиб. т-ва печатного дела, 1917. – 544 с.

250. Крупцева О. В. Издания восемнадцатого века о Сибири в библиотеке Г.А. Строганова / О. В. Крупцева // Третьи Макушинские чтения : материалы науч. конф. Новосибирск, 12–14 мая 1994. – Новосибирск : ГПНТБ, 1994. – С. 205–207.

251. Крупцева О. В. Книжная коллекция Г. А. Строганова в Томске (новые сведения) / О. В. Крупцева // Проблемы литературных жанров : материалы X Междунар. науч. конф. Томск, 15–17 окт. 2001 г. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – С. 27–29.

252. Крупцева О. В. Рукописные каталоги библиотеки Г. А. Строганова / О. В. Крупцева // Девятые Макушинские чтения : материалы науч. конф. Барнаул, 15–16 мая 2012 г. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. – С. 65–69.

253. Крупцева О. В. Экслибрисы в книжном собрании графа Г. А. Строганова в Томске / О. В. Крупцева // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 2. – С. 78–86.

254. Кулакова И. П. История субъективности и становление российских традиций автобиографического письма / И. П. Кулакова // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2015. – № 4. – С. 166–172.

255. Кулакова И. П. Российское «просвещенное дворянство» в контексте идей Нового времени : специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII – первая треть XIX вв.) / И. П. Кулакова // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 90–119.

256. Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века / И. П. Кулакова. – М. : «Новый хронограф», 2006. – 336 с.

257. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : [в 2 т.] / А. С. Лаппо-Данилевский. – М. : РОССПЭН, 2010. – Т. 1–2.

258. Лексинен М. В. Концепт национальный характер / нрав народа в российской науке второй половины XIX в. : дефиниции, способы выявления, функции / М. В. Лексинен // Диалог со временем. В потемках души : путешествие, характерологии, идентичность. – 2012. – Вып. 39. – С. 148–169.

259. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре / А. М. Лидов. – М. : Дизайн. Информация. Картография, 2009. – 362 с.

260. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР : указатель : в 2 т. / сост. Э.В. Колосова [и др.]. – М. : [б. и.], 1963. – Т. 2 : Н–Я. – 502 с.

261. Лобанов В. В. Круг чтения Г. С. Батенькова (опыт реконструкции) // Русская книга в дореволюционной Сибири : рукописная и печатная книга на востоке страны / В. В. Лобанов. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 1992. – С. 63–100.

262. Лотман Л. М. Русская историко-филологическая наука и художественная литература второй половины XIX в. / Л. М. Лотман // Русская литература. – 1996. – № 1. – С. 20–21.

263. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство-СПБ, 2002. – 786 с.

264. Лотман Ю. М. Современность между востоком и Западом / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб. : Искусство, 2002. – С. 744–752.

265. Ляхович Е. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России / Е. С. Ляхович, А. С. Ревушкин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – 579 с.

266. Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия : критика социологии М. Вебера / В. П. Макаренко. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1988. – 301 с.

267. Макарова Е. М. Атрибуция археологических предметов из коллекции В. М. Флоринского в НМ РТ / Е. М. Макарова // Материалы Лихачевский чтений, 5–7 апреля 2006 г. – Казань, 2007. – С. 253–260.

268. Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры / А. Н. Малинкин. – М. : ВШЭ, 2011. – 192 с.

269. Мальцева Н. М. Зауральская фольклористика XIX века : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. М. Мальцева. – Челябинск, 2004. – 23 с.

270. Манассеин В. С. Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX столетия / В. С. Манассеин – Иркутск, 1924. – 30 с.

271. Манчестер Л. Поповичи в миру : духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Л. Манчестер; пер. с англ. А. Ю. Полунов. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.

272. Матханова Н. П. Чиновники-интеллектуалы в Сибири XIX в. / Н. П. Матханова // Известия Иркутского государственного университета. История. – 2018. – Т. 25. – С. 21–35.

273. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. – 551 с.

274. Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования российских университетов / Т. Маурер // Университет и город в России (начало XX века). – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 5–104.

275. Медушевская О. М. Вещь в культуре : источниковедческий метод историко-антропологического исследования / О. М. Медушевская // Российско-французский центр исторической антропологии : программы курсов. – М., 2003. – С. 25–49.

276. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 361 с.

277. Мельникова Е. А. «Воображаемая книга» : очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России / Е. А. Мельникова. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. – 182 с.

278. Меркулов С. А. Славянский мир в работе В. М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» / С. А. Меркулов, И. А. Дунбинский // Русин. – 2016. – № 4. – С. 44–55.

279. Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования / А. Миллер. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 286 с.

280. Милютин А. И. Библиотека / А. И. Милютин // Краткий исторический очерк Томского университета : за первый 25 лет его существования (1888–1913 гг.). – Томск : Типо.-литогр. Сиб. т-ва печатного дела, 1917. – С. 227–260.

281. Милютин А. И. Библиотека Строгановых / А. И. Милютин // Русский библиофил. – 1914. – № 2. – С. 5–24; № 4. – С. 26–40.

282. Минц С. С. Российская мемуаристика последний трети XVIII – первой трети XIX вв. в контексте историко-психологического исследования : дис. … д-ра ист. наук / С. С. Минц. – Краснодар, 2000. – 395 с.

283. Мироненко Д. Г. Иконография святого Александра Невского : автореф. дис. … канд. искусствовед. / Д. Г. Мироненко. – СПб., 2013. – 24 с.

284. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – 2-е изд., испр. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – 1116 с.

285. Мирский М. Б. Медицина России X–XX веков : очерки истории / М. Б. Мирский. – М. : РОССПЭН, 2005. – 631 с.

286. Михайлова С. И. Образ Спасителя в терновом венце в русской религиозной живописи второй половины XIX в. Эскиз Н. А. Кошелева из собрания Музея Москвы / С. И. Михайлова // Вестник славянских культур. – 2014. – № 4 (34). – С. 196–207.

287. Михайловский А. И. Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете : материалы для истории университета / А. И. Михайловский. – Казань : Типо-литогр. Имп. ун-та, 1901–1908. – Ч. 1, вып. 1–3. – 1647 с.

288. Модестов В. И. Русская наука в последние двадцать пять лет : публичная лекция, прочтенная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета / В. И. Модестов. – Одесса : Эконом. тип., 1890. – 27 с.

289. Моисеев А. И. Медицинский совет Министерства внутренних дел. Краткий исторический очерк, оставленный ученым секретарем А. И. Моисеевым / А. И. Моисеев. – СПб. : Тип. МВД, 1913. – 42 с.

290. Мультановский М. П. История медицины [Электронный ресурс] : учебник для студентов медицинских институтов / М. П. Мультановский. – М. : Медицина, 1961. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.historymed.ru/training_aids/textbook/ (дата обращения: 16.05.2018).

291. На путях из Земли Пермской в Сибирь : очерки этнографии североуральского крестьянства конца XIX – начала XX в. – М. : Наука, 1989. – 352 с.

292. Назипова Г. Р. «Казанский антиквариум» / Г. Р. Назипова, С. Ю. Измайлова. – Казань : Фолиантъ, 2006. – 200 с.

293. Назипова Г. Р. Казанский университет и музеи : проблема культурного взаимодействия (XIX – начало XX вв.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Г. Р. Назипова. – Казань, 2009. – 44 с.

294. Наши журналы // Русь. – 1882. – № 2. – С. 21–23.

295. Начало формирования музейных и ботанических коллекций первого в азиатской России Сибирского (Томского) университета (конец 1870-х–1880 г.) / С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняк [и др.] // Томские музеи : сб. док. и ст. / под ред. С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняка. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 3–41.

296. Некрылов С. А. Дневники В. М. Флоринского как источник по истории императорского Томского университета / С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 29–30 октября 2009 г. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 540–546.

297. Некрылов С. А. Областники и первый Сибирский университет / С. А. Некрылов // Вестник Томского гос. ун-та. – 2007. – № 295. – С. 141–148.

298. Некрылов С. А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) / С. А. Некрылов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – Т. 1. – 514 с.

299. Никс Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект / Н. Н. Никс. – М. : Новый хронограф, 2008. – 304 с.

300. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.) / С. В. Оболенская. – М. : Ин-т всеобщ. истории РАН, 2000. – 209 с.

301. Овсянникова С. А. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917) / С. А. Овсянникова // Очерки истории музейного дела в России. – М. : Советская Россия, 1960. – С. 66–144.

302. От редакции // Русская мысль. – 1885. – № 1. – С. 170–171.

303. Пальцев М. А. 250 лет Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова / М. А. Пальцев, А. М. Сточик, С. Н. Затравкин. – М. : Шико, 2008. – 160 с.

304. Патриаршее подворье святителя Николая Чудотворца в городе Бари [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: http://bargrad.com (дата обращения: 04.10.2018).

305. Пашутин В. В. Краткий очерк Императорской Военно-медицинской академии за сто лет ее существования : составлен к столетнему юбилею академии В .В. Пашутиным / В. В. Пашутин. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1898. – 38 с.

306. Первый университет Сибири. – Томск : Изд. ред. «Сибирского вестника», 1889. – 94 с.

307. Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России / Ф. А. Петров. – Т. 4, ч. 1. – М. : [б. и.], 2003. – 583 с.

308. Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России / Ф. А. Петров. – Т. 4, ч. 2. – М. : [б. и.], 2003. – 463 с.

309. Печникова О. Г. Правовая регламентация медицинской деятельности в России (первая половина XIX века) / О. Г. Печникова // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. – 2013. – Вып. 4. – С. 161–168.

310. Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения / Н. И. Пирогов ; сост. А. Н. Алексюк, Г. Г. Савенок. – М. : Педагогика, 1985. – 493 с.

311. Пирогов Н. И. Университетский вопрос / Н. И. Пирогов // Избранные педагогические сочинения. – М. : Академия педагогических наук РСФСР, 1952. – С. 380–463.

312. Пирогова Е. П. Новый источник изучения имущественного положения уральского заводчика А. Ф. Турчанинова : аналитический обзор описи 1789 г. / Е. П. Пирогова // Известия Уральского федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (142). – С. 129–143.

313. Плютто П. А. История и опыт реконструкции архива А. А. Богданова (Малиновского (1873–1928)). Документы А. А. Богданова и документы о его жизни и деятельности в российских и зарубежных архивах : автореф. дис. … канд. ист. наук / П. А. Плютто. – М., 1994. – 28 с.

314. Поздеева И. В. Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник / И. В. Поздеева // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга : сб. науч. тр. – М. : Гос. биб-ка СССР им. В. И. Ленина, 1978. – С. 8–21.

315. Поздеева И. В. Поливидовой территориальный архив Верхокамья : история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова 1972–1988 гг.) / И. В. Поздеева // Отечественные архивы. – 2000. – № 4. – С. 24–35.

316. Полежаева Т. В. «Сей старец дорог нам…» : к вопросу о политическом поведении А. С. Шишкова / Т. В. Полежаева // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2014. – № 3 (29). – С. 116–122.

317. Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России / А. Ю. Полунов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 374 с.

318. Поселянин Е. Краткое описание Бар-градского Николо-Александровского храма в Петрограде / Е. Поселянин. – Петроград : Имп. Православное Палестинское о-во, 1916. – 31 с.

319. Потанин Г. Н. Заметки и воспоминания В. М. Флоринского / Г. Н. Потанин // Сибирская жизнь. – 1906. – 29 окт.

320. Потанин Г. Н. Заметки и воспоминания В. М. Флоринского / Г. Н. Потанин // Сибирская жизнь. – 1906. – 1 нояб.

321. Потанин Г. Н. Заметки и воспоминания В. М. Флоринского / Г. Н. Потанин // Сибирская жизнь. – 1906. – 2 нояб.

322. Похвалинская Л. Е. Волшебный мир фарфора. Из собрания Национального музея республики Татарстан / Л. Е. Похвалинская. – Казань : Заман, 2003. – 158 с.

323. Пузырев В. В. М. Флоринский и Томское общество естествоиспытателей / В. Пузырев // Сибирский медицинский журнал. –1999. – Т. 14, № 1–2. – С. 87–91.

324. Пузырев В. Устроитель Сибирского университета : 165 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти В. М. Флоринского / В. Пузырев // Красное знамя. – 1999. – 20 февр.

325. Пушкарев Л. Н. Записи на книгах как источник по истории культуры (на материале книг Симеона Полоцкого) / Л. Н. Пушкарев // АЕ за 2000 год. – М. : Наука, 2001. С. 115–128.

326. Пушкарева Г. В. Государственная бюрократия как объект исследования / Г. В. Пушкарева // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С. 77–86.

327. Пыпин А. Н. Мои заметки / А. Н. Пыпин. – Саратов : Соотечественник, 1996. – 331 с.

328. Рахманинов И. Памяти профессора Н. Ф. Филатова / И. Рахманинов // Медицинское обозрение. – 1902. – Т. LVII, № 3. – С. 264–272.

329. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы / А. И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 448 с.

330. Ректоры Томского университета : биографический словарь (1888–2003) / сост. С. Ф. Фоминых [и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – Т. 5. – 186 с.

331. Ремнев А. Университетский вопрос в Сибири XIX столетия / А. Ремнев // Регион в истории империи : исторические эссе о Сибири. – М. : Новое изд-во, 2013. – С. 97–123.

332. Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ другого» / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 39. – С. 9–19.

333. Речь, произнесенная 9 июля 1832 года, при выпуске лекарей из Императорской медико-хирургической академии, той же академии профессором и ученым секретарем А. Чаруковским // Друг здравия. – 1833. – № 8. – С. 57–59.

334. Рихтер В. М. История медицины в России : в 3 ч. / В. М. Рихтер. – М. : В Унив. тип., 1820. – Т. 1–3.

335. Роготень Т. Первый Сибирский университет: история возникновения / Т. Роготень // Alma Mater. – 1992. – 5 июня.

336. Романов Я. С. Краткий очерк истории Научной библиотеки Татарской республики при Казанском государственном университете. 1804–1939 / Я. С. Романов. – Казань : [б. и.], 1940. – 84 с.

337. Российская империя в сравнительной перспективе / отв. ред. А. Миллер. – М. : Новое изд-во, 2004. – 383 с.

338. Руденко К. А. Творческая лаборатория А. Ф. Лихачева: от коллекционера к ученому / К. А. Руденко // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154, кн. 3. – С. 187–198.

339. Румянцева М. Ф. Для чего люди пишут мемуары ? : (мемуаротворчество как способ социализации индивидуума) / М. Ф. Румянцева // Мир психологии : науч.-метод. журнал. – 1998. – № 1 (13). – С. 141–155.

340. Румянцева М. Ф. Историческая наука и художественная литература : от модерна к постмодерну / М. Ф. Румянцева // История России XIX–XX веков : новые источники понимания / под ред. С. С. Секиринского – М. : Моск. общест. науч. фонд, 2001. – С. 33–40.

341. Румянцева М. Ф. Музейный предмет и музейная экспозиция в структуре актуального исторического знания / М. Ф. Румянцева // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. – М., 2015. – С. 70–77.

342. Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия : сб. ст. / под. ред. М.М. Красилина. – М. : Изд-е ГосНИИР, 2001. – 322 с.

343. Русские народные картинки : [в 5 т.] / сост. Д. А. Ровинский. – СПб. : тип. Акад. наук, 1881. – Т. 1–5.

344. Савинская Л. Ю. Коллекционирование французской живописи в России второй половины XVIII – первой трети XIX веков : (на материале частных коллекций) : автореф. дис. … канд. искусств. наук / Л. Ю. Савинская. – М., 1991. – 23 с.

345. Свешников А. В. Итальянские путешествия в текстах русских историков конца XIX – начала XX в. / А. В. Свешников // Диалог со временем. – 2004. – Вып. 13. – С. 172–187.

346. Свешников А. В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века / А. В. Свешников // Расписание перемен : очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 849–887.

347. Северюхин Д. Старый художественный Петербург : рынок и самоорганизация художников от начала XVIII до 1932 г. / Д. Северюхин. – СПб. : Міръ, 2008. – 535 с.

348. Семенова Г. Ю. Об интересах читателей XVII века по материалам записей в книгах : Опыт применения корреляционного анализа / Г. Ю. Семенова // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 169–178.

349. Сеченова А. А. Василий Маркович Флоринский – первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа / А. А. Сеченова // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2009. – № 12 (90). – С. 139–141.

350. Сидорова И. Б. Ученое братство : Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы) / И. Б. Сидорова – Казань : Институт археологии им. А.Х. Халикова, 2014. – Ч. 1. – 304 с.

351. Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины / Л. Я. Скороходов / под ред. М. В. Супотницкого. – М., 2010. – 430 с.

352. Скотт Дж. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Дж. Скотт. – М. : Университетская книга, 2005. – 576 с.

353. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета / сост.: В. А. Есипова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. 2. – 605 с.

354. Смирнова Е. М. «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII – середина XIX вв.) / Е. М. Смирнова // Новый исторический вестник. – 2011. – № 2 (28). – С. 6–19.

355. Смирнов А. С. «…Чего стоила мне эта библиотека!..». Письмо первого библиотекаря Томского университета С. К. Кузнецова библиофилу А. Н. Островскому, 1886 г. / А. С. Смирнов // Отечественные архивы. – 2014. – № 2. – С. 103–118.

356. Смирнов А. С. Третейский суд о Томском могильнике / А. С. Смирнов // Вестник Томского гос. ун-та. – 2013. – № 369. – С. 96–103.

357. [Снегирев И. М.] Русская народная галерея, или Лубочные картинки / [И. М. Снегирев] // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 12, кн. 30. – С. 85–96.

358. Соколов М. Н. Ab arte restaurata. Сакральность эстетического в «иеротопии» Нового времени / М. Н. Соколов // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. – М. : Индрик, 2009. – С. 172–201.

359. [Соловьев С. М.] Об историческом движении русского народонаселения: из публ. лекций Общества любителей естествознания / [С. М. Соловьев] – [СПб.] : Воен. тип. , 1867. – 28 с.

360. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / пер. с нем. К. Левинсона ; пер. с польск. Д. Добровольского ; под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2013. – 386 с.

361. Сорокин В. В. История библиотеки Московского университета (1800–1917 гг.) / В. В. Сорокин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 254 с.

362. [Срезневский В. И.] Антропологические исследования В. М. Флоринского / [В. И. Срезневский] // Известия РГО. Мелкие известия. – СПб., 1882. – Т. 18, вып. 2. – С. 20–22.

363. Степин В. С. История и философия медицины. Научные революции XVII–XIX веков / В. С. Степин, А. М. Сточик, С. Н. Затравкин. – М. : Академический проспект, 2017. – 236 с.

364. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Императорская Военно-медицинская (медико-хирургическая) академия / сост. Г.Г. Скориченко. – СПб. : тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. – Т. 9, ч. 1. – 221 с.

365. Сточик А. М. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века / А. М. Сточик, М. А. Пальцев, С. Н. Затравкин. – М. : Медицина, 1998. – 336 с.

366. Сточик А. М. Московский университет в реформах высшего медицинского образования 40–60-х годов XIX века [Электронный ресурс] / А. М. Сточик, М. А. Пальцев, С. Н. Затравкин. – М. : Шико, 2004. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.historymed.ru/encyclopedia/articles/?ELEMENT_ID=5071 (дата обращения: 16.05.2018).

367. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Куклина. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 960 с.

368. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика : опыт источниковедческого изучения / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1980. – 312 с.

369. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. : от рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1991. – 288 с.

370. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века / А. Г. Тартаковский. – М. : Археогр. центр, 1997. – 357 с.

371. Томский государственный университет – дело всей России : дайджест по истории возникновения первого Императорского университета в Сибири / сост. С. Ф. Фоминых, И. А. Дунбинский. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. – 130 с.

372. Томский университет. 1880–1980 : [очерк истории и деятельности] / под ред. М. Е. Плотниковой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. – 432 с.

373. Трохимовский А. Ю. Политика министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей (1856–1881) / А. Ю. Трохимовский // Вестник Московского ун-та. Сер. 8, История. – 2007. – № 1. – С. 61–76.

374. Тункина И. В. Иван Алексеевич Стемпковский : материалы к биографии / И. В. Тункина // ΕΥΕΧΙΤΙΑ : памяти Юрия Викторовича Андреева. – СПб. : Гос. Эрмитаж ; Алетейя, 2000. – С. 357–379.

375. Тункина И. В. Новые материалы о коллекции древностей И. П. Бларамберга / И. В. Тункина // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья : тез. докл. науч. конф. – Белгород-Днестровский, 1995. – С. 66–67.

376. Тункина И. В. О судьбе рукописного наследия И. П. Бларамберга / И. В. Тункина // Херсонесский сборник. – Севастополь : Стрижак-Пресс, 2004. – Вып. 13. – С. 233–249.

377. Тункина И. В. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина // Проблемы античной истории : сб. науч. ст. : к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – С. 359–375.

378. Турунов А. Н. Победоносцев и «Московские ведомости» об открытии Томского университета / А. Н. Туранов // Северная Азия. – 1928. – Кн. 5–6. – С. 181–183.

379. Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры / Б. А. Успенский // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм : история и типология. – М. : О.Г.И., 1999. – Вып. 2(10). – С. 7–20.

380. Успенский Л. А. Богословие православной иконы / Л. А. Успенский. – М. : Изд-во Западно-Европейского экзархата. Московский патриархат, 1996. – 474 с.

381. Филимонов М. Р. Книжные сокровища Сибири : к 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета / М. Р. Филимонов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. – 194 с.

382. Ханыков Я. В. Очерк истории медицинской полиции в России / Я. В. Ханыков. – СПб. : Тип. МВД, 1851. – 116 с.

383. Хетчер М. Внутренний колониализм / М. Хетчер // Этнос и политика : хрестоматия. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – С. 202–210.

384. Хоскинг Д. Россия : народ и империя (1552–1917) / Д. Хоскинг. – Смоленск : Русич, 2001. – 501 с.

385. Хрипко М. Л. Роль частного собирательства в формировании дореволюционной коллекции исторической музея (третья четверть XIX – 1918 год) : автореф. дис. … канд. ист. наук / М. Л. Хрипко. – М., 1991. – 20 с.

386. Цвелев Ю. В. Жизнь и научная деятельность Василия Марковича Флоринского (1834–1899) / Ю. В. Цвелев // Журнал акушерских и женских болезней. – 1999. – Т. 48, вып. 1. – С. 77–81.

387. Церковное дело в районе Сибирской железной дороги // Россия. Комитет Сибирской железной дороги : (материалы). – [Б. м., 1894]. – Т. 1. – 520 с.

388. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; редкол. : Н. Ф. Бельчиков и др. – М. : Наука, 1974. – Т. 19 : Письма 1875–1886. – 582 с.

389. Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России / Я. А. Чистович. – СПб. : Тип. Я. Трея, 1883. – 662 с.

390. Чуркин М. К. Миграционное поведение российского крестьянства во властном и общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в. / М. К. Чуркин // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2015. – № 3 (35). – С. 21–29.

391. Шавыркина Н. А. Личная библиотека. Культурно-исторический анализ / Н. А. Шавыркина. – М. : Союз, 2000. – 199 с.

392. Шартье Р. Письменная культура и общество / Р. Шартье. – М. : Новое изд-во, 2006. – 272 с.

393. Шевченко Ю. Л. Святые целители и врачи / Ю. Л. Шевченко // Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н. И. Пирогова. – 2006. – Т. 1. – № 1. – С. 13–15.

394. Шемякин Я. Г. Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: (о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта) / Я. Г. Шемякин // Общественные науки и современность. – 2014. – № 2. – С. 113–123.

395. Шлаева И. В. Частное коллекционирование предметов русской старины как фактор сохранения культурного наследия : конец XIX – начало XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук / И. В. Шлаева. – М., 2000. – 26 с.

396. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразования обществ. Сравнительное изучение цивилизации / Ш. Эйзенштадт ; пер. с англ. А. В. Гордона – М. : Аспект Пресс, 1999. – 415 с.

397. Эткинд А. Бремя бритого человека или внутренняя колонизация России / А. Эткинд // Ab Imperio. – 2002. – № 1. – С. 265–299.

398. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд ; авториз. пер. с анг. В. Макарова. – 2-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 448 с.

399. Эткинд А. Русская литература. XIX век : роман внутренней колонизации / А. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 1 (59). – С. 103–124.

400. Юбилей доктора Громова // Друг здравия. – 1852. – № 40. – С. 182–183.

401. Ястребов Е. В. Библиография опубликованных трудов Василия Марковича Флоринского / Е. В. Ястребов. – М. : [б. и.], 1992. – 63 с.

402. Ястребов Е. В. В. М. Флоринский и Томский университет / Е. В. Ястребов // Alma Mater. – 1992. – 23 окт.

403. Ястребов Е. В. В. М. Флоринский и Томский университет / Е. В. Ястребов // Alma Mater. – 1992. – 30 окт.

404. Ястребов Е. В. Василий Маркович Флоринский / Е. В. Ястребов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. – 173 с.

405. Ястребов Е. В. Василий Маркович Флоринский в Петербургской медико-хирургической академии / Е. В. Ястребов. – М. : СигналЪ, 1999. – 98 с.

406. Ястребов Е. В. Победил Томск / Е. В. Ястребов // Красное знамя. – 1993. – 28 июля.

407. Becker E. M. Medicine, Law and the State in Imperial Russia / E. M. Becker. – Budapest, New York : Central European University Press, 2011. – 399 p.

408. Clifford I. N. Bureaucracy, Technical Expertise, and Professionals : a Weberian Approach / I. N. Clifford // Sociological Theory. – 1986. – Vol. 4, № 1. – P. 61–70.

409. Dutchak E. E., Vasilyev A. V. Breathing Life into Rare Book Collections : the Digitization of the Taiga Skit Old Believers Library / E. E. Dutchak, A. V. Vasilyev // Libri. – 2016. – Vol. 66, № 4. – P. 313–326.

410. Lincoln W. B. The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia / W. B. Lincoln. – DeKalb, IL : Northern Illinois University Press, 1990. – 226 p.

411. McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823–1832 / R. E. McGrew. – Wisconsin : University of Wisconsin Press, 1965. – 299 p.

Справочные и информационные издания

412. Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. – М. : Экономика, 2004. – 351 с.

413. Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – 3-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1980. – Т. 14. – 496 с.

414. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд. – СПб.-М. : тип. М.О. Вольфа, 1880–1882. – Т. 3. – 576 с.

415. Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. / С. А. Клепиков. – М. : Изд-во Всесоюз. Книжной палаты, 1959. – 280 с.

416. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Азбуковник, 1998. – 944 с.

417. Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии : в память исполнившегося в 1900 г. (1800-XI / XI-1900) 100-летия Пермской духовной семинарии. – Пермь : И. Шестаков, 1900. – 101 с.

418. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/ (дата обращения: 16.05.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ А
Бронзовые древнекитайские монеты из коллекции В. М. Флоринского

Рисунок А.1 – Монета-мотыга. Китай. 362–340 гг. до н.э. 17,56 г.
НМРТ КП-3218

Рисунок А.2 – Монета-нож. Китай. VII–III вв. до н.э. 63,15 г.
НМРТ КП-3173/60

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
Предметы декоративно-прикладного искусства из коллекции В. М. Флоринского

Рисунок Б.1 – Веер. Конец XIX – начало XX в. 24 х 32 см. НМРТ КП-3044/1

Рисунок Б.2 – Веер. Конец XIX – начало XX в. 24 х 32 см. НМРТ КП-3044/2

Рисунок Б.3 – Веер. XIX в. 40.4 х 24.8 см.
НМРТ КП-3045/б

Рисунок Б.4 – Веер. XIX в. 38 х 24 см.
НМРТ КП-3046/а

Рисунок Б.5 – Веер. XIX в. 39 х 23.5 см.
НМРТ КП-3116

Рисунок Б.6 – Веер. Конец XIX – начало XX в. 38 х 22,5 см.
НМРТ КП-3115

Рисунок Б.7 – Ваза декоративная. XIX в. 39,5 х 14 см.
НМРТ КП-2990/а

ПРИЛОЖЕНИЕ В
Интерьер квартиры В. М. Флоринского в главном корпусе Томского университета

Рисунок В.1 – Интерьер квартиры В. М. Флоринского
в главном корпусе Томского университета (Южный флигель, 2-й этаж)

ПРИЛОЖЕНИЕ Г
Набросок расположения будущих университетских зданий Сибирского университета, сделанный В. М. Флоринским, 1875 г.

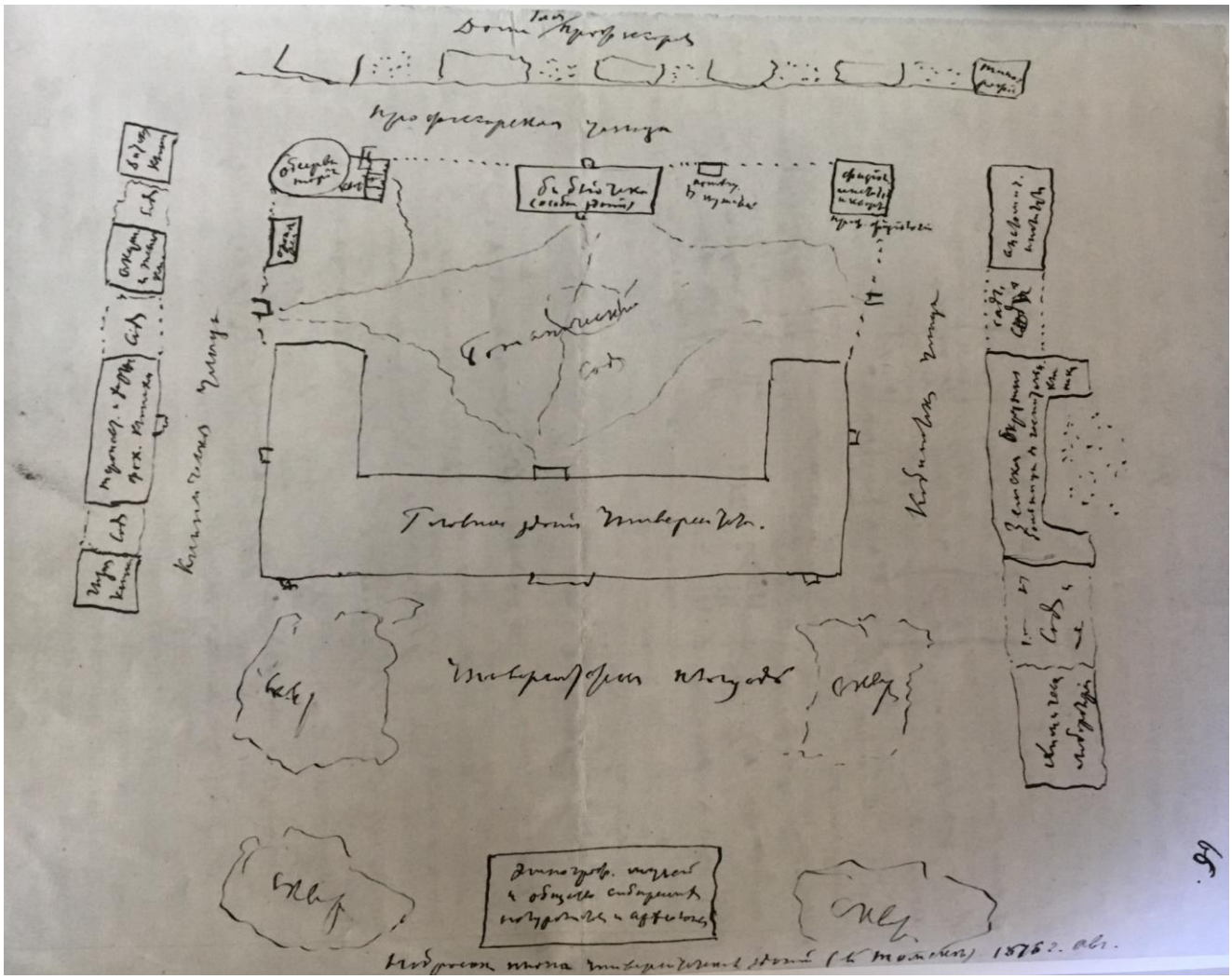


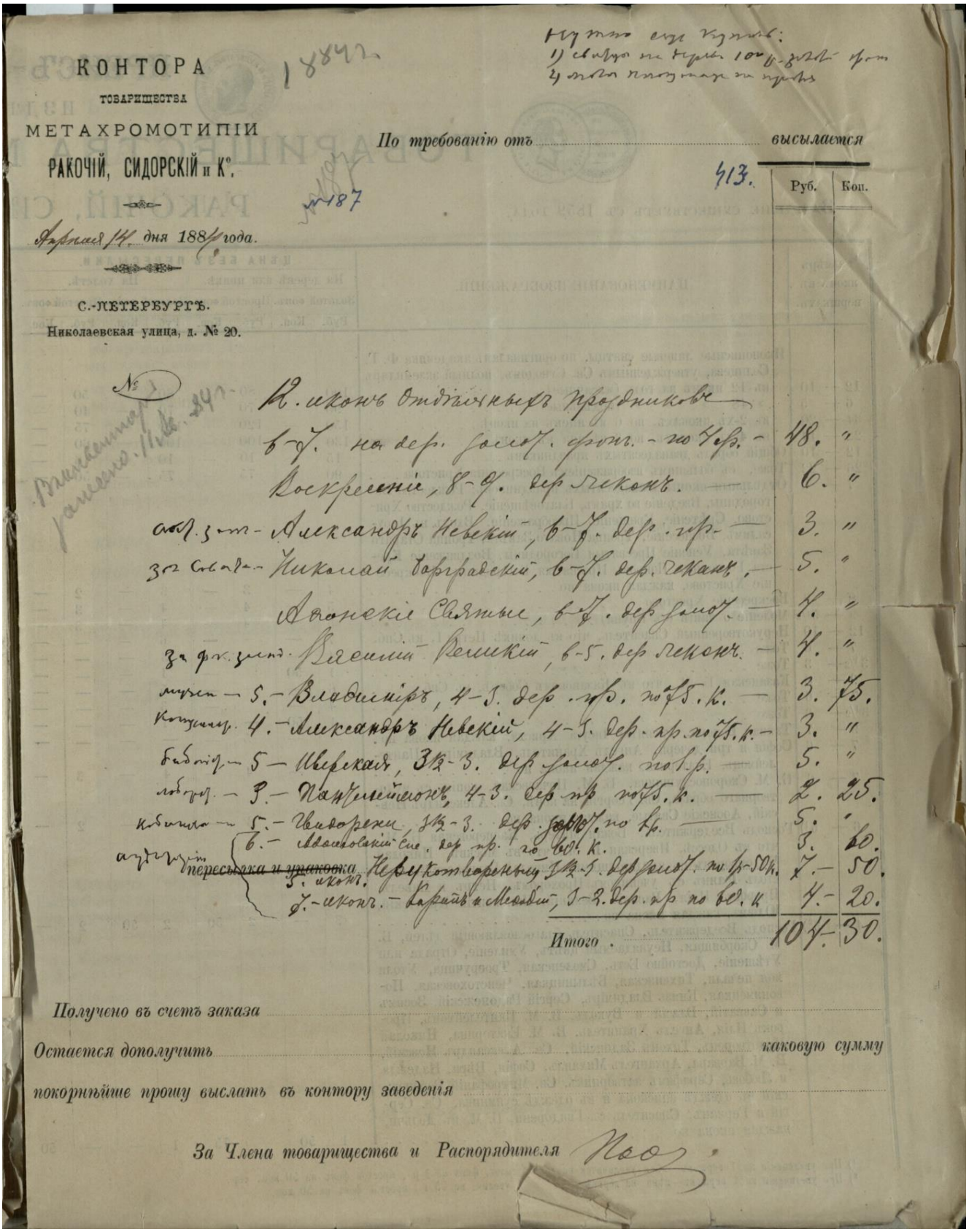
Рисунок Г.1 – Набросок расположения будущих университетских зданий Сибирского университета, сделанный В. М. Флоринским, 1875 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д
Тематический состав книг и рукописей, переданных В. М. Флоринским в дар Томскому университету

Таблица Д. 1. – Тематический состав книг и рукописей, переданных В. М. Флоринским в дар Томскому университету

Отрасль знания, вид литературы	Количество (по наименованию)	Долю по отношению к книжному фонду, %
Медицина (учебные пособия; периодические и продолжающиеся издания)	1293	57,98
Учебные пособия XVIII – XIX вв.	354	15,87
Религиозно-теологическая литература	102	4,57
Естественные науки	87	3,90
История	50	2,24
Законодательство	50	2,24
Нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация учебных заведений Российской империи; образование и педагогика	48	2,15
Периодические и продолжающиеся издания	47	2,11
Художественная литература	32	1,43
Филология (словари и лексиконы)	25	1,12
Делопроизводственная документация	24	1,08
География и путешествия (карты, атласы)	22	0,99
Экономика и статистика	20	0,90
Философия	18	0,81
Правоведение	16	0,72
Адрес-календари, памятные и справочные книги	13	0,58
Земледелие и садоводство	10	0,45
Прочая литература (искусство, строительство, певческие книги, домоводство и др.)	19	0,85
Всего	**2230**	**100**

ПРИЛОЖЕНИЕ Е
Счет Товарищества метахромотипии Ракочий, Сидорский и К° с записями В. М. Флоринского, 14 апреля 1884 г.



КОНТОРА
ТОВАРИЩЕСТВА
МЕТАХРОМОТИПІИ
РАКОЧІЙ, СИДОРСКІЙ и К°.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Николаевская улица, д. № 20.

По требованію отъ ..... высылается

Апрѣля 14. дня 1884 года.

	Руб.	Коп.
12. иконъ отдѣлочныхъ праздниковъ		
в-ф. на дер. гомог. фонт. - по 4 р. -	48.	"
Воскресеніе, 8-ф. дер. гекон.	6.	"
Александръ Невскій, в-ф. дер. гр.	3.	"
Николай Чудотворецъ, в-ф. дер. гекан.	5.	"
Апостолы Святые, в-ф. дер. гомог.	4.	"
Василій Великій, в-5. дер. гекон.	4.	"
Владиміръ, 4-5. дер. гр. по 75 к.	3.	75.
Александръ Невскій, 4-5. дер. гр. по 75 к.	3.	"
Иверская, 3½-3. дер. гомог. по 1 р.	5.	"
Пантелеймонъ, 4-3. дер. гр. по 75 к.	2.	25.
Спиридонъ, 3½-3. дер. гомог. по 1 р.	5.	"
Абалакская. дер. гр. по 60 к.	3.	60.
~~пересылка и упаковка~~ Керамическій 3½-5. дер. гомог. по 1 р. 50 к.	7.	50.
5. иконъ. - Царевичъ и Медвѣдь, 3-2. дер. гр. по 60 к.	4.	20.
Итого .	104.	30.

Получено въ счетъ заказа .....

Остается дополучить ..... каковую сумму

покорнѣйше прошу выслать въ контору заведенія .....

За Члена товарищества и Распорядителя

Рисунок Е.1 – Счет Товарищества метахромотипии Ракочий, Сидорский и К° с записями В. М. Флоринского, 14 апреля 1884 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж
Пригласительный билет на празднование в честь открытия Императорского Томского университета 22 июля 1888 г.

Рисунок Ж.1 – Пригласительный билет на празднование в честь открытия Императорского Томского университета 22 июля 1888 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ И
«Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета», составленный В. М. Флоринским в 1877 г.

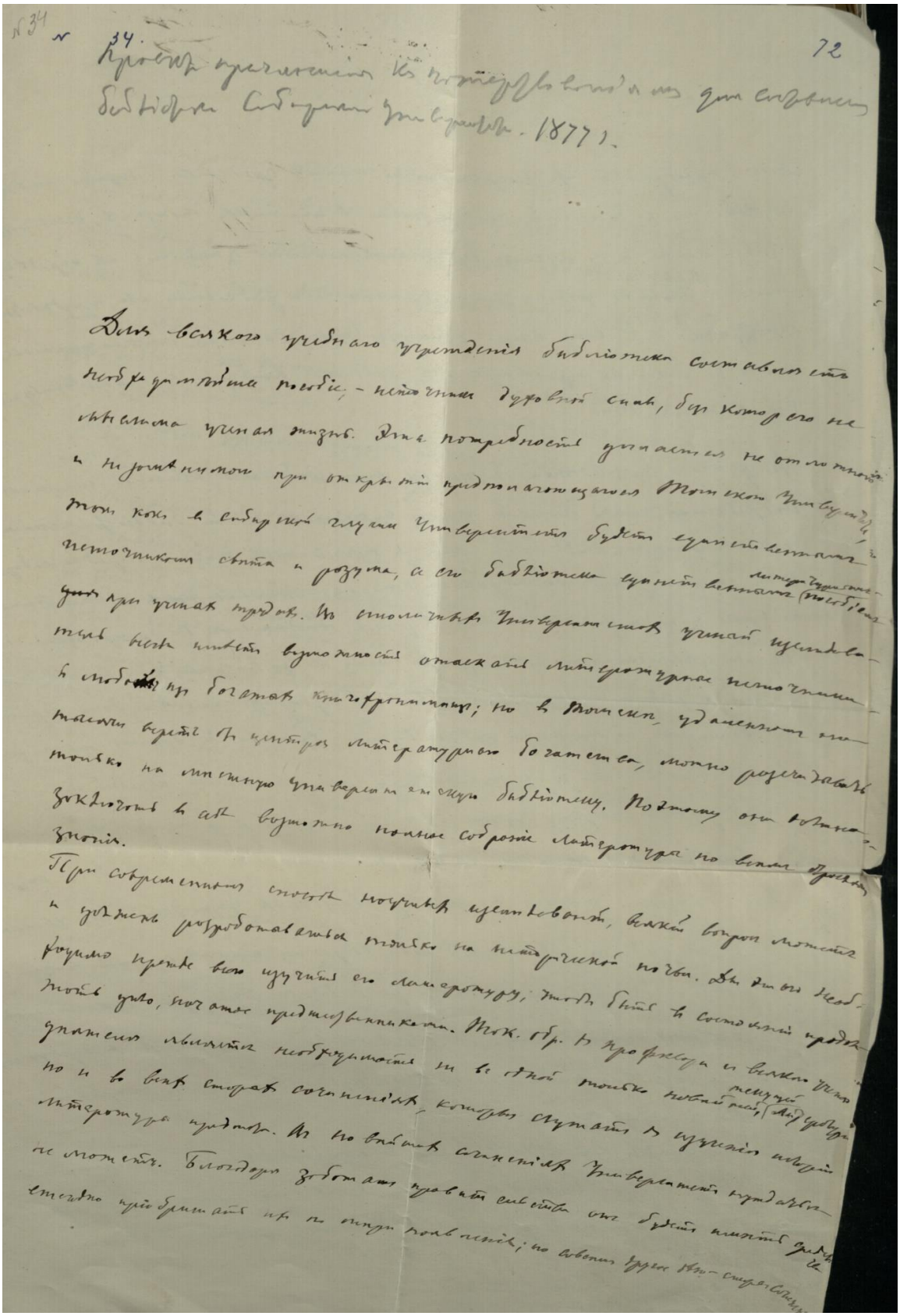


Рисунок И.1 – «Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета», составленный В. М. Флоринским в 1877 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К
Пометы В. М. Флоринского на рукописях библиотеки В. А. Жуковского

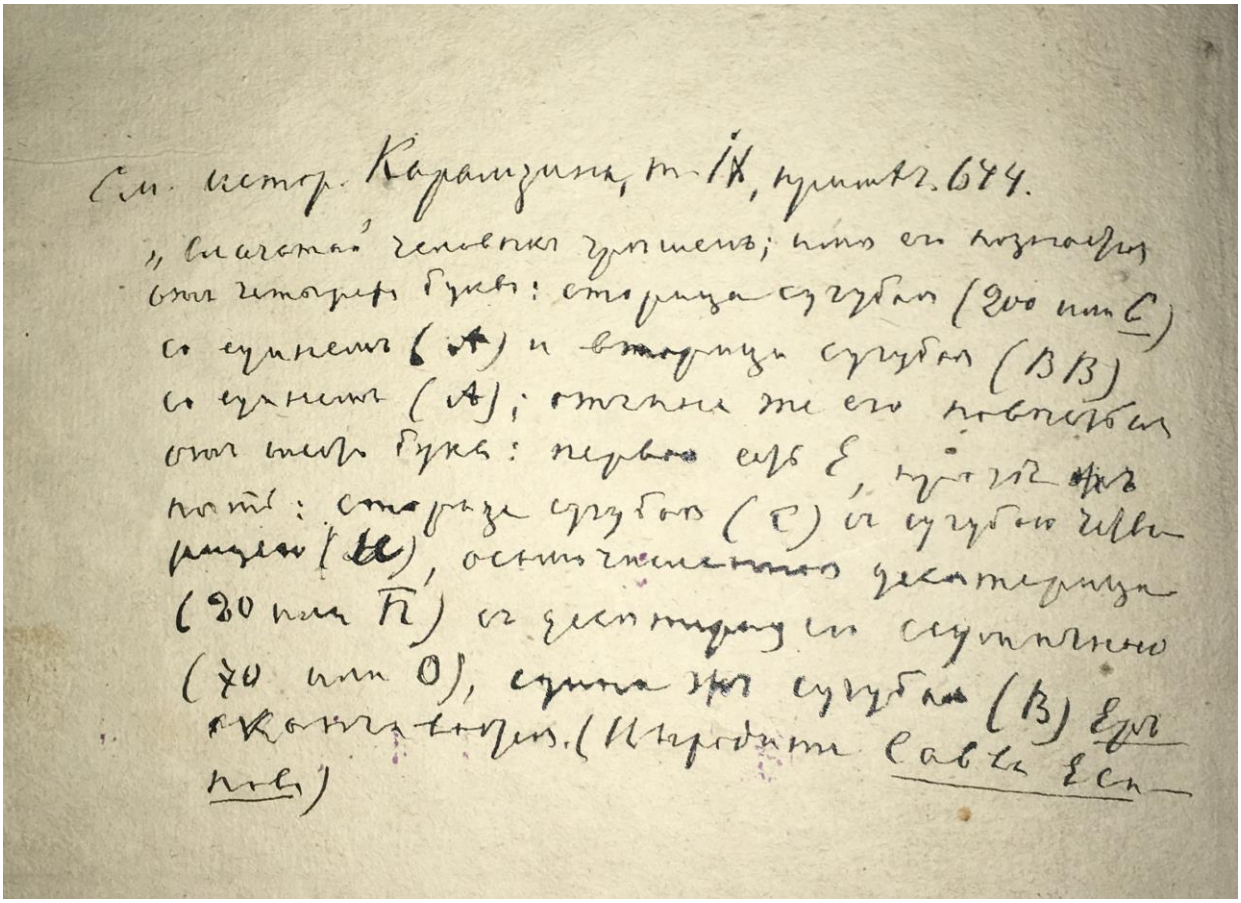


Рисунок К.1 – НБ ТГУ. ОРКП. В-324. Описание о постоновлении городов и острогов в Сибири. Рукопись XVIII в. (сер.)

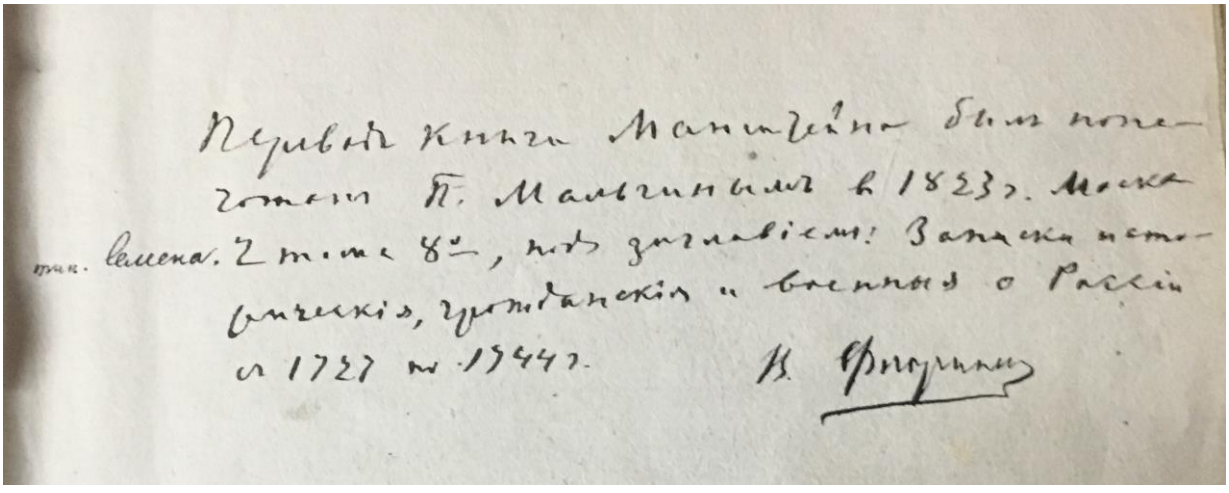


Рисунок К.2 – НБ ТГУ. ОРКП. В-550. Манштейн Х. Г. История политические и военные записки о России от 1727 по 1744 год с прибавлением, содержащим сокращенное понятие военным, морским, коммерческим и протчим делам сея пространныя империи […] печатано в Лейпциге 1771 года. Рукопись 1784 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ Л
Реестр грузов, полученных в г. Томске, составленный В. М. Флоринским, 1879–1884 гг.

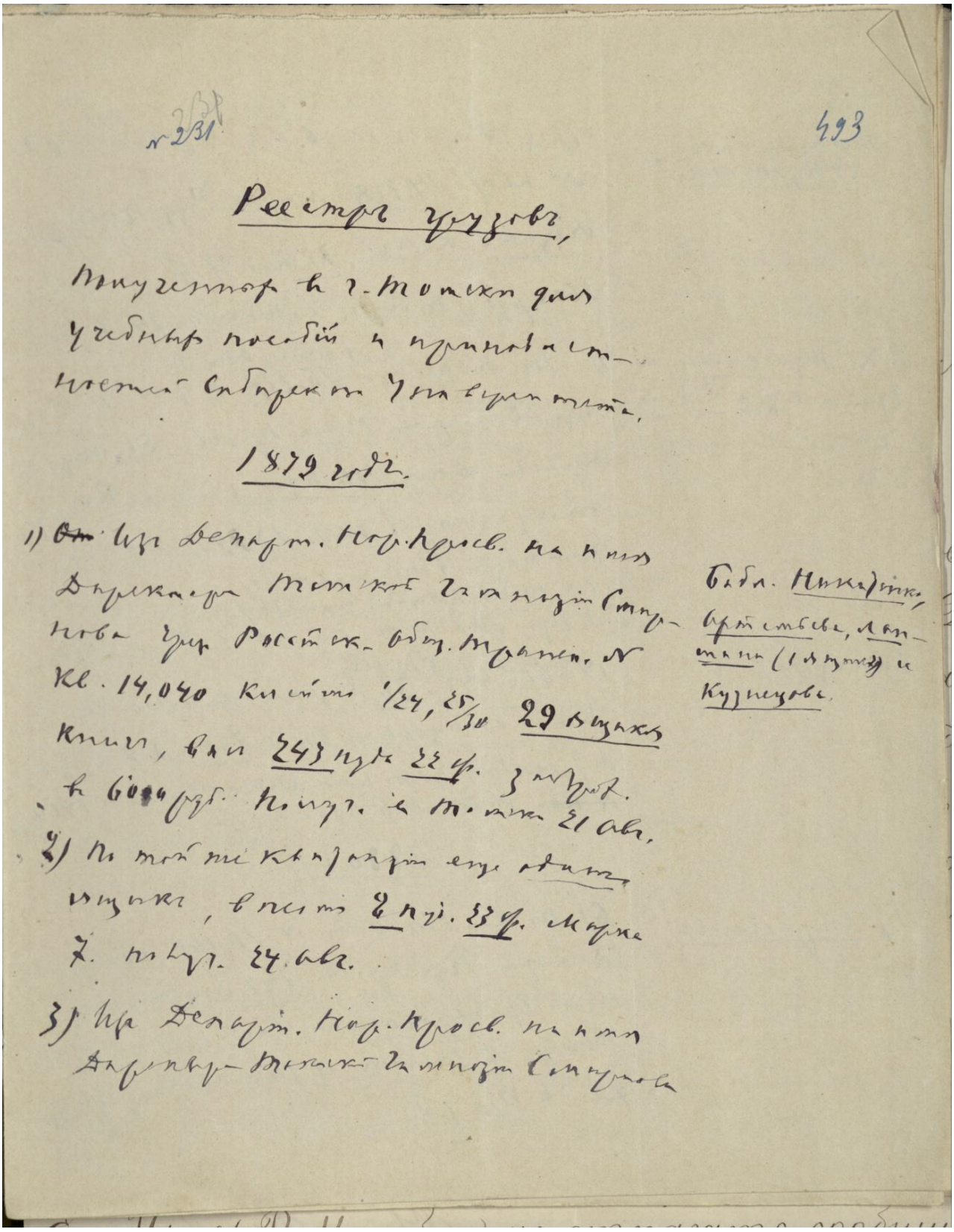


Рисунок Л.1 – Реестр грузов полученных в г. Томске для учебных пособий и принадлежностей Сибирского университета, составленный В. М. Флоринским, 1879–1884 гг.